

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ
научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 01-08-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 01-08-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумakov Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала«Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, L_Vodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкоznания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкоznания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилова, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich — Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya — Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasiliyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bespalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University , Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremeteva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremeteva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

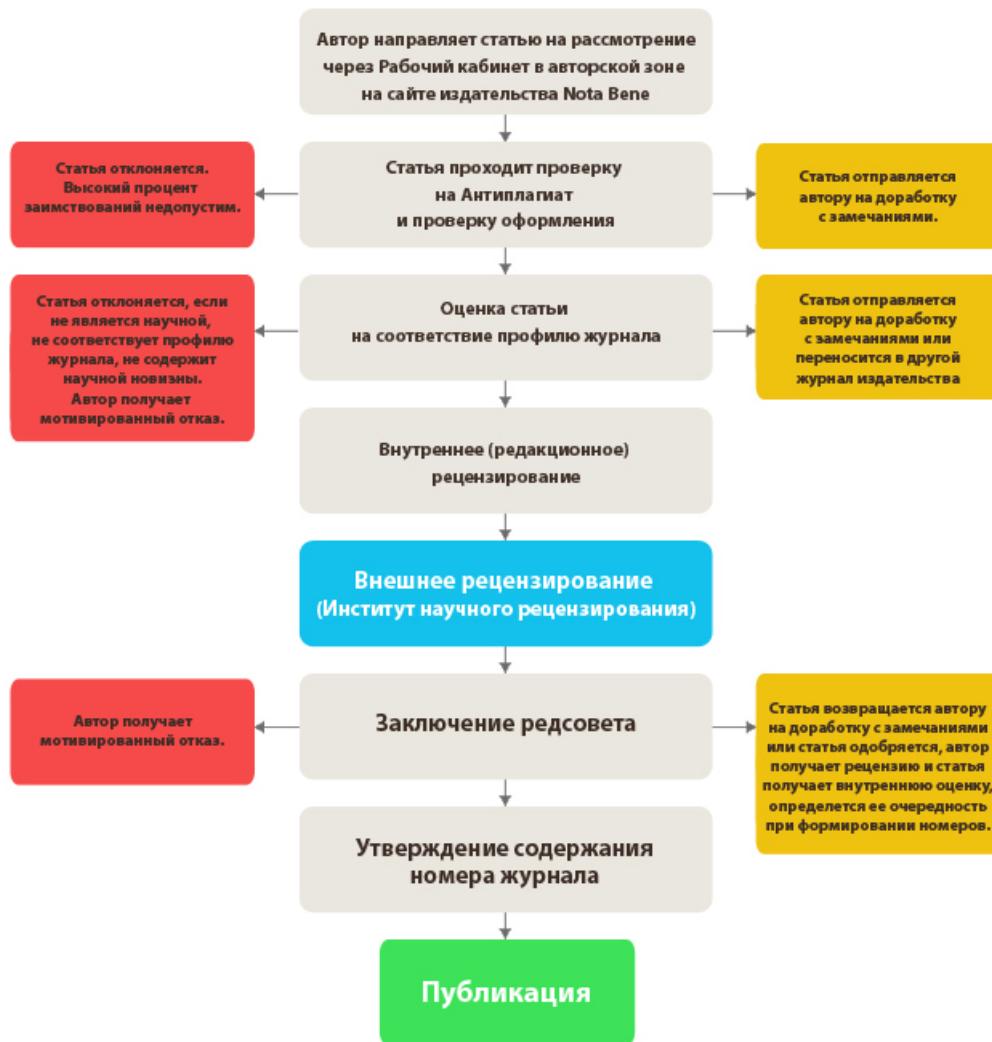
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ло Д. Композиция жанра протокола в официально-деловом подstile религиозного функционального стиля	1
Сунь Я. Словарь лексемы «память» в произведениях В.М.Гаршина	10
Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Транспозиция беспредложных форм творительного падежа существительных в пространственные наречия: ступени, признаки, предел	20
Филатова Е.А. Документальное кино: алгоритм работы над закадровым переводом	34
Лазуткина Е.В., Жбанкова Н.В., Сидорова Н.А. Особенности перевода идионимов в английском и немецком гастрономическом дискурсе	44
Юрковская Е.А. Языковые закономерности, определяющие русско-английские переводческие соответствия субстантивных фраз официально-делового дискурса	52
Гайнутдинова Д.А. Пейзаж в романе Оноре де Бальзака «Воспоминания двух юных жён»: мотивы ада и рая	66
Гладилин Н.В. «Англичанин» Я. М. Р. Ленца как художественное отображение кризисного этапа в жизни и творчестве «штурмера»	74
Ситникова И.А. Поэтика пьесы Ф. Г. Лорки «Йерма» в переводе Н. Л. Трауберг и А. М. Гелескула	85
Рощина О.С. «Воображаясь героиней...»: романский дискурс в мемуарах А. Е. Лабзиной	99
Зотова С.В. Прагматические возможности креолизованных текстов на примере календарей Сухопутных войск Италии	107
Самсонова Е.М. Редупликация образных и звукоподражательных глаголов как средство выражения кратности в якутском языке (на материале романа Н.Е. Мордикова-Амма Аччыгыйа «Весенняя пора»)	117
Зенков А.В., Зенков М.А., Зенков Н.А. Пелевин vs Сорокин: опыт стилометрического сопоставления	130
Баребина Н.С., Зибров Д.А. Логико-языковые особенности кондуктивных аргументов в экологическом медиадискурсе	142
Англоязычные метаданные	152

Contents

LUO D. The composition of the protocol in the official religious language style	1
Sun Y. Vocabulary of the lexeme "memory" in the works of V.M. Garshin	10
Shigurov V.V., Shigurova T.A. Transposition of prepositional forms of the instrumental case of nouns into spatial adverbs: steps, signs, limit	20
Filatova E.A. Documentaries: Voice-over Translation Algorithm	34
Lazutkina E.V., Zhbankova N.V., Sidorova N.A. Peculiarities of the translation of idionyms in English and German gastronomic discourse	44
Irulkovskaya E.A. Linguistic regularities underlying translation correspondences between Russian and English official discourse noun phrases	52
Gainutdinova D.A. Landscape in the novel by Honore de Balzac "Letters of two brides": motifs of heaven and hell	66
Gladilin N.V. «The Englishman» by J. M. R. Lenz as an artistic reflection of the crisis in a «Sturm und Drang» movement	74
Sitnikova I. The poetics of F. G. Lorca's play "Yerma" translated by N. L. Trauberg and A. M. Geleskula	85
Roshchina O.S. "Imagining a character...": novel discourse in the memoirs of A. E. Labzina	99
Zotova S. The pragmatic possibilities of the creolized texts in the Italian's Army yearbooks	107
Samsonova E.M. Reduplication of figurative and onomatopoeic verbs as a means of expressing multiplicity in the Yakut language (based on the novel by N.E. Mordinov-Amma Achchygiya "Springtime")	117
Zenkov A.V., Zenkov M.A., Zenkov N.A. Pelevin vs Sorokin: an Attempt of Stylistic Comparison	130
Barebina N.S., Zibrov D.A. Logical and linguistic features of conductive arguments in environmental media discourse	142
Metadata in english	152

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ло Д. Композиция жанра протокола в официально-деловом подstile религиозного функционального стиля // Филология: научные исследования. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71254 EDN: ZBGWIS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71254

Композиция жанра протокола в официально-деловом подstile религиозного функционального стиля

Ло Ди

ORCID: 0009-0009-2970-4216

аспирант; кафедра русского языка, общего языкоznания и речевой коммуникации; Уральский Федеральный Университет

620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 40

✉ luodi574@yandex.ru

[Статья из рубрики "Языкоznание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.7.71254

EDN:

ZBGWIS

Дата направления статьи в редакцию:

11-07-2024

Дата публикации:

18-07-2024

Аннотация: Предметом исследования является специфика экспликации категории композиции в жанре протокола в религиозном стиле. Объектом исследования выступает жанр протокола в официально-деловом подstile религиозного функционального стиля. Автор подробно рассматривает различные жанры используемые в религиозном стиле: констатирующий, или содержательный, итоговый, или удостоверительный. Участники заседания Священного Синода представляют различные документы, в том числе рапорт, сообщение, прошение, доклад и предложение. В них часто используются инфинитивы глаголов, производные отмёенные и наречные предлоги и союзы в словосочетаниях с существительными, чтобы показать точность и строгость содержания принятия решений. В статье анализируется уникальность композиции жанра протокола с помощью категориально-текстового метода, разработанного в уральской научной школе

лингвокультурологии и стилистики. Основные выводы проведенного исследования касаются категории композиции жанра протокола. Протокол в религиозном стиле обычно имеет следующие композиционные блоки: заголовок, фиксирующий жанр и дату проведения заседания, должность председателя, полное название заседания, место проведения заседания, подробный список постоянных членов Священного Синода и полный список приглашенных на заседание; номер журнала (протокола); блок заслушивающих, в котором заключается повестка заседания; блок постановления, в котором содержатся принятые решения по конкретному вопросу. Композиция протокола в религиозном стиле в целом схожа с традиционной композицией протокола в светской среде, так как включает части заслушивания и постановления. Отличиями является отсутствие в религиозном протоколе блока заключения, а также наличие вариативной констатирующей части вынесения суждения. Для более глубокого понимания этого жанра перспективой является изучение языковых черт жанра протокола.

Ключевые слова:

религиозный функциональный стиль, официально-деловой подстиль, текст, текстовая категория, категория композиции, жанр, протокол, журнал, композиционный блок, языковые черты протокола

Вопрос о функциональном стиле – один из центральных в современной стилистике [9]. Функциональный стиль – это «исторически сложившаяся, общественно осознанная речевая разновидность, обладающая специфическим характером, сложившимся в результате реализации особых принципов отбора и сочетания языковых средств, это разновидность, соответствующая той или иной социально значимой сфере общения и деятельности, соотносительной с определенной формой сознания, – наука, искусство, право и т. д.» [16].

На историческом стыке XX-XXI вв. в современном русском литературном языке формируется религиозный функциональный стиль, который постоянно привлекает внимание исследователей [28]. Ученые, занимающиеся изучением религиозного функционального стиля [10, 17, 18, 36, 40, 41, 42], уделяют внимание богослужебным жанрам молитвы, проповеди, послания, жития, акафиста [3, 8, 11, 14, 29, 33].

Углубляясь в изучение религиозного стиля, лингвисты отмечают, «религиозная сфера сознания реализуется не только в процессе Богослужения, но покрывает собой и все остальные сферы деятельности человека: «От веры нельзя отмахнуться, ибо она включает все на свете» [32]. В Русской православной церкви, как и в других церквях, функционирует сфера права и, соответственно, актуальны жанры официально-делового стиля, богословие как особая отрасль науки реализуется в текстах научного стиля, в жанре жития представлен художественный стиль» [12]. Основываясь на этом понимании, данное исследование будет конкретно сосредоточено на официально-деловом подstile религиозного функционального стиля.

По мнению Galperin, «each functional style is subdivided into a number of substyles» (каждый функциональный стиль подразделяется на ряд подстилей. [перевод автора. – Л. Д.]) [37]. В официально-деловом подstile религиозного функционального стиля существует репрезентативный жанр протокола. Под протоколом традиционно понимается «жанр официально-делового стиля, цель которого документально зафиксировать ход

обсуждения определённого вопроса и принятное официальное решение этого обсуждения – итог этого обсуждения» [21, с. 351]. В светской коммуникации жанр протокола активно исследуется во многих сферах, таких как предпринимательство [25], история [5, 38], образование [2, 19], право [23, 24], медицина [27, 31], компьютерные и информационные науки [13, 26, 34], международный обмен и сотрудничество [1, 20, 35]. В официально-деловом подstile религиозного функционального стиля жанр протокола изучен недостаточно [6, 39].

В данной работе основное внимание уделяется анализу текстовой категории композиции, эксплицируемой в жанре протокола в официально-деловом подstile религиозного функционального стиля.

Т. В. Матвеева отмечает, что текстовая категория – «это один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определённой части общетекстового смысла различными, языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами. Каждая текстовая категория воплощает в себе отдельную смысловую линию текста (например, идею времени), выраженную группой средств, которые образуют организованную совокупность, внутритекстовую целостность» [21, с. 480]. Т. В. Матвеева считает, что «в зависимости от характера языкового выражения текстовые категории должны быть разделены на три разновидности: линейный, полевой и объемный». В объемных категориях, Т. В. Матвеева предлагает использовать термин «блок» для обозначения фрагмента [22, с.16] и отмечает, композиция является важным компонентом и охватывает следующие основные блоки: заголовок, зачин, интродукция, концовка [22, с.18]. Текстовая категория композиции изучается в разных стилях и жанрах [4, 7, 15, 30], но его реализация в жанре протокола пока не исследована.

Жанр протокола в традиционном употреблении имеет строгую композицию, «его содержательные части строго определены и расположены в закрепленной последовательности» [21, с. 351]

Рассмотрим композицию жанра протокола в религиозном стиле. Полный протокол, как правило, имеет **общий заголовок**, фиксирующий жанр и дату проведения заседания, чтобы обеспечить актуальность и возможность отслеживания: *ЖУРНАЛЫ Священного Синода от 30 мая 2024 года* [<http://www.patriarchia.ru/db/text/6132831.html>]; *ЖУРНАЛЫ Священного Синода от 29 декабря 2022 года* [<http://www.patriarchia.ru/db/text/5989206.html>]. Протоколы в Русской Православной Церкви называются журналами.

С 1997 по ноябрь 2000 года в заголовочным комплексе, помимо жанра и даты проведения заседания, входит должность председателя, а также полное название заседания: *25-26 декабря 1997 года под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоялось очередное заседание Священного Синода Русской Православной Церкви* [<http://www.patriarchia.ru/db/text/4971847.html>]; *8 ноября 2000 года под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоялось заседание Священного Синода Русской Православной Церкви* [<http://www.patriarchia.ru/db/text/4923032.html>].

С 27 декабря 2000 года по настоящее время в заголовочным комплексе было добавлено место проведения заседания: *26-27 декабря 2001 года в Москве под председательством Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоялось очередное заседание*

Священного Синода Русской Православной Церкви [<http://www.patriarchia.ru/db/text/4896287.html>]; 27 декабря 2005 года под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в **Патриаршей рабочей резиденции в Чистом переулке** состоялось заседание **Священного Синода Русской Православной Церкви** [<http://www.patriarchia.ru/db/text/1501491.html>].

С 2013 года по декабрь 2021 года заголовочный комплекс расширяется, в него был добавлен подробный список постоянных членов Священного Синода и полный список приглашенных на заседание, что сделало протокол более полным: **Постоянными членами Священного Синода являются:** митрополит Киевский и всея Украины Владимир; митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир; митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший экзарх всея Беларуси; митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий; митрополит Кишиневский и всея Молдовы Владимир; митрополит Астанайский и Казахстанский Александр, глава Митрополичьего округа в Республике Казахстан; митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, глава Среднеазиатского митрополичьего округа; митрополит Саранский и Мордовский Варсонофий, управляющий делами Московской Патриархии; митрополит Волоколамский Иларион, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. **Для участия в зимней сессии (сентябрь-февраль) Священного Синода 2013-2014 годов приглашены:** митрополит Тернопольский и Кременецкий Сергий, митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл, архиепископ Курганский и Шадринский Константин, архиепископ Биробиджанский и Кульдурский Иосиф, епископ Корсунский Нестор [<http://www.patriarchia.ru/db/text/3478892.html>]. В 2022 году это новое дополнение было отменено.

Итак, заголовочный комплекс в жанре протокола в религиозном стиле состоит из следующих композиционных блоков: заголовок, фиксирующий жанр и дату проведения заседания, должность председателя, полное название заседания, место проведения заседания, подробный список постоянных членов Священного Синода и полный список приглашенных на заседание (в 2022 году это было отменено).

Кроме того, протокол содержит подробную запись обсуждаемых ключевых вопросов и важных решений, принятых до даты собрания. На каждом заседании церковь тщательно сортирует и интегрирует контент, накопленный за определенный период времени, чтобы обеспечить четкий и всесторонний обзор встречи и предоставить убедительную основу для последующей работы.

Следующий композиционный блок – это номер журнала (протокол). С 1997 года по 17 июня 2001 года система нумерации протоколов еще не была введена, вместо этого для различения и идентификации разных протоколов одного и того же заседания использовались разделитель. С октября 2002 года журналы имеют сквозную нумерацию в течение одного календарного года по новому стилю. По статистике, всего в 2023 году было проведено 5 заседаний, на каждом из которых было принято насколько десятков проколов, в совокупности их количество, например, за 2023 год составило 151.

Каждый журнал (протокол) фокусируется на отдельной самостоятельной теме, актуальной для конкретного субъекта Церкви теме, фиксирует принятые решения по конкретному вопросу. Категория темы развивается в следующих композиционных блоках: «заголовок, вступление (введение, зачин, экспозиция), основная часть, которая, в свою очередь, структурирована и состоит из нескольких смысловых блоков, и концовка (заключение)» [\[22, с. 34\]](#).

Выделяются части протокола (журнала): констатирующая, или содержательная (слушали) и итоговая, или удостоверительная (постановили).

Констатирующая, или содержательная часть строится по формуле **слушали** (что?): **Рапорт** Преосвященного митрополита Калужского и Боровского Клиmenta, председателя Издательского совета Русской Православной Церкви, о проведении X сезона Международного детско-юношеского литературного конкурса имени И. С. Шмелева «Лето Господне» в 2023-2024 гг. [<http://www.patriarchia.ru/db/text/6132831.html>]; **Сообщение** Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла относительно отчетов синодальных учреждений об их деятельности в 2023 году [там же]; **Прошение** Преосвященного митрополита Кишиневского и всея Молдовы Владимира об учреждении новой епархии в составе Православной Церкви Молдовы [там же]; **Доклад** Преосвященного митрополита Минского и Заславского Вениамина, Патриаршего экзарха всея Беларуси, об утверждении Синодом Белорусского Экзархата (журнал № 18 от 27 февраля 2024 года) изменений и дополнений в Устав Белорусской Православной Церкви [там же]; **Предложение** Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла о включении в состав постоянных членов Священного Синода Русской Православной Церкви по должности председателя Финансово-хозяйственного управления Московского Патриархата [<http://www.patriarchia.ru/db/text/6109912.html>]. Обратим внимание на разные номинации жанров, с которыми выступают участники заседания Св. Синода: *рапорт, сообщение, прошение, доклад и предложение*.

Констатирующая часть имеет факультативный элемент – **справку**, которая включается в констатирующую часть (слушали) при необходимости разъяснения обсуждаемого вопроса: *В соответствии со статьей 4 главы VII Устава Русской Православной Церкви «Состав Межсоборного Присутствия пересматривается Священным Синодом по представлению Патриарха Московского и всея Руси каждые четыре года». Действующий состав был утвержден Священным Синодом в заседании от 15 октября 2018 года (журнал № 80) [<http://www.patriarchia.ru/db/text/6109912.html>]; Согласно статье 8 главы XIII Устава Русской Православной Церкви: «Журналы Синода Экзархата представляются Священному Синоду и утверждаются Патриархом Московским и всея Руси» [там же]; Священный Синод в заседании от 11 октября 2023 года (журнал № 107) учредил Синодальную комиссию по иконописи и назначил ее председателем епископа Троицкого Панкратия с поручением ему представить предложения по составу Комиссии и Положению о ней [там же].*

Отличительной чертой протокола в религиозном стиле является формула констатирующей части **имели суждение** (о чем?): **о замещении** вакантной кафедры Серовской епархии (Екатеринбургская митрополия) [<http://www.patriarchia.ru/db/text/6132831.html>]; **о б утверждении** Положения о деятельности детских церковных организаций интернатного типа [там же]; **о положении** дел в Биробиджанской епархии; **о решении** Синода Александрийского Патриархата об «извержении из сана» исполняющего обязанности Патриаршего экзарха Африки епископа Зарайского Константина [<http://www.patriarchia.ru/db/text/6109912.html>].

Итоговая часть журнала вводится формулой постановили (что?) и оформляется с помощью инфинитива: **Одобрить** отчеты синодальных учреждений об их деятельности в 2023 году [<http://www.patriarchia.ru/db/text/6132831.html>]; **Утвердить** журнал Синода Белорусского Экзархата № 18 от 27 февраля 2024 года с учетом предложенной поправки [там же]; **Констатировать** невозможность сослужения с упомянутыми иерархами, вступившими в церковное общение с раскольниками [там же]; **Доклад принять** к сведению [там же]; **Исключить** из состава Синодальной комиссии по

биоэтике Сергея Львовича Худиева [там же]. Чтобы передать прямой и косвенный смысл команды, инфинитив используется умело и часто. Такое использование не только эффективно, но и позволяет четко выражать инструкции, требования или предложения, делая общение более прямым и точным.

Итоговая часть журнала также выражается с помощью отымённых, наречных предлогов и союзов, зачастую в словосочетаниях с существительным: **В связи с тем, что** международная обстановка продолжает затруднять прибытие в Москву многих членов Архиерейского Собора, вернуться к рассмотрению о сроках проведения Архиерейского Собора во благовремении [<http://www.patriarchia.ru/db/text/5989206.html>]; **В связи с прошением** Преосвященного митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия освободить архимандрита Николая (Парамонова) от должности игумена Свято-Троицкой Сергиевой Приморской мужской пустыни поселка Стрельна города Санкт-Петербурга и назначить на эту должность игумена Варлаама (Переверзева) [там же]; **Согласно прошению** Преосвященного Аркадия, епископа Южно-Сахалинского и Курильского, освободить его от управления епархией с предоставлением 2-месячного отпуска на лечение [<http://www.patriarchia.ru/db/text/4971881.html>].

Таким образом, протокол в религиозном стиле обычно имеют композиционные блоки: заголовок, фиксирующий жанр и дату проведения заседания, должность председателя, полное название заседания, место проведения заседания, подробный список постоянных членов Священного Синода и полный список приглашенных на заседание; номер журнала (протокола); блок слушали, в котором заключается повестка заседания; блок постановили, в котором содержатся принятые решения по конкретному вопросу. Композиция протокола в религиозном стиле в целом схожа с традиционной композицией протокола в светской среде, так как включает части слушали и постановили. Отличиями является отсутствие в религиозном протоколе блока заключение, а также наличие вариативной констатирующей части имели суждение. Для более глубокого понимания этого жанра перспективой является изучение языковых черт жанра протокола.

Библиография

1. Александрия О. М. Проблема ядерного наследства СССР: к 20-летию подписания Лиссабонского протокола // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. №4. С. 144–161.
2. Бирюкова Ю. А. О необходимости организации на территории Вооруженных сил Юга России высшей богословской школы: Протокол заседания ВВЦУ на Юго-Востоке России Вступительная статья и комментарии // Вестник Свято-Филаретовского института. 2024. №1 (49). С. 204–216.
3. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: на материале православного вероучения: дис. ... док-ра филол. наук. Волгоград, 2007. С. 389–450.
4. Бортников В. И. О плотности категории тематической цепочки в композиционном элементе поэмы Дж. Мильтона "Потерянный рай" – монологах собеседника Сатаны // Иностранные языки в контексте культуры: Межвузовский сборник статей по материалам конференций. Пермь, 2012. С. 23–27.
5. Бранденбергер Д. Роль насилия и фальсификаций при подготовке протоколов допросов эпохи сталинизма // НИР. 2023. №2. С. 376–399.
6. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дис. доктора филол. наук. Москва, 2010.
7. Ицкович Т. В. Житие страстотерпца: особенности композиции // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 18–23.
8. Ицкович Т. В. Композиция жития святых Царственных страстотерпцев // Церковь.

- Богословие. История: материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции, посвященной 100-летию мученической кончины святых Царственных страстотерпцев и их верных спутников. Екатеринбург, 2019. С. 35–41.
9. Ицкович Т. В. Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы // Жанры речи. 2016. №1 (13). С. 87–93.
10. Ицкович Т. В. Религиозный функциональный стиль русской речи // Стилистика славянских стран на рубеже XX-XXI веков. Москва, 2023. С. 86–101.
11. Ицкович Т. В. Семейные ценности в современной православной проповеди // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: Тезисы докладов международной научной конференции. Екатеринбург, 2022. С. 37–38.
12. Ицкович Т. В. Язык и стиль современных православных СМИ (на материале СМИ Екатеринбургской епархии) // Меди@льманах. 2011. № 4 (45). С. 44–48.
13. Каженова Ж. С., Кенжебаева Ж. Е. Безопасность в протоколах и технологиях IOT: обзор // International Journal of Open Information Technologies. 2022. №3. С. 10–16.
14. Келер А. И. Категория адресанта в новоапостольской молитве: категориально-текстовой и аксиологический аспекты // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 1. С. 26–44.
15. Келер А.И. Категория композиции в молитвенном тексте // Litera. 2021. № 7. С.37-46. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.7.36019 URL: https://e-notabene.ru/fil/article_36019.html
16. Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Москва, 2011.
17. Крылова О. А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
18. Крысин Л. П. Церковно-религиозный стиль // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание. Красноярск, 2014. С. 732–733.
19. Лебедева М. Ю. Стратегии работы с цифровым текстом для решения учебных читательских задач: исследование методом вербальных протоколов // Вопросы образования. 2022. №1. С. 244–270.
20. Майер Е. А. Протокол и гендер // Власть. 2022. №1. С. 152–156.
21. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону, 2010.
22. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990.
23. Минасян Г. М. Независимая гарантия как способ обеспечения исполнения обязательств и протокол совещания: допустимо ли рассмотрение протокола в качестве независимой гарантии // Образование и право. 2023. №6. С. 257–259.
24. Минасян Г. М. Правовое значение протокола совещания субъектов предпринимательских правоотношений: соотношение протокола и гражданско-правового договора // Образование и право. 2022. №2. С. 239–242.
25. Мишанкина Н. А., Черныш О. А. Лексика делового протокола в дискурсивном аспекте (на материале протоколов 1918–1933 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. №434. С. 30–39.
26. Нестеренко А. Ю., Семенов А. М. Методика оценки безопасности криптографических протоколов // ПДМ. 2022. №56. С. 33–82.
27. Попова М. О., Рогачева Ю. А., Синяев А. А., Фомина Ж. Г., Пинегина О. Н., Спиридонова А. А., Голощапов О. В., Власова Ю. Ю., Морозова Е. В., Владовская М. Д., Бондаренко С. Н., Моисеев И. С., Кулагин А. Д. Протокол эмпирической антибактериальной терапии, основанный на колонизации в период до приживления при алло-тгск: результаты проспективного исследования // Гематология и трансфузиология.

2022. №S2. С. 69.
28. Прохватилова О. А. Экстраграмматические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2006. №5. С. 19–25.
29. Рядовых Н. А. Аксиологема чистота в жанре акафиста (билингвальная специфика экспликации) // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: Тезисы докладов международной научной конференции. Екатеринбург, 2021. С. 75–76.
30. Рядовых Н. А. Особенности композиции жанра акафиста (на материале "Акафиста святым Царственным страстотерпцам") // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 56–62.
31. Симонова А. Ю., Поцхверия М. М., Ильяшенко К. К., Белова М. В., Клюев А. Е., Карева М. В., Курилкин Ю. А. Сравнительная эффективность 12-часового и 21-часового протоколов внутривенного введения ацетилцистеина при отравлении парацетамолом // КВТП. 2023. №S6. С. 142–143.
32. Честертон Г. К. Человек с золотым ключом. Москва, 2003.
33. Ярмульская И. Ю. Лингвистический аспект изучения современного церковного послания // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2006. №5. С. 27–32.
34. Alshammari, H. H. (2023). The internet of things healthcare monitoring system based on MQTT protocol. *Alexandria Engineering Journal*, 69, 275–287.
35. Azimjon, A., & Hojiakbar, M. (2023). International etiquette and diplomatic protocol. Diplomatic conversation and correspondence. *Education science and innovative ideas in the world*, 24 (1), 65–67.
36. Bektoshev, O., Nishonova, S., Maxsudova, U., Hoshimova, D., & Mahmudjonova, H. (2022). Formation of religious style in linguistics. *Journal of Positive School Psychology*, 12 (6), 118–124.
37. Galperin, I. R. (1981). *Stylistics*. Moscow: «Vyssaja skola».
38. Grapard, A. G. (2023). *The protocol of the gods: a study of the Kasuga cult in Japanese history*. Univ of California Press.
39. Itskovich, T. V. (2018). Composition and Subject Structure of Minutes Genre in Religious Style. *SHS Web of Conferences*, 50 (58):01207.
doi:10.1051/shsconf/20185001207
40. Streib, H. (2001). Faith Development Theory Revisited: The Religious Styles Perspective. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 11 (3), 143–158.
doi: 10.1207/S15327582IJPR110302
41. Streib, H., & Klein, C. (2014). Religious Styles Predict Interreligious Prejudice: A Study of German Adolescents with the Religious Schema Scale. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 24 (2), 151–163. doi:10.1080/10508619.2013.808869
42. Streib, H., Hood, R. W., & Klein, C. (2010). The Religious Schema Scale: Construction and Initial Validation of a Quantitative Measure for Religious Styles. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 20 (3), 151–172. doi: 10.1080/10508619.2010.481223

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Композиция жанра протокола в официально-деловом подstile религиозного функционального стиля», представленной для публикации в журнале «Филология: научные исследования», автор обращается к исследованию одного из подстилей религиозного функционального стиля. Учитывая введение богословского образования в

практику преподавания вузов, разработка данной темы является требованием времени, т.к. способствует установлению норм в использовании определенного жанра – жанра протокола.

Как сообщает автор статьи, на стыке «XX-XXI вв. в современном русском литературном языке формируется религиозный функциональный стиль», которому в лингвистике уделено внимание в плане выявления особенностей богослужебных жанров молитвы, проповеди, послания, жития, акафиста. Жанр протокола, призванный зафиксировать «ход обсуждения определённого вопроса и принятное официальное решение этого обсуждения», не был рассмотрен комплексно. Данный пробел устраняется в представленной для публикации статье.

Автор статьи подробно останавливается на вопросах композиции жанра протокола, которая имеет строгую структуру, «его содержательные части строго определены и расположены в закрепленной последовательности». Опираясь на мнение Т. В. Матвеевой, которая в композиции выделяет «блоки»: заголовок, зачин, интродукцию, концовку, исследователь предлагает рассматривать следующие структурные части.

К заголовочному блоку в жанре протокола в религиозном стиле автор относит: заголовок, фиксирующий жанр и дату проведения заседания, должность председателя, полное название заседания, место проведения заседания, подробный список постоянных членов Священного Синода и полный список приглашенных на заседание. Выводы подкреплены соответствующими примерами.

Далее автор определяет части протокола: 1. констатирующая, или содержательная, которая строится по формуле: слушали – что? К этой разновидности отнесены обязательные рапорт, сообщение, прошение, доклад, предложение; справка в этом ряду обозначена как факультативный элемент. Кроме того, указывает автор, отличительной чертой протокола в религиозном стиле является формула констатирующей части имели суждение (о чем?: о замещении, об утверждении, о положении, о решении).

2. итоговая часть, или удостоверительная, которая «включается в констатирующую часть (слушали) при необходимости разъяснения обсуждаемого вопроса» (постановили), оформляется с помощью инфинитива (одобрить, утвердить, принять и т.д.). «Итоговая часть журнала также выражается с помощью отымённых, наречных предлогов и союзов, зачастую в словосочетаниях с существительным».

В целом, статья «Композиция жанра протокола в официально-деловом подstile религиозного функционального стиля», представленная для публикации в журнале «Филология: научные исследования», содержит новые сведения по стилистике русского языка, содержание соответствует заявленной теме, выводы строятся на хорошо подобранных иллюстративных примерах. Статья может быть рекомендована к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сунь Я. Словарь лексемы «память» в произведениях В.М.Гаршина // Филология: научные исследования.

2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71259 EDN: YFHJLI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71259

Словарь лексемы «память» в произведениях В.М.Гаршина

Сунь Яо

доктор филологических наук

профессор; факультет русского языка; Северо-восточный сельскохозяйственный университет

150038, Китай, провинция Хэйлунцзян область, г. Харбин, ул. Чанцзянлу, 600

✉ netservice@bk.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.7.71259

EDN:

YFHJLI

Дата направления статьи в редакцию:

11-07-2024

Дата публикации:

18-07-2024

Аннотация: В статье исследуется художественная проза В.М. Гаршина, который, по мнению его современников, был ярким выразителем больных вопросов своей эпохи. Главное внимание уделяется слову «память» – одному из ключевых в произведениях писателя. Выясняется, можно ли отнести лексему «память» к одному из фундаментальных основ в прозе В.М. Гаршина; и важно ли учитывать особенности ее употребления в переводах текстов русского писателя на китайский язык, учитывая, что в Китае интерес к русской словесности только возрастает, а переводы на китайский язык произведений русских писателей приобрели систематический характер. В след за текущими процессами межкультурного диалога параллельно встает вопрос об адекватности переведения текста с одного языка на другой. В статье используется формальный (статистический) анализ, поскольку работа еще только предваряет серьезный анализ семантических вариантов и герменевтических возможностей слова. Анализ научных публикаций, а также личный опыт прочтения произведений Гаршина

убеждает, что за кругом изучения остается такой феномен художественного мира писателя, как «слово-акцент», выраженный лексическими формами существительного «память». Делается вывод о том, что сочинения Гаршина в большей части построены на воспоминаниях с ключевым словом «память» и производными от него. Использование этого знакового слова подчиняется авторскому замыслу, оно интенционально, характеризует важнейшие стороны художественного мира писателя. Что же касается вопроса переводческой интерпретации текстов писателя, то здесь особое внимание следует уделять семантическим оттенкам слова, его контекстному звучанию. Одновременно надо иметь в виду, что Гаршин часто использует индивидуально-авторские слова-синонимы, входящие в семантическое гнездо «памяти».

Ключевые слова:

Гаршин, проза, слово, память, повтор, семантика, частотность, герменевтический указатель, статистический анализ, китайский язык

Анализ публикаций на сайте Elibrary, посвященных творчеству В.М. Гаршина, показал, что произведения этого талантливого писателя по-прежнему находятся в круге интересов российских филологов. Содержание статей в основном связано с такими текстами, как «Происшествие» и «Надежда Николаевна», в которых поднимается тема «падшей женщины» [11, 12]; аллегорическое «Сказание о гордом Аггеем». В одной статье создание Гаршина сравнивается с неосуществленным замыслом Л.Н. Толстого. Автор приходит к основательному заключению о стиле «Сказания», видя в нем сочетание «элементов повести и жития», что приводит к непривычному «соединению мотивов обыденности и святости» [8, с. 206]. Рассказ «Красный цветок» также выступает объектом научных наблюдений [16, 17]. Любопытны параллели, проведенные, например, Э.В. Шориной, между героем-безумцем Гаршина и персонажами «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя и романа «Бесы» Ф.М. Достоевского, а также с лирико-философским стихотворением А.С. Пушкина «Анчар» [17].

Встречаются разборы рассказа «Ночь»; здесь повествуется о трагической безнадежности одинокого существования человека. Отмечается, что «толчком к прозрению героя становятся «воспоминания о гимназическом детстве» [7, с. 503]. В особенности часто обращаются к рассказам «Трус», «Четыре дня», где Гаршин впечатляюще отразил безобразие и зло войны [3, 6, 9, 10]. Заинтересованность проявляют и к социально-психологическим аспектам прозы классика. Анализу, как правило, подвергаются приемы визуализации внутреннего мира героя. Кроме того, ученые ориентированы на осмысливание ценностного круга персонажа в соотнесенности с его пространственными и временными характеристиками [1, 11].

Анализ научных публикаций, а также личный опыт прочтения произведений Гаршина убеждает, что за кругом изучения остается такой феномен художественного мира писателя, как «слово-акцент», выраженный лексическими формами существительного «память». Это такое слово, которое может быть рассмотрено в его функции словесного образа или смыслового ядра эстетических и этических представлений писателя.

Выбор темы имеет еще одно объяснение и связано с неизбежными препятствиями в межкультурной коммуникации на поле художественной литературы. В Китае интерес к

русской словесности только возрастает. Переводы на китайский язык произведений русских писателей приобрели систематический характер. Но с процессами межкультурного диалога параллельно встает вопрос об адекватности переложения текста с одного языка на другой. Малый объем творчества Гаршина дает возможность сосредоточиться на словесно-смысловом центре его произведений и обозначить особенности переводческой стратегии в работе над его текстами.

Данные о слове «память» получены на основе издания: «В.М. Гаршин. Сочинения. Рассказы. Очерки. Статьи. Письма» (1984). С вступительной статьей В.И. Порудоминского, еще в 1962 году в серии «ЖЗЛ» выпустившего книгу о личности и творчестве писателя. Именно этим ученым было использовано выражение, ставшее впоследствии хрестоматийным: «Гаршин мало прожил. Гаршин мало успел написать. Собрание его сочинений – одна небольшая книжка. Но книжка эта "томов премногих тяжелей"» [13, с. 5]. Позже, в 1986 году, книга с изменениями была переиздана под названием «Грустный солдат, или жизнь Всеволода Гаршина». В нее автор включил фрагмент под заглавием «Целесообразность памяти». Пожалуй, В.И. Порудоминский редкий исследователь, кто, размышляя о Гаршине, апеллирует к понятию «память». Верно, биограф Гаршина не останавливается на нем специально, использует его в рабочем порядке в связи с разными обстоятельствами жизни писателя. Он, например, косвенно излагает мысли писателя: «Парадоксальная мысль Спенсера, утверждавшего, будто память есть зачаточный инстинкт, а инстинкт – организованная память, представляется ошибочной – и потому, что инстинкт подчас не учитывает предшествующего опыта, и потому, что памяти неведома целесообразность инстинкта. Разве что памяти доступна какая-то высшая целесообразность, допустим творческая; благодаря чему удерживаются <...> памятью образы, казалось бы, несущественные, ненужные, удерживаются, чтобы однажды вырваться на свободу, обрести новый смысл <...> стать краеугольным камнем, на котором возведено будет новое здание» [14, с. 136–137]. Интересно и следующее высказывание исследователя: Гаршин «чувствует, осязает – кожей, нервами, памятью» [там же, с. 136–137]. Надо признать, тонкие соображения авторитетного литературоведа не были подхвачены и развиты в исследованиях о Гаршине. Как было сказано, на сайте Elibrary не удалось найти работы, в которых находит актуализацию прецедентное высказывание писателя – слово «память» не фигурирует не только в названии научных работ, но и в содержании самих текстов. А если и называется, то без привязки к стилю его прозы.

В настоящей работе приведены статистические данные, позволяющие убедиться, что «память» обладает в творчестве Гаршина статусом продуманной речевой и мыслительной деятельности, является достаточно самостоятельной семантической единицей. За словом закреплена сумма значений, возможных только в художественном мире Гаршина; оно функционирует на границе ценностной характеристики персонажей, что позволяет утверждать, что большинство героев писателя предельно сближаются на основе их социально-психологического и нравственного опыта; и на границе героя и автора – мир автора в прозе Гаршина часто выступает «двойником» мира героев. Таким образом, можно сказать, что слово «память» во многом предопределяет мировосприятие как автора, так и его героев, по психологическому складу очень похожих.

В упомянутом издании сочинений, куда вошло почти все написанное писателем, включая статьи, письма, встречается примерно 175 случаев употребления слов с общеславянским корнем «мять», то есть «мнить», «думать». В Словаре В.И. Даля существительному «память» дается подробный комментарий. Даль определяет его как «мнить, мнети», связывает субстантив со свойством «души хранить, помнить сознанье о былом».

Сообщается о «внутренней памяти», направленной на усвоение «духовных и нравственных истин» [\[5, с. 9\]](#).

Номинация в ее исконном грамматическом варианте («память») в художественных текстах Гаршина используется не так интенсивно – всего один раз в рассказе «Трус». Четыре раза употребляется в форме «памятник» – в рассказах «Из воспоминаний рядового Иванова», «Медведи», в повести «Надежда Николаевна». Зато является ключевым в его опубликованных письмах – его частотность равна 16-ти. Кроме того, Гаршин усиливает семантику основного слова с помощью приставок: «беспамятство», «достопамятный», «опамятался», «запамятались». Наиболее частотна грамматическая форма: «памяти». В 6-ти случаях она применяется в сочетании со словом «без» («без памяти»), а во всех остальных имеет следующие выражения: «в памяти», «своей памяти», «в полной памяти», «вычеркнуть из памяти», «воскресали в памяти», «по старой памяти», «в памяти воспоминаний» и т.д. Общее количество слов, состоящих из морфемы «памят», приближается к 41. Если принять во внимание только художественные произведения, то в их распределении прослеживается продуманность. Для каждого рассказа – «Из воспоминаний рядового Иванова», «Ночь» – слова со значимой частью «памят» применяются в 4-х случаях. В рассказах «Художники», «Трус», «Встреча» и повести «Надежда Николаевна» в общей совокупности – 7.

В текстах Гаршина основную роль играют глаголы разных временных классов, образованные от существительного «память»: «помнить», «помню», «помнил», «помнится», «припомнить», «помнишь», «помните», «опомнился», повелительное «помни» и т.д. Общее количество таких слов равно 123-м. Больше всего они используются в повести «Надежда Николаевна» (32), рассказах «Ночь» (24), «Из воспоминаний рядового Иванова» (23); с меньшей интенсивностью в «Происшествии» (12), рассказах «Четыре дня» (8), «Встреча» (8), «Трус» (8). В других произведениях подобные глаголы встречаются или редко, или же полностью отсутствуют. Что позволяет определить, для какого круга художественной проблематики в творчестве писателя слово «память» приобретает значительность. Глаголы можно употреблять в прошедшем, настоящем и будущем времени. В прозе Гаршина смысловая нагрузка падает на глагол настоящего времени: «помню». Он указывает на действие, совершающееся субъектом и длившееся во времени. В небольшом рассказе «Четыре дня» итератив «помню» используется в 9-ти случаях. С заметной частотой он применяется в сюжетной экспозиции и развитии действия. В «Трусе» – на протяжении всего повествования, что позволяет усмотреть за словом функцию не только смысловой организации текста, но и ритмической, сближающей рассказ с лирическим стихотворением. Глагол «помнить» и его варианты изобилуют во вступительной части рассказа «Ночь». Затем автор прибегает к эффекту «паузы», но, начиная с четвертой главы, глагол вступает в свои права, насыщая собой дальнейшее повествование. В рассказе «Встреча», как в случае с рассказом «Трус», слово «помнить» рассредоточено по всему текстовому пространству. Такая же картина наблюдается в рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова», где «помнить» употребляется преимущественно в настоящем времени, что создает, как в лирике, эффект непосредственно переживаемого действия. Эффект этот, кроме всего прочего, задан жанром «воспоминания», возрождающего в памяти прошлое. В этом контексте жанр воспоминания попадает в один ряд с жанром исповеди, в частности, рассказом «Четыре дня» и особенно повестью «Надежда Николаевна». Тексты подобного ряда можно квалифицировать по формуле: память о памяти, вспоминание воспоминания. Характерно гаршинское: «много воскресло в памяти воспоминаний» [\[2, с. 77\]](#).

В «Надежде Николаевне» рассказ ведется от первого лица. Он облекается в форму

предсмертной исповеди художника Лопатина. Герой вспоминает о событиях, которые остались в прошлом. Но глагол «помню» выступает рефреном исповеди; он используется автором в 16-ти случаях. Создается иллюзия, будто события происходят в настоящее время, что усиливает напряженность повествования и обеспечивает сильное эмоциональное воздействие на читателя.

Но здесь, думается, возникают свои трудности. С одной стороны, прослеживается грамматический ряд: помню – помнил – помнишь; он не является такой уж «помехой» для переводчика, хотя переводчику следует каждый раз учитывать их контекстные окраски и особенно ритмическое звучание. Совсем другое дело, когда автор с помощью префикса создает не совсем прозрачные для перевода словесные формы. Это относится прежде всего к таким словам, как «опомниться» («Надежда Николаевна», «Ночь», «Встреча»); «припомнить» («Сказание о гордом Агее», «Трус», «Четыре дня»); «попомнить» («Из воспоминаний рядового Иванова»).

Следует специально остановиться на таких словесных понятиях, как «воспоминание» и «вспоминание». В Словаре Даля отсутствует отдельное описание лексемы «вспоминать», но по поводу «вспоминать» дается большой комментарий: «приводить себе на память, освежать, будить, обновлять в уме свое память о ком, чего; перебирать в мыслях или словами прошлое, былое». Слово включено в синонимический ряд: воспомянуть (вспомянуть), воспоминать (вспомнить) [4, с. 342]. Что же касается значения слова «вспоминать», то в Словаре Т.Ф. Ефремовой читаем: «Восстанавливать в сознании, в памяти события, обстоятельства, образы и т.п., относящиеся к прошлому» [15, с. 342]. Таким образом, «воспоминать» и «вспоминать» – понятия соотносимые в русском языке, они совпадают по своему значению.

Существительное «воспоминание» в сочинениях Гаршина, наряду с формами слова «память», фиксируется в 30-ти примерах. Из них 4 случая использования выпадает на долю повести «Надежда Николаевна»; в рассказах «Четыре дня», «Ночь», «Денщик и офицер» встречаются по 3 случая его употребления. Столько же в «Автобиографии» Гаршина. По одному разу в «Происшествии», «Очень коротеньком романе» и «Встрече». В письмах Гаршина слово регистрируется 11 раз.

В текстах писателя «воспоминания» фигурирует в разных смысловых и эмоциональных контекстах. Они «теснятся в голове», в памяти героя вступают в контрастные отношения «былое счастье» и «настоящие муки», сопряженные с тоской, «которая хуже ран» [2, с. 24]. В рассказе «Четыре дня» слово концентрировано в середине повествования. Оно наполняет экспрессией начало и дальнейшее развитие сюжета. Воспоминания в рассказе «Встреча» связываются с хронотопом встречи: «при виде тебя так много зашевелилось в душе, так много воскресло в памяти воспоминаний...» Зато в рассказе «Ночь» от «воспоминаний искается лицо»; они служат напоминанием «о чем-то» «запутавшемуся человеку». В этом произведении слово «воспоминание» дважды располагается рядом с эмоционально окрашенными прилагательными «отрывочные и бессвязные». Первый раз в четвертой главе, второй – в заключительной пятой. В «Денщике и офицере» одни воспоминания рождают другие, «тоже не особенно приятные» [там же, с. 77, 125, 128, 138].

Примечательно, что слово «воспоминание» употребляется Гаршиным в значении «собирательном», во множественном числе. В рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова» акцентное слово дано только в заглавии, в самом же тексте оно не встречается. Повесть «Надежда Николаевна», написанная в жанре исповеди, тоже

сюжетно строится на воспоминаниях о прошедших событиях. Это подтверждается тем, что автор использует сведения из дневника Бессонова и записи Лопатина. Признания Лопатина в главе XIX дают возможность думать, что перед читателем воспоминания, облеченные в форму предсмертной исповеди: «Не лучше ли кончить свои воспоминания на этих строках?» Существительное «воспоминания» дважды употребляется в небольшой первой главе. В обоих случаях оно дается в окружении, полном меланхолических признаний: счастье, которое «было так коротко», «странная мысль» и т.д. Благодаря этому «воспоминания» наделяются функцией ключевого знака, а повторы сближают слово с лирическим зажиганием. Далее слово встречается только в шестнадцатой главе и связано с лирическими размышлениями Лопатина о судьбе Надежды Николаевны: «... может быть, жизнь ее за последние три года сделается для нее только далеким воспоминанием, не пережитыми годами, а лишь смутным и тяжелым сновидением...» И, наконец, в заключительной главе в записках Лопатина. [\[2, с. 284, 229, 278\]](#). Ключевая роль лексемы «воспоминания» усиlena тем, что с него начинается повествование и на нем же заканчивается; словесный знак обрамляет собой исповедь героя.

Слово «вспомнить» в различных грамматических формах используется Гаршиным в 89-ти случаях. В статистическую картину включены не только художественные произведения, но и очерки, статьи и письма Гаршина. Известно, что публицистика писателя отличалась чуткостью эстетического анализа, что не мешало ему окрашивать ее в субъективно-личностные тона. Благодаря повторяющемуся слову «память» в разных статьях (8), они прочитываются в форме исповеди или личностного откровения. Самый распространенный вариант слова – это глагол «вспоминать», который чаще всего относится к прошедшему времени: «вспомнил» (6). Семантически близки ему другие формы: «вспомнилось» и причастие «вспоминая». Прошедшее время в текстах Гаршина условно, оно скорее относится к настоящему времени, границы между временными указателями размыты. В контексте целого высказывания они словно моделируют ситуацию уже осуществленного намерения. Это заметно в письмах Гаршина, в которых «вспомнить» встречается 28 раз. Глагол «вспомнил» (5), формально указывающий на действие в прошедшем времени, «поглощается» формами: «вспоминался», «вспомнились», «вспоминает», «вспоминаем», «вспоминать», «вспомнив» и т.д. Характерный пример: «... тогда часто вспоминался мне другой мир страданий...» (Неизвестному, сентябрь, 1877 г.). В этой фразе, как можно увидеть, как бы сливаются прошлое и настоящее. Важно и субъектная подача глагола. Он преимущественно соотнесен с категорией первого лица: вспомнил, вспоминаю, что полностью согласуется с жанром переписки, в котором преобладает интимная, доверительная интонация.

Стилевые и стилистические особенности публицистики и писем Гаршина усиливаются в художественных его произведениях. В его прозе встречается 59 случаев употребления глагола «вспомнить» в его различных грамматических версиях. Наиболее частотная – «вспомнил» («вспомнилось», «вспоминал», «вспомнился» – вспоминался», «вспомнились»). Грамматических форм такого порядка примерно – 26. По количеству употреблений первую позицию занимает рассказ «Ночь»; здесь «память», «помнить», «вспомнить» разделяют время на «здесь и сейчас», «тогда», «давно». На втором месте «Из воспоминаний рядового Иванова», в которых слово «вспомнить» и его варианты используются 10 раз. Звучание слова сопряжено с усилением внутреннего напряжения героя. Оно встречается в 5-ти примерах в «Надежде Николаевне», причем в напряженных в смысловом отношении фрагментах. В «Художниках» (11) слово на первый взгляд лишено энергии, его употребление кажется случайным, но при внимательном прочтении оказывается, что главный герой неизменно пребывает в зоне, заданной границами «памяти» и «забвения». В «Сказании о гордом Аггееве» с помощью

«воспоминаний» происходит духовное перерождение. Здесь наблюдается сближение семантики слов «память» и «понять».

Категория памяти в произведениях Гаршина реализуется не только с помощью слов «помнить», «вспомнить», «воспоминание». Для характеристики ценностного сознания персонажей писатель использует «слова-заменители», такие, как «забывать – не забывать», «знать – не знать», «думать», «представлять», которые требуют отдельного анализа. К примеру, слово «представлять» в значение «воображать» о прошлом, «приводить в память что-то» употребляется Гаршиным более, чем в 60-ти случаях. В рассказе «Сигнал» тема памяти присутствует завуалированно, она находит концептуализацию как раз через слова «не забуду» – «забывать». Если из текстов Гаршина вычленить слова, связанные с «памятью» и «забвением», то первая группа будет состоять из следующих слов: «память», «помнить», «не забыл (а)», «воспоминание», «припомнить», «представлять»; вторая – «забвение», «не помню», «исчезло из памяти», «беспамятство», «забытье».

Что бросается в глаза, так это то, что в рассказах «Встреча», «Денщик и офицер», «Красный цветок» глагол «вспомнить» находит применения по одному разу, а в рассказах «То, чего не было», «Медведи», в «Очень коротеньком романе» и «Сказке о жабе и розе» он вовсе отсутствует. Что означает, что категория памяти имеет для Гаршина личностный и пограничный смысл. Она составляет ядро военных рассказов и тех творений, где герой стоит перед нравственным выбором.

Таким образом, сочинения Гаршина в большей части построены на воспоминаниях с ключевым словом «память» и производными от него. Использование этого знакового слова подчиняется авторскому замыслу, оно интенциально, характеризует важнейшие стороны художественного мира писателя. Что же касается вопроса переводческой интерпретации текстов писателя, то здесь особое внимание следует уделять семантическим оттенкам слова, его контекстному звучанию. Одновременно надо иметь в виду, что Гаршин часто использует индивидуально-авторские слова-синонимы, входящие в семантическое гнездо «памяти».

Библиография

1. Васина С.Н. Поэтика прозы В.М. Гаршина: психологизм и повествование. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: МГПУ, 2011. 18 с.
2. Гаршин В.М. Сочинения. Рассказы. Очерки. Статьи. Письма. М.: Советская Россия, 1984. 433 с.
3. Головань О.В. Семантика-ассоциативная структура концепта «война». Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Барнаул: АГУ, 2003. 19 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Лазаревский институт восточных языков, 1865. Часть 2. 509 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.; СПб.: М.О. Вольф, 1880. 808 с.
6. Даренский В.Ю. Испытание смертью как нравственная Голгофа героя в прозе Вс. Гаршина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПГУ, 2016. С. 276–296.
7. Дедюхина О.В. Испытание смертью в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и рассказе В.М. Гаршина «Ночь» // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 502–504.
8. Денеко А.В. «Сказание о гордом Агее» В.М. Гаршина: источники, контекст // Вестник

- Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 10-1. С. 199–207.
9. Кочукова О.В. Военная проза В.М. Гаршина: историко-культурный контекст русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // История и историческая память. 2023. № 27. С. 132–159.
10. Лошаков А.Г. Рассказ В.М. Гаршина «Трус» в контексте авторского сверх текста // Русский язык в школе. 2008. № 2. С. 42–46.
11. Мезенина А.А. Психологизм как стилевая доминанта рассказа В.М. Гаршина «Происшествие // Litteraterra. Материалы IV Международной конференции молодых ученых. Екатеринбург: УГПУ, 2015. С. 137–143.
12. Мельникова Н.Н. Культурный код в изображении «падшей женщины» в прозе В.М. Гаршина и А.П. Чехова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 1. С. 167–173.
13. Порудоминский В.И. Грустный солдат, или жизнь Всеволода Гаршина. М.: Книга, 1986. 289 с.
14. Порудоминский Вл. Гаршин. М.: Молодая гвардия, 1962. (ЖЗЛ). 304 с.
15. Толковый онлайн-словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой // URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova> (проверено: 12.06.2024).
16. Фролова О.В. Мотив безумия в рассказе В.М. Гаршина «Красный цветок» // Культура и текст. 2019. № 1 (36). С. 19–25.
17. Шорина Э.В. Интертекстуальный дискурс темы безумия в рассказе В.М. Гаршина «Красный цветок» // Филологический аспект. 2015. № 3 (3). Июль. С. 1

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Словарь лексемы «память» в произведениях В.М.Гаршина», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», содержит анализ слова-концепта «память» в творчестве известного русского писателя и поэта, филолога, литератора, художественного критика Всеволода Гаршина. Автор, обосновывая свое обращение к данной теме, проводит анализ научных публикаций о творчестве В.М. Гаршина, в процессе которого обнаруживает недостаточность изучения такого «феномена художественного мира писателя, как «слово-акцент», выражаемого «лексическими формами существительного «память» – слова, «которое может быть рассмотрено в его функции словесного образа или смыслового ядра эстетических и этических представлений писателя», предопределяющего «мировосприятие как автора, так и его героев, по психологическому складу очень похожих».

Материал для исследования почерпнут из издания «В.М. Гаршин. Сочинения. Рассказы. Очерки. Статьи. Письма» (1984), в котором сосредоточены все известные произведения литератора. В работе приведены статистические данные использования слова «память» (например, «Слово «вспомнить» в различных грамматических формах используется Гаршиным в 89-ти случаях»; «В его прозе встречается 59 случаев употребления глагола «вспомнить» в его различных грамматических версиях») и его производных, на основе которых автор приходит к выводу о том, что «память» «обладает в творчестве Гаршина статусом продуманной речевой и мыслительной деятельности». Исследователь сопоставляет сведения по частотности со смысловой нагрузкой различных грамматических форм слова «память». К примеру, в произведении «Трус» данное слово

прослеживается на протяжении всего повествования, «что позволяет усмотреть за словом функцию не только смысловой организации текста, но и ритмической, сближающей рассказ с лирическим стихотворением». Как подчеркивает автор, «благодаря повторяющемуся слову «память» в разных статьях, они прочитывается в форме исповеди или личностного откровения». Также автор статьи заостряет внимание на потенциале перевода слов, связанных с словом-акцентом «память», указывает на трудности при их переводе (нелегко подобрать эквиваленты к однокоренным словам «опомниться», «припомнить», «попомнить», «вспоминание» и «вспоминание»).

Интересны наблюдения над ролью изучаемой лексемы в отдельных произведениях. В частности, как утверждает автор, в повести «Надежда Николаевна» повествование начинается и заканчивается лексемой «воспоминания», которая приобретает характер словесного знака, обрамляющего собой исповедь героя.

Помимо слов, имеющих одинаковый корень со словом «память», в статье даются сведения и о «словах-заменителях» («забывать – не забывать», «знать – не знать», «думать», «представлять»), но автор ограничивается лишь их перечислением, хотя в контексте данной статьи можно было бы шире раскрыть их функции и стилистические особенности.

В целом, представленная на рассмотрение статья написана на актуальную тему, привносит новые сведения в изучение общей лингвистической темы «языковая личность писателя», написана научным языком, опираясь на достаточное количество теоретических источников, поэтому «Словарь лексемы «память» в произведениях В.М.Гаршина», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», может быть рекомендована в печать.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи касается лексемы «память» в текстах Всеволода Гаршина. Автор объясняет новизну работы тем, что «анализ научных публикаций, а также личный опыт прочтения произведений Гаршина убеждает, что за кругом изучения остается такой феномен художественного мира писателя, как «слово-акцент», выраженный лексическими формами существительного «память». Это такое слово, которое может быть рассмотрено в его функции словесного образа или смыслового ядра эстетических и этических представлений писателя». Следовательно, работа может быть выполнена в указанной тематической направленности. Методология исследования соотносится с рядом актуальных лингвистических принципов, в рецензируемом труде «приведены статистические данные, позволяющие убедиться, что «память» обладает в творчестве Гаршина статусом продуманной речевой и мыслительной деятельности, является достаточно самостоятельной семантической единицей. За словом закреплена сумма значений, возможных только в художественном мире Гаршина; оно функционирует на границе ценностной характеристики персонажей, что позволяет утверждать, что большинство героев писателя предельно сближаются на основе их социально-психологического и нравственного опыта; и на границе героя и автора – мир автора в прозе Гаршина часто выступает «двойником» мира героев. Таким образом, можно сказать, что слово «память» во многом предопределяет мировосприятие как автора, так и его героев, по психологическому складу очень похожих». Думаю, что целесообразно было бы лексему «память» представить концептом, при этом прописать ядро, периферию, выделить и ассоциативные ряды. Статистические данные объективны,

сплошная выборка дает возможность объемно увидеть значимость лексемы «память» для манифестации художественного мышления В.М. Гаршина: «в текстах Гаршина основную роль играют глаголы разных временных классов, образованные от существительного «память»: «помнить», «помню», «помнил», «помнится», «припомнил», «помнишь», «помните», «опомнился», повелительное «помни» и т.д. Общее количество таких слов равно 123-м. Больше всего они используются в повести «Надежда Николаевна» (32), рассказах «Ночь» (24), «Из воспоминаний рядового Иванова» (23); с меньшей интенсивностью в «Происшествии» (12), рассказах «Четыре дня» (8), «Встреча» (8), «Трус» (8). В других произведениях подобные глаголы встречаются или редко, или же полностью отсутствуют». Ссылки даны с учетом требований издания: «в рассказе «Встреча», как в случае с рассказом «Трус», слово «помнить» рассредоточено по всему текстовому пространству. Такая же картина наблюдается в рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова», где «помнить» употребляется преимущественно в настоящем времени, что создает, как в лирике, эффект непосредственно переживаемого действия. Эффект этот, кроме всего прочего, задан жанром «воспоминания», возрождающего в памяти прошлое. В этом контексте жанр воспоминания попадает в один ряд с жанром исповеди, в частности, рассказом «Четыре дня» и особенно повестью «Надежда Николаевна». Тексты подобного ряда можно квалифицировать по формуле: память о памяти, вспоминание воспоминания. Характерно гаршинское: «много воскресло в памяти воспоминаний» [2, с. 77]». Научная новизна данного труда заключается в полновесном анализе текстов В.М. Гаршина с позиций использования в них лексемы «память». Думаю, что данный материал можно использовать далее для более глубокой оценки важности разных вариантов указанной лексемы. Стиль работы соотносится с научным типом, серьезных фактических нарушений не выявлено; термины / понятия используются в режиме унификации. Текст достаточно верно структурирован, вводная часть соотносится с основной, основная с заключительной. Библиографический список формально верен, точечная правка излишня. Итоги по тексту гласят, что «сочинения Гаршина в большей части построены на воспоминаниях с ключевым словом «память» и производными от него. Использование этого знакового слова подчиняется авторскому замыслу, оно интенциально, характеризует важнейшие стороны художественного мира писателя. Что же касается вопроса переводческой интерпретации текстов писателя, то здесь особое внимание следует уделять семантическим оттенкам слова, его контекстному звучанию. Одновременно надо иметь в виду, что Гаршин часто использует индивидуально-авторские слова-синонимы, входящие в семантическое гнездо «памяти». Отмечу, что работа имеет практический статус, общие требования издания не нарушены. Статью «Словарь лексемы «память» в произведениях В.М. Гаршина» можно рекомендовать к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Транспозиция беспредложных форм творительного падежа существительных в пространственные наречия: ступени, признаки, предел // Филология: научные исследования. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71315 EDN: ZHYWSL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71315

Транспозиция беспредложных форм творительного падежа существительных в пространственные наречия: ступени, признаки, предел**Шигуров Виктор Васильевич**

ORCID: 0000-0002-0765-0482

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

[✉ shigurov@mail.ru](mailto:shigurov@mail.ru)**Шигурова Татьяна Алексеевна**

ORCID: 0000-0002-4898-6484

доктор культурологии

профессор; кафедра культурологии и библиотечно-информационных ресурсов; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

[✉ shigurova_tatyana@mail.ru](mailto:shigurova_tatyana@mail.ru)[Статья из рубрики "Языкознание"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.7.71315

EDN:

ZHYWSL

Дата направления статьи в редакцию:

17-07-2024

Дата публикации:

24-07-2024

Аннотация: В статье представлен опыт описания механизма транспозиции форм творительного падежа существительных без предлогов в подкласс адвербиальных наречий. Актуальность работы определяется необходимостью исследования переходных зон в грамматическом строении русского языка. Цель работы – описание ступеней, признаков и предела транспозиции субстантивных словоформ в наречия, используемых для разных видов локализации предметов в виде точки, линии и окружности (сферы). Новизну подхода к материалу определяет использование методики оппозиционного анализа для характеристики форм творительного падежа существительных, представляющих в типовых контекстах те или иные стадии адвербиализации. Объект анализа – словоформы, представляющие, с одной стороны, типичные существительные, а с другой – периферийные существительные или периферийные и ядерные отсубстантивные наречия с пространственным значением. Предмет рассмотрения – этапы, их признаки и предел преобразования беспредложных форм существительных в локальные наречия. Материалом послужили примеры авторов статьи и контексты употребления субстантивных словоформ из Национального корпуса русского языка. В решении поставленных задач применялись общенаучные и специальные методы анализа грамматически противоречивого материала (сравнение, обобщение; структурно-семантический анализ, оппозиционный метод, лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного и компонентного анализа). В результате исследования выявлены и охарактеризованы разные группы существительных, представляющих в формах творительного падежа единственного и множественного числа неодинаковое количество ступеней (этапов) транспозиции в локальные наречия. Определена специфика функциональной и функционально-семантической адвербиализации исследуемой группы субстантивной лексики. Показано их участие в локализации предметов. Установлено, что адвербиализованные формы творительного падежа представляют четыре разряда пространственных наречий: 1) абстрактные или неопределенные наречия, демонстрирующие всеобщий или неопределенный характер локализации; 2) действительные наречия, актуализирующие местоположение субстанции по отношению к участникам коммуникации; 3) относительные наречия, передающие местоположение предмета относительно известного предмета или места; 4) оценочные наречия, эксплицирующие оценку расстояния, степень удаленности от чего-либо. Определены отсубстантивные образования, представляющие в процессе адвербиализации разные семантические типы адвербиальных слов. Предложенные наблюдения и выводы могут найти применение в исследовании случаев транспозиции существительных с предлогами в пространственные наречия, а также в практике преподавания наречий в школе и вузе.

Ключевые слова:

русский язык, грамматика, транспозиция, адвербиализация, существительное, пространственное наречие, зона переходности, ядро, периферия, синкремизм

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

1. Вводные замечания

Изучение механизма функциональной и функционально-семантической транспозиции форм творительного падежа существительных типа *кругом*, *рядом*, *верхом*, *низом*,

дорогой в подкласс пространственных наречий является одной из важных задач транспозиционной грамматики русского языка. Не выявлены причины этого процесса, его стадии и предел, соотношение лексического и грамматического в структуре языковых единиц, подвергающихся адвербиализации. Актуальность исследования определяется повышенным вниманием в современной науке к проблеме взаимодействия разных классов слов в процессе ступенчатой транспозиции слов и словоформ из одного класса в другой; неоднозначной трактовкой разных степеней адвербиализации существительных, характера соотношения семантического и грамматического в структуре единиц, эксплицирующих разные стадии их категориального преобразования. Новизну работы определяет подход к материалу с позиции методики оппозиционного анализа, позволяющего выявить типовые контексты употребления, с одной стороны, ядерных представителей классов существительных и наречий, а с другой – периферийных (синкремичных) образований, в разной степени представляющих свойства взаимодействующих при адвербиализации существительных и наречий места. Объект исследования – формы творительного падежа единственного и множественного числа существительных, эксплицирующие в синтаксической позиции обстоятельства места те или иные стадии адвербиализации, предмет рассмотрения – этапы, признаки и предел транспозиции субстантивных словоформ в пространственные наречия. Материалом послужили собственные примеры авторов статьи и предложения, извлеченные из Национального корпуса русского языка и обозначенные аббревиатурой [НКРЯ][\[17\]](#). Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>. В решении поставленных задач использовались методы структурно-семантического анализа, оппозиционный анализ (со шкалой переходности), лингвистический эксперимент, элементы компонентного, трансформационного и дистрибутивного анализа. Методологической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей по проблеме транспозиции (трансляции, конверсии, лексической и синтаксической деривации, переходности) (см., напр.: [\[1; 4; 10, с. 5–11; 13, с. 57–71; 14; 15; 16, с. 9–25; 23; 24, с. 25–38; 28, с. 13–26; 29; 30\]](#)). Использован также собственный опыт авторов статьи по исследованию разных транспозиционных процессов в системе частей речи и межчастеречных разрядов предикативов и вводно-модальных слов и выражений (см., напр.: [\[25, с. 42–55; 26, с. 161–165; 27, с. 5972–5976; 31, с. 177–191; 32, с. 1108–1123\]](#)).

2. Результаты исследования и обсуждение

В результате исследования установлено, что экстралингвистическая причина транспозиции субстантивных словоформ в разряд пространственных наречий состоит в необходимости образования новых языковых средств для более точной локализации субстанции в пространстве в виде точки, линии и окружности. Процесс адвербиализации форм творительного падежа существительных без предлогов отчасти решает эту задачу. Необходимо иметь в виду и общее усиление внимания в речи к качественной характеристизации ситуаций и их фрагментов. Употребление наречий, интегральным признаком которых является, как известно, признаковость (или признак признака, по выражению А.М. Пешковского [\[21, с. 113, 116\]](#), «позволяет на один два порядка «углубить» признаковую структуру предложения» [\[7, с. 511\]](#). Ведущая роль в обозначении пространства принадлежит, как известно, существительным и наречиям, специализированным на передаче разных граней пространственной ориентации предметов [\[7, с. 510, 511\]](#). Наречия при этом обладают способностью лексикализовать типы синтаксического употребления субстантивных словоформ. По мнению В.Б. Евтухина, именно под синтаксические функции образовались, например, статическое и динамическое (направительное) наречия *дома* и *домой*, первое из которых обозначает

место расположения предмета, а второе – направление к точке отсчета (дом). Для обозначения направления движения «от дома» потребуется, согласно В. Б. Евтюхину, создание отдельной адвербиальной лексемы.

Случаи транспозиции форм творительного падежа в пространственные наречия немногочисленны в русском языке. Отсубстантивные образования этого типа демонстрируют в речи разную степень адвербиализации. В зависимости от количества этапов (стадий) адвербиальной транспозиции и характера категориальных преобразований формы творительного падежа подразделяются на несколько групп.

Во-первых, это существительные, способные употребляться в функции обстоятельства места и демонстрировать тем самым первый, собственно синтаксический этап в движении по направлению к пространственным наречиям. Таковы словоформы типа *берегом*, *лесом*, *полем*, *степью*, *просекой*, *переулком*, *городом*, *селом*, *проселком*, *садом*, *лощиной*, *околицей*, *улицей*, *опушкой*, *коридором*. При этом некоторые из них встречаются в форме множественного числа, например: *лесами*, *полями*, *перелесками*. Есть среди них и формы с суффиксами субъективной оценки предмета; ср.: *леском*, *лесочком*, *бережком*. По оценке ряда исследователей в таких словоформах с конкретно-пространственным значением еще сильна субстанциальная природа, в связи с чем степень их адвербиализации минимальна (см., напр.: [19, с. 196, 197]). На наш взгляд, субстантивные словоформы типа *лесом*, *полем* способны эксплицировать две стадии адвербиализации, соотносительные с зонами ядра [**А / С(ущ)**] и периферии [**Аб / С(ущ) н(ареч)**] существительных. Показательны следующие контексты употребления ядерных (1) и периферийных существительных (2):

(1) *Вокзал было решено удерживать любой ценой, потому что тогда китайцы овладели бы всем левым **берегом** и смогли бы обстреливать концессии, прячась за бунтами соли, которыми завалены подъездные пути, и защитники не продержались бы и суток* [М. Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010] [НКРЯ]; *Кругом все была степь, травы выше плеча – и вдали стеной то там, то здесь наваливались заросли, которые по достижении снова сменялись **степью*** [А. Иличевский. Горло Ушулука // «Октябрь», 2007] [НКРЯ]; *Зиму казаки провели вблизи Ашур-аде – в пределах Горганского залива, образованного полуостровом, который изобиловал **лесами*** [А. Иличевский. Перс (2009)] [НКРЯ]; *Пустырь сменился **лесочком**, среди которого вкривь и вкось стоят пятиэтажки* [Р. Сенчин. Афинские ночи // «Знамя», 2000] [НКРЯ] (ядерные существительные с управляемой формой творительного падежа в функции дополнения или компонента предиката);

(2) *От устья его пойдете вверх по Аргуту **левым берегом**, считайте так – километров шесть, и здесь, справа по ходу, окажется небольшой ключ или речка, если хотите* [И. Ефремов. Озеро горных духов (1942-1943)] [НКРЯ]; *Мы ехали **берегом Лены** на юг, а зима догоняла нас с севера* [В. Короленко. Мороз (1900-1901)] [НКРЯ]; *Я шел **берегом**, надеясь поднять уток, но видел только сплетенья тумана и метелки-языки приболотной травы* [Ю. Коваль. Грозда над картофельным полем (1974)] [НКРЯ]; *Руководство стало отпускать рабочих, и они переправлялись на попутных средствах через Волгу и Тумак – уходили **степью** на Среднюю Ахтубу и Ленинск* [В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)] [НКРЯ]; *После помощником исправника в Брянске», – слушая пространственно-печальную, ничем не загроможденную музыку, читал Герцев биографию Василия Сергеевича Калинникова, и ему чудилось, что шел он **чистой степью**, уже тронутой шорохами осени, и вдали недвижно стояла желтая береза, одна-единственная на всю землю* [В. Астафьев. Царь-рыба (1974)] [НКРЯ]; *Пока все сходило благополучно, и*

немецкие самолеты пролетали мимо, но с каждым днем становилось горячее: никто не знал, куда следует колонна, и к тому же маршрут то и дело менялся; двигались лесами, перелесками и просто полями, сокрушаясь зревшему и, видать, обреченному на гибель в этом году богатому урожаю [П. Прокурин. Судьба. Книга вторая. Не отринь (1993)] [НКРЯ]; Пионеры пошли лесочком [С. Заяцкий. Шестьдесят братьев (1927)] [НКРЯ] (периферийные существительные в творительном падеже с адъективными и / или присубстантивными распространителями, а также без зависимых слов, выступающие в функции обстоятельства места).

Во-вторых, это единичные существительные типа *низом*, представляющие три ступени на шкале адвербиальной транспозиции: ступень **A / С(ущ)** (ядра существительных в функции дополнения или предиката) (3), ступень **АБ / С(ущ) н(ареч)** (периферии существительных в функции обстоятельства места) (4) и ступень **аБ / с(ущ) Н(ареч)** (периферии пространственных наречий, функционирующих в пределах исходной субстантивной лексемы) (5):

(3) *Джип последний раз встал на нос и, едва качнувшись, рухнул в ту сторону, что когда-то называлась низом* [Е. Прошкин. Механика вечности (2001)] [НКРЯ];

(4) *На шатких, ослабевших ногах спустился в зарослях ольшаника вниз, к ручью; не отстраняя цеплявшихся за шапку и плечи мокрых ветвей, долго шел низом оврага, миновал барсучью нору на склоне, по камням перебежал на другую сторону ручья и наконец взобрался в устье другого овражка, помельче, в непролазную чащобу молодого ельника* [В. Быков. Знак беды (1982)] [НКРЯ]; *Чаще же ездили ключевским низом, по людным местам, прохладным и обветленным, никогда не докучавшим пылюкой* [Е. Носов. Усвятские шлемоносцы (1977)] [НКРЯ];

(5) *Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне, и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом направо; он шел так близко от воды, что казалось, сейчас волна его схватит и унесет, но видно, это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень и избегал рытвин* [М. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)] [НКРЯ].

Пределом такого типа функциональной адвербиализации существительных служит зона собственно грамматических наречий, выступающих в качестве функциональных омонимов по отношению к исходным субстантивным словоформам. Ср. контексты употребления частеречных омонимов:

(6) *Между низом и верхом – узкая лестница с одним поворотом, а всего четырнадцать ступенек* [В. Солоухин. Смех за левым плечом (1989)] [НКРЯ] (существительное);

(7) *Блистающее сединой огромное кучевое облако падает с неба на землю, а ветер свистит ему навстречу – с земли на небо: это люлька перекидных качелей взвивается наверх и потом несется книзу – ух! ух! плещутся девичьи визги, волят гармонии, голосят парни: Плыл я верхом, плыл я низом, У Мотани дом с карниром...* [К. Федин. Первые радости (1943-1945)] [НКРЯ] (наречие).

В-третьих, это существительные *вёрхом, кругом, рядом*, тоже эксплицирующие в разных условиях речи несколько этапов (стадий) адвербиализации. Они не всегда совпадают у названных словоформ. Вместе с тем объединяет эти образования то, что они значительно дальше продвигаются в речи по направлению к наречиям, входя в конечном счете в группу так называемых ядерных отсубстантивных наречий. Образование наречий этого типа связано с функционально-семантическим характер

адвербиальной транспозиции, охватывающим сферу как грамматики, так и словообразования. Более того, в некоторых случаях процесс образования адвербиальных единиц языка сопровождается акцентологическим сдвигом в категориально перерождающихся словоформах; ср.: *вérхом* --> *верхом*; *кругом* --> *кругом*. Характерно то, что адвербиализующиеся словоформы по мере приближения к наречиям меняют обычно разрядовое значение, выступая в функции разных обстоятельств. Ср., например, функционально-семантические и акцентологические сдвиги в субстантивной словоформе *кругом* по мере ее ступенчатого продвижения к зоне ядерных наречий:

(8) (а) *И Сотников сказал только то, что и так было всем известно: Леонид был знаком с широким **кругом** представителей шоу-бизнеса и мира искусства, активно ухаживал за женщинами и много лет поддерживал отношения с Кариной Горбатовской* [А. Маринина. Последний рассвет (2013)] [НКРЯ] (ядерное существительное в функции управляемого дополнения; с кем?);

(б) *Гончие сразу подвалили к ней и, когда мы выскочили на поляну, уже обложили лося **кругом**, заливались, хрюпали, исходили яростью* [Ю. Коваль. Листобой (1972)] [НКРЯ] (гибрид в синкретичной функции дополнения и обстоятельства способа действия: чем и каким способом);

(в) «*Позволь, мой друг, – сказал полковник Замойский, – ты что же это на глухого обиделся и на кривого, когда сам **кругом** виноват?*» [М. Пришвин. Дружба (1941)] [НКРЯ] (ядерное количественное наречие в функции обстоятельства меры и степени; в какой степени?);

(г) *Дом был цел, даже карнатиды, но **кругом** сплошные развалины* [И. Грекова. Перелом (1987)] [НКРЯ] (ядерное пространственное наречие в функции локального детерминантного обстоятельства; где?).

Отметим также поэтапную транспозицию субстантивной словоформы рядом сначала в функциональное наречие образа действия (9), а затем в функционально-семантическое наречие места (10). Ср. контексты их употребления:

(9) *Березки на пригорке выстроились **рядом*** (≈ 'в ряд');

(10) *Универмаг находился совсем **рядом*** (≈ 'близко').

Категориальное преобразование в наречия словоформ *дорогой* и *стороной* сопровождается нарушением смыслового тождества исходных субстантивных лексем. Смысловая изоляция форм творительного падежа и единственного числа при адвербиализации сопряжена с их отрывом от парадигм категорий числа и падежа. См. примеры употребления омонимичных форм – существительного (11а) и наречий (11б) из «Словаря грамматических омонимов русского языка» О. М. Ким и И. Е. Островкиной [12, с. 177].

(11) (а) *Война была единственной **дорогой** у власти, Карл это понимал* (А.Н. Толстой);

(б) ***Дорогой** и поговорим; Сижу и смотрю я **дорогой** На серый и пасмурный день, На озера берег отлогий, на дальний дымок деревень* (А.К. Толстой).

По семантике отсубстантивное наречие *дорогой* синкретично: оно совмещает в своей смысловой структуре темпоральный и локальный элементы значения, что затрудняет

однозначную трактовку его семантического типа. При лексикографическом толковании данного наречия акцент делается либо на пространственном, либо на темпоральном компоненте. Так, в «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремовой [8, с. 173] адвербиализованная словоформа *дорогой* квалифицируется как наречие места, употребляемое в значении ‘в процессе следования куда-л.; по пути, по дороге куда-л.’, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова [3, с. 277] актуализируется, напротив, темпоральный компонент значения словоформы *дорогой*, которой приписано здесь значение наречия ‘во время пути, поездки’ (***Дорогой*** *каждый думал о своем*), но дается это наречие в рамках словарной статьи на существительное *дорога* в «абстрактном» значении (ср. «материальное» и «абстрактное» значения лексемы *дорога* в примерах Е.В. Рахилиной *Лошадь стояла на **дороге*** и *Собираемся в **дорогу*** [22, с. 91]); аналогичное толкование наречия *дорогой* (≈ ‘во время поездки, путешествия; в пути’) находим в «Большом академическом словаре русского языка» [2, с. 297].

Семантический сдвиг, заключающийся в совмещении пространственного значения с временным, а по оценке некоторых исследователей, в замене локальной ориентации на временную [19], обусловил смысловую изоляцию творительного падежа существительного *дорогой* при адвербиализации, отрыв его от парадигмы исходной субстантивной лексемы и образование на его базе наречия.

Конкретно-пространственное существительное в творительном падеже *стороной* (*стороною*) послужило основой для двух возникших вследствие адвербиализации наречий – пространственного наречия *стороной*, обозначающего ‘двигаться, минуя что-либо, окольным путем’ (*Лужу обошли **стороной***; *Дождь прошел **стороной***), и определительно-качественного наречия способа действия *стороной* в значении ‘не прямо, окольным путем, намеками, обиняком’ (*Решили завести речь **стороной***).

Локально-темпоральный синкрезис свойствен транспонированному в наречие существительному следом. Оно может употребляться как в локальном значении ‘вслед за кем-л. или за чем-л. удаляющимся’, так и в темпоральном значении ‘непосредственно после кого-л. или чего-л.’ (см., напр.: [8, с. 589]).

Образование при адвербиализации творительного падежа существительного сразу нескольких наречий, входящих в разные смысловые разряды, наблюдается и в случае с уже упоминавшейся словоформой *вérхом*. В современном русском языке противопоставлены, с одной стороны, существительное в форме творительного беспредложного в функции объектного дополнения *вérхом* (12), а с другой – три сформировавшихся на его базе наречия: одно из них – пространственное наречие *вérхом* в значении ‘по верхней или по возвышенной части местности’ (противоположное *низом*) (13), второе – количественное наречие *вérхом* со значением ‘(насыпать) выше краев’ (14), третье – определительно-качественное наречие образа действия *верхом* в значении ‘сидя на спине животного (обычно лошади), свесив ноги по разные стороны // перен. разг., сидя таким образом на каком-л. предмете’ (15) [8, с. 85]. Ср. контексты их употребления:

(12) *Косяк заключался в том, что его любовница – бывшая VIP-интердевочка Василиса Прекрасная – свинтила к Ивану-Дураку. А потом Кощей ее у Ивана выкрад, надеясь на возвращение прежней любви. Но никакие подарки не могли вернуть ее прежнее расположение. Ни спортивный ковер-самолет с откидным **вérхом**, ни манто из перьев Жар-птицы, ни ствол «Магнума», приставленный к бестолковой белобрыской башке*

[Кошкой меняет профессию: резня по-древнерусски с присказкой и хеппи-ендом (2004) // «Хулиган», 15.08.2004] [НКРЯ];

(13) *Вот спускается она (белка) из своего гнезда и идет вéрхом. Острые иголки колют ей лапы и тогда она бежит низом* [Вл. Лидин. Большая река];

(14) *По пыльной дороге, ведущей к садам, тянулись скрипучие арбы, вéрхом наложенные черным виноградом* [Л.Н. Толстой. Казаки (1863)] [НКРЯ];

(15) *Поехали, понужай, говорят тебе, Игнатий! – обоз выглядел вот на какой манер: куприяновские гнедые везли ход, к ходу привязана была лесина с недорубленными по самой середине сучьями, к лесине плашмя привязаны отец и сын Куприяновы – отец спереди, сын – поближе к вершине, как раз над задней парой колес; вслед за возом едет вéрхом Дерябин и ведет в поводу сивую кобылку Игнашки Игнатова со скособоченным киргизским седлом, из подушки которого торчит не то пенька, не то какая-то тряпица, вслед за Дерябиным следуют остальные трое членов Комиссии: Половинкин, Устинов и председатель Петр Калашников [С. Залыгин. Комиссия (1976)]* [НКРЯ].

Некоторые наречия, возникшие в результате адвербиализации существительных в творительном падеже, имеют формы субъективной оценки с ласкательным значением; ср.: *стороной / сторонкой, низом / низком, рядом / рядом и нек. др.* (см.: [\[8, с. 396, 563; 516; 11, с. 28\]](#)). В ряде случаев транспозиции в пространственные наречия подвергаются формы множественного числа существительных; ср. *местами, верхами* (см.: [\[9, с. 284; 12, с. 98, 324\]](#)). Наблюдается также переход в другие семантические разряды наречий форм творительного падежа множественного числа существительных, например: *(идут) рядами, временами (шли дожди), (птицы летали) кругами* [\[12, с. 287, 288\]](#).

В отличие от предложно-падежных форм с пространственным значением типа *рядом с домом* (*Колодец был рядом с домом*), выражают конкретное место расположения предметов, семантика отсубстантивных наречий имеет дейтический характер: пространственным ориентиром у них является не предмет, обозначенный существительным в форме определенного падежа с предлогом, а место речи. Пространственный ориентир в них «словесно не выражен, а только подразумевается, например: *здесь* (место речи – внешний локум» [\[20, с. 28, 29\]](#)). Аналогично: *Колодец был рядом*, т.е. рядом с тем местом, где находился говорящий.

При транспозиции творительного падежа существительных без предлога *вéрхом, низом* в функции обстоятельства места в локальные наречия меняется тип пространственной ориентации предмета: Ср.:

(16) *Из-за сильных дождей добираться до лагеря приходилось вéрхом оврага;*

(17) *Из-за сильных дождей овраг был затоплен на треть водой, поэтому добираться приходилось вéрхом, по узенькой тропинке.*

В примере (16) пространственный ориентир для локализации предмета (в виде направления его движения) выражен предложно-падежной формой существительного (*вéрхом оврага*), в примере (17) пространственный ориентир в самом отсубстантивном наречии *вéрхом* не обозначен; он устанавливается путем отсылки к предтексту, т.е. к предмету (овраг), названному в предшествующем фрагменте высказывания.

В случаях функционально-семантической транспозиции творительного падежа в локальное наречие подобной смены пространственного ориентира не наблюдается. Происходит смысловая изоляция субстантивной словоформы и ее обособление от общей парадигмы исходной субстантивной лексемы. Ср., например, транспозицию творительного падежа *кругом* (18) функционально-семантическое наречие места (с акцентологическим сдвигом) (19):

(18) *Он мастерски владел спортивным **кругом***;

(19) ***Кругом*** никого не было.

Пространственные наречия на базе творительного падежа без предлога используются для разных типов локализации субстанции в пространстве. Локативные отношения представляют местоположение предмета в виде точки, линии или окружности (см.: [\[5, с. 10; 6, с. 156–160\]](#)). Установлено, что адвербиализованные в той или иной мере существительные входят в именные и наречные группы, представляющие три вида локализации.

Во-первых, это отсубстантивные наречия, которые относятся к группе образований типа *внутри, вне, в середине, спереди, сзади, сверху, снизу, возле, в отдалении, справа, слева*, выражающих локализацию в виде точки. В результате адвербиализации творительного падежа без предлога образовались два таких наречия – *рядом* и *местами*. Наречие *рядом* характеризует локализацию объекта с точки зрения степени его удаленности от субъекта:

(20) *Родник находился **рядом*** (≈ ‘вблизи’).

Пространственное наречие на базе творительного падежа множественного числа *местами* указывает на неопределенную локализацию объекта:

(21) ***Местами*** еще лежал снег (≈ ‘кое-где, в некоторых местах’).

Оба этих наречия представляют собой самостоятельные единицы языка, возникшие в результате функционально-семантической адвербиализации существительных. Ср. лексические (22а) и грамматические омонимы (22б):

(22) (а) Режиссер был недоволен вновь подставленным **рядом** стульев; Гости решили поменяться **местами** в партере (существительные);

(б) ***Рядом*** никого не было; Запись ***местами*** оказалась стертой на пленке (наречия).

Во-вторых, это образования именного и наречного типа, представляющих локализацию субстанции в виде линии. В эту группу входят две группы словоформ, подвергающихся адвербиализации. К одной из них относятся два собственно грамматических наречия – *вёрхом* и *низом*, функционирующих в семантической зоне исходных субстантивных лексем (*верх, низ*). Они локализуют объект как двигающийся по поверхности, вдоль чего-либо. Например:

(23) Вся группа передвигалась ***вёрхом*** (низов), рядом с лесом.

К другой группе относятся существительные в творительном падеже, демонстрирующие в функции обстоятельства места первый, собственно синтаксический шаг в сторону пространственных наречий. Речь идет о словоформах типа *берегом, лугом, лесом, полем, морем*, обозначающим движение предмета по поверхности чего-либо.

(24) Вначале все шли **берегом**, потом **полем и лесом**.

Здесь же следует назвать и отсубстантивное наречие *стороной*, также обозначающее локализацию в виде линии, но субъект локализации находится вне этой линии: субъект движется мимо какого-либо предмета.

(25) Лужи обходили **стороной**.

В-третьих, это именные и адвербиальные образования, употребляемые для локализации субстанции в виде окружности (сферы). Локализуемый объект находится на окружности, центром которой является субъект. Таково ядерное отсубстантивное наречие *кругом*, синонимичное наречию *вокруг*.

(26) **Кругом** не было ни души (\approx 'вокруг').

Адвербиализованные формы творительного падежа без предлогов входят в четыре семантические группы наречий места (см. о них: [\[5, с. 17\]](#)), а именно: в 1) абстрактные или неопределенные наречия, указывающие на всеобщий или неопределенный характер локализации [*местами* (*выпадали осадки*); см. также: *кое-где, везде и нек. др.*); 2) дейктические наречия, выражающие место расположения предмета относительно участников коммуникации [*кругом* (*была степь*); см. также: *здесь, там, вокруг и т.п.*]; 3) относительные наречия, передающие место расположения предмета относительно уже известного объекта или места [*Верхом* (*ехать было безопасней*), *низом, стороной*; см. также: *внизу, сверху, сбоку, мимо и т.п.*]; 4) оценочные наречия, выражающие оценку расстояния, степень удаленности от чего-либо [*рядом* (*текла река*); см. также: *близко, далеко и т.п.*].

Отсубстантивные наречия места могут выполнять две функции: а) функцию уточнения локализации предмета, обозначенного существительным с предлогом [*Туристы ехали верхом вдоль оврага; Он незаметно подсел рядом к соседу*]; ср. вхождение наречия в структуру составного предлога: *рядом с* (*домом росла береза*); б) функцию неопределенной локализации [*Местами* (*еще лежал снег*)].

Как показывает исследование, пространственные наречия, возникшие вследствие адвербиализации существительных без предлогов, характеризуют действия статически: они обозначают место действия и отвечают на вопрос где? См. примеры статических наречий.: *везде, далеко, посередине*. Собственно динамических наречий, которые характеризовали бы действие динамически, как направленное к определенному пространственному ориентиру, и отвечали на вопросы куда? (*вбок, вправо*), откуда? (*издали, сбоку, сверху*), докуда? до какого места? (*досюда, досель*), среди адвербиализованных форм творительного падежа без предлога не обнаружено (см.: [\[7, с. 520; 18, с. 486–490\]](#)). В то же время встречаются такие типы употребления наречий места *рядом, верхом, низом*, когда они выполняют сразу две функции, обозначая и направление движения предмета, и его местоположение. Напр.: *Подошедшие туристы подсели рядом* (куда? где?). В.Г. Гак обратил внимание на возможность использования предложно-падежных форм существительных при разных глаголах для статической и динамической локализации объекта; ср.: а) *Туристы сидят вокруг костра* (где?) и б) *Туристы уселись вокруг костра* (куда? где?) [\[5, с. 11\]](#).

3. Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о том, что транспозиция форм творительного падежа единственного и иногда множественного числа существительных в

подкласс локальных наречий имеет ступенчатую природу. В современном языке она представлена субстантивными словоформами, делающими в функции обстоятельства места первый, собственно синтаксический шаг в сторону наречий (*берегом, полем, лесом*); периферийными наречиями (*низом, вéрхом*), не нарушающими смыслового тождества исходных лексем; ядерными наречиями, функционирующими в качестве самостоятельных единиц языка с иным ударением (*кругом*). Пространственные отсубстантивные наречия могут представлять локализацию субстанцию статически (*кругом, рядом*) и статико-динамически (*рядом*), указывая на конкретное (*рядом*) или неопределенное местоположение предмета (*местами*). Локализация при этом осуществляется в виде точки (*местами, рядом*), линии (*вéрхом, низом*), окружности (*кругóм*). Отдельные субстантивные словоформы подвергаются транспозиции в несколько семантических разрядов адвербиальной лексики (*стороной, кругóм, вéрхом / верхóм*).

Благодарность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Библиография

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
2. Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед.; гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.; СПб.: Наука, Т. 5. 2006. 694 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык., 2001. 720 с.
5. Гак В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативностью Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 6–26.
6. Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М.: Высшая школа, 1965. 377 с.
7. Евтухин В.Б. Наречие // Морфология современного русского языка: Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С.И. Богданов, В.Б. Евтухин, Ю.П. Князев и др. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2013. С. 499–538.
8. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. 2-е изд., испр. М.: Астрель: ACT, 2004. 814 с.
9. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М.: Русский язык, 1980. 880 с.
10. Зализняк Анна А. Русское разве: от предлога к вопросительной частице // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 5–11.
11. Калечиц Е.П. Переходные явления в области частей речи / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1977. 78 с.
12. Ким О.М., Островкина И.Е. Словарь грамматических омонимов русского языка. М.: Астрель; ACT; Ермак, 2004. 842 с.
13. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–71.
14. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкоznания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

15. Мельчук И. Русский язык в модели «Смысл – Текст». Москва – Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. 682 с.
16. Мельчук И. Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [и Y-ни] и ВЗЯТЬ [и Y-нуть] // Русский язык в научном освещении. 2023. № 2. С. 9–25.
17. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 15.07.2024).
18. Недялкова Н. О системах локативных наречий в русском и болгарском языках // Славянская культура: истоки, традиция, взаимодействие. Материалы международной научно-практической конференции. Гл. ред. М.Н. Русецкая. 2019. С. 486–490.
19. Орлова О.С. Формирование наречий, соотносительных с творительным падежом имени в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Рязань, 1961. 272 с.
20. Панков Ф.И. Функционально-семантическая категория адвербиальной локативности и система значений пространственных наречий (фрагмент лингводидактической модели русской грамматики) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 5. С. 7–31.
21. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1938. 452 с.
22. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари. 2008. 416 с.
23. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
24. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25–38.
25. Шигуров В.В. «Судя по» в контексте модаляции и препозиционализации: к исчислению индексов транспозиции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 6. С. 42–55.
26. Шигуров В.В., Шигурова Т. А. О модаляции глагольных инфинитивов в русском языке // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 8-3. С. 161–165.
27. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Модаляция деепричастных форм глаголов в русском языке: форма, причина, предпосылки // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-26. С. 5972–5976.
28. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. Т. 3. № 1. Рр. 13–26.
29. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf-isch im heutigen Deutsch. Tu“bingen. 1982. 241 p.
30. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
31. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. Т. 97. № 25. С. 177–191.
32. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Functional Modulates Derived From Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Opción. 2019. Т. 35. № 20. С. 1108–1123.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Исследуемый вопрос данной работы имеет узко профильный лингвистический характер. Автор ориентирован на разбор проблемы транспозиции беспредложных форм творительного падежа существительных в пространственные наречия. При этом задана и система оценки – это ступени, признаки и предел. На мой взгляд, материалу присущ

определенный академизм, что говорит о серьезном, конструктивном подходе; здесь же срабатывает и методологический ценз, который тоже соотносится с рядом актуальных наработок. Материал дробится на т.н. смысловые части, это позволяет читателю двигаться вместе с ходом исследовательских этапов раскрытия темы. В вводной части объяснен выбор темы, обозначена актуальность исследования, оговорена и новизна: «Изучение механизма функциональной и функционально-семантической транспозиции форм творительного падежа существительных типа кругом, рядом, верхом, низом, дорогой в подкласс пространственных наречий является одной из важных задач транспозиционной грамматики русского языка. Не выявлены причины этого процесса, его стадии и предел, соотношение лексического и грамматического в структуре языковых единиц, подвергающихся адвербиализации. Актуальность исследования определяется повышенным вниманием в современной науке к проблеме взаимодействия разных классов слов в процессе ступенчатой транспозиции слов и словоформ из одного класса в другой; неоднозначной трактовкой разных степеней адвербиализации существительных, характера соотношения семантического и грамматического в структуре единиц, эксплицирующих разные стадии их категориального преобразования». Считаю неплохо, что материалом исследования послужили собственные примеры авторов статьи и предложения, извлеченные из Национального корпуса русского языка и обозначенные аббревиатурой [НКРЯ] [режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>]. Как отмечено, что «в решении поставленных задач использовались методы структурно-семантического анализа, оппозиционный анализ (со шкалой переходности), лингвистический эксперимент, элементы компонентного, трансформационного и дистрибутивного анализа». Таким образом, обязательный стандарт вводных параметров учтен. Вариатив цитаций в основной части работы сделан верно, эффект т.н. «конструктивного диалога» с оппонентами также достигнут. Например, «необходимо иметь в виду и общее усиление внимания в речи к качественной характеристизации ситуаций и их фрагментов. Употребление наречий, интегральным признаком которых является, как известно, признаковость (или признак признака, по выражению А.М. Пешковского [21, с. 113, 116], «позволяет на один два порядка «углубить» признаковую структуру предложения» [7, с. 511]. Ведущая роль в обозначении пространства принадлежит, как известно, существительным и наречиям, специализированным на передаче разных граней пространственной ориентации предметов [7, с. 510, 511]. Наречия при этом обладают способностью лексикализовать типы синтаксического употребления субстантивных словоформ. По мнению В.Б. Евтюхина, именно под синтаксические функции образовались, например, статическое и динамическое (направительное) наречия дома и домой, первое из которых обозначает место расположения предмета, а второе – направление к точке отсчета (дом)». Весьма удачны примеры из русской литературы, причем современной (новейшей): «(1) Вокзал было решено удерживать любой ценой, потому что тогда китайцы овладели бы всем левым берегом и смогли бы обстреливать концессии, прячась за бунтами соли, которыми завалены подъездные пути, и защитники не продержались бы и суток [М. Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010] [НКРЯ]; Кругом все была степь, травы выше плеча – и вдали стеной то там, то здесь наваливались заросли, которые по достижении снова сменялись степью [А. Иличевский. Горло Ушулука // «Октябрь», 2007] [НКРЯ]; Зиму казаки провели вблизи Ашур-аде – в пределах Горганского залива, образованного полуостровом, который изобиловал лесами [А. Иличевский. Перс (2009)] [НКРЯ]; Пустырь сменился лесочком, среди которого вкрай и вкось стоят пятиэтажки [Р. Сенчин. Афинские ночи // «Знамя», 2000] [НКРЯ] (ядерные существительные с управляемой формой творительного падежа в функции дополнения или компонента предиката)...» и т.д. Термины и понятия используются в режиме унификации,

разночтений не выявлено: «Категориальное преобразование в наречия словоформ дорогой и стороной сопровождается нарушением смыслового тождества исходных субстантивных лексем. Смысловая изоляции форм творительного падежа и единственного числа при адвербиализации сопряжена с их отрывом от парадигм категорий числа и падежа. См. примеры употребления омонимичных форм – существительного (11а) и наречий (11б) из «Словаря грамматических омонимов русского языка» О. М. Ким и И. Е. Островкиной...» и т.д. Аналитическая стяжка характерна для всей работы: «Как показывает исследование, пространственные наречия, возникшие вследствие адвербиализации существительных без предлогов, характеризуют действия статически: они обозначают место действия и отвечают на вопрос где? См. примеры статических наречий.: везде, далеко, посередине. Собственно динамических наречий, которые характеризовали бы действие динамически, как направленное к определенному пространственному ориентиру, и отвечали на вопросы куда? (вбок, вправо), откуда? (издали, сбоку, сверху), докуда? до какого места? (досюда, досель), среди адвербиализованных форм творительного падежа без предлога не обнаружено...». Отмечу положительным моментом и общую логику, которая ориентирует на целостное рассмотрение вопроса. Выводы по тексту не противоречат основной части: отмечено, что «проведенное исследование свидетельствует о том, что транспозиция форм творительного падежа единственного и иногда множественного числа существительных в подкласс локальных наречий имеет ступенчатую природу. В современном языке она представлена субстантивными словоформами, делающими в функции обстоятельства места первый, собственно синтаксический шаг в сторону наречий (берегом, полем, лесом); периферийными наречиями (низом, вёрхом), не нарушающими смыслового тождества исходных лексем; ядерными наречиями, функционирующими в качестве самостоятельных единиц языка с иным ударением (кругом)...». Тема исследования соотносится с одной из рубрик издания, общие требования учтены, серьезная правка текста излишня. Материал может стать подспорьем для новых лингвистических изысканий, его также уместно использовать и в вузовской практике. Рекомендую статью «Транспозиция беспредложных форм творительного падежа существительных в пространственные наречия: ступени, признаки, предел» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Филатова Е.А. Документальное кино: алгоритм работы над закадровым переводом // Филология: научные исследования. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71251 EDN: OIBECG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71251

Документальное кино: алгоритм работы над закадровым переводом

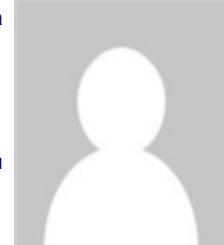
Филатова Екатерина Алексеевна

ORCID: 0009-0009-5879-4871

кандидат филологических наук

доцент, кафедра рекламы, связей с общественностью и лингвистики; Национальный исследовательский университет "МЭИ"

111250, Россия, г. Москва, ул. Красноказарменная, 14, стр.1

✉ ekafilatova@mail.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.7.71251

EDN:

OIBECG

Дата направления статьи в редакцию:

14-07-2024

Аннотация: Объектом предпринятого исследования выступает аудиовизуальный перевод документальных фильмов. Предметом исследования являются средства оптимизации закадрового перевода документалистики. Автор подробно рассматривает аудиовизуальный перевод, его специфику и возросшую популярность в настоящее время. Детально анализируются особенности перевода для закадрового озвучивания и причины востребованности в России. Особое внимание уделяется специфическим чертам аудиовизуального текста документального фильма, который не может быть переведен без учета лингвистической, психоэмоциональной и аудиовизуальной составляющих. Текст документального фильма по природе своей является поликодовым, что делает процесс перевода многогранным. Цель статьи заключается в том, чтобы разработать алгоритм действий, с помощью которого переводчик сможет оптимизировать процесс закадрового перевода аудиовизуальных произведений, в частности, документальных фильмов. Для достижения поставленной цели были использованы общие методы

исследования и методы лингвистического наблюдения, сравнения и описания. Результатом исследования стала систематизация и алгоритмизация действий переводчика в процессе реализации перевода таких аудиовизуальных произведений, как документальные фильмы. Область применения результатов является широкой, поскольку алгоритм, предложенный в статье, может быть имплементирован при аудиовизуальном переводе как практикующими специалистами, так и начинающими переводчиками. Новизна изыскания заключается в том, что впервые был представлен комплексный подход к работе над закадровым переводом документалистики, который включает в себя четыре этапа: предпереводческий анализ аудиовизуального текста, анализ лингвистической составляющей, работа с психоэмоциональным компонентом фильма и этап аудиовизуальной синхронизации. Выводы статьи отражают необходимость использования поэтапного подхода в процессе перекодирования исходного аудиовизуального текста документального фильма с оригинального языка на язык реципиента для оптимизации работы переводчика и достижения высокого качества перевода кинематографического произведения.

Ключевые слова:

аудиовизуальный перевод, документальный фильм, закадровый перевод,
предпереводческий анализ, психоэмоциональная составляющая, переводческие
трансформации, безэквивалентная лексика, аудиовизуальная синхронизация,
терминология, аналоговые тексты

Введение

В настоящее время вопросы, связанные с оптимизацией и улучшением качества перевода аудиовизуальных произведений, являются первостепенными в теории и практике перевода как за рубежом [16, 20], так и в России [9, с.33]. Данное обстоятельство связано с тем, что ежедневно вниманию русскоговорящего населения предлагается колоссальный объем зарубежного контента. Наблюдается перенасыщение отечественного медиа пространства большим количеством видеороликов, интервью, новостных программ, художественных фильмов, качество перевода которых является крайне низким. Документальные фильмы не стали исключением.

Комментируя сложившуюся ситуацию в отечественном кинематографе, Сапожников говорит о том, что зачастую реципиенты не в состоянии понять смысл фильма, что является «следствием бездарного перевода» [11]. Зритель повсеместно встречается с некачественным переводом фильмов, что, в свою очередь, производит отрицательное впечатление о переводческих компаниях в целом и работе переводчиков в частности.

Основные результаты

За последние годы закадровый перевод приобрел весомое значение в индустрии телевидения. Популярность такой вид перевода получил благодаря большому количеству зарубежного контента, который попадает на российский рынок. Сюда можно отнести иностранные телевизионные программы, всевозможные конференции, саммиты, интервью, брифинги, рекламу, сериалы, реалити-шоу, художественные и документальные фильмы. Трансляция всех этих программ и фильмов в эфире российского телевидения невозможна без адаптации данного материала к русскоговорящему населению.

Для того чтобы телевещание было доступно реципиенту, используется закадровый перевод. Причины, по которым используется именно этот вид перевода, различны.

Во-первых, закадровый перевод является менее затратным в финансовом аспекте, поскольку отсутствует потребность в поиске актеров дубляжа и трудоемком процессе осуществления дублирования речи.

Во-вторых, при закадровом озвучивании нет необходимости готовить переведенный текст для липсинка, что в значительной степени помогает сэкономить время. Более того, следует отметить еще некоторые преимущества, на которые указывает М. С. Снеткова, «закадровый перевод ... дает возможность сохранить оригинальный звук, легок для восприятия зрителем и предоставляет относительную свободу переводу в выборе языковых средств» [\[13, с.25\]](#).

При переводе для закадрового озвучивания, по мнению А. В. Козуляева, следует учитывать так называемый визуальный синтаксис, который предполагает частую смену планов, монтаж и скорость подачи информации зрителям [\[4, с. 376\]](#).

Именно этот вид перевода – закадровый перевод – весьма успешно применяется для декодирования звучащей речи с иностранного языка на русский. Учитывая значимость закадрового перевода в отечественном кинематографе, мы выбрали для исследования закадровый перевод документальных фильмов.

Настоящая статья посвящена анализу процесса закадрового перевода документального фильма, выявлению некоторых закономерностей при работе над аудиовизуальным переводом, которые помогают оптимизировать данный вид перевода. Анализ переводов аудиовизуальных текстов документалистики дает основание считать, что континуум процесса перевода документальных фильмов нарушен из-за неверной последовательности этапов осуществления перевода. В данной статье мы предлагаем алгоритм, с помощью которого аудиовизуальные переводчики смогут оптимизировать процесс закадрового перевода документальных фильмов и в значительной степени улучшить качество самого перевода документалистики.

Прежде всего необходимо выяснить, что из себя представляет закадровый перевод и каковы его особенности. Обычно при закадровом переводе происходит наложение переведенной фразы на оригинальную с отставанием в 1-2 секунды, при этом звук оригинальной дорожки приглушается. Основная сложность, с которой сталкивается переводчик при осуществлении закадрового перевода, – «укладка» реплик на языке перевода и их синхронизация с репликами на исходном языке. Поскольку речь идет об аудиовизуальном переводе, а именно – его разновидности – закадровом переводе, невозможно опустить те особенности, которыми обладает данный вид по своей природе.

Согласно А. В. Козуляеву, аудиовизуальный перевод представляет собой «создание нового полисемантического единства на языке-реципиенте на основе единства, существующего на исходном языке, причем таким образом, чтобы новое полисемантическое единство стало элементом культуры языка-реципиента и не было ему чуждо» [\[6, с.13\]](#).

Взяв данную дефиниции аудиовизуального перевода за отправную точку, мы проанализировали переводы документальных фильмов и пришли к следующим выводам относительно оптимизации закадрового перевода документалистики. Алгоритм работы над переводом документального кино, как мы считаем, должен состоять из четырех

этапов. Перечислим их:

1. этап предпереводческого анализа документального фильма;
2. этап работы с лингвистической составляющей аудиовизуального текста;
3. этап работы с психоэмоциональной составляющей аудиовизуального текста;
4. этап аудиовизуальной синхронизации.

Таким образом, мы можем говорить об алгоритме действий, общей стратегии перевода, которой предлагается следовать аудиовизуальному переводчику в процессе работы над переводом документального фильма.

Рассмотрим подробно каждый из указанных выше этапов алгоритма, их компоненты и сложности, с которыми может столкнуться аудиовизуальный переводчик.

1 этап – предпереводческий анализ

Зачастую случается так, что эту стадию работы с документальным фильмом переводчики игнорируют. Обусловлено данное обстоятельство тем, что аудиовизуальные переводчики работают в условиях жестких временных рамок, которые выдвигаются кинематографическими студиями, поэтому осуществить данный этап – предпереводческий анализ – часто бывает невозможно. Однако стоит упомянуть те шаги, которые, как мы считаем, следует сделать переводчику перед тем, как браться за перевод фильма.

Во-первых, одно из основных правил практикующих переводчиков заключается в том, чтобы целиком посмотреть фильм, который предстоит перевести. Главная цель предварительного просмотра документального фильма заключается в том, чтобы воспринять аудиовизуальный продукт целостно, понять основную интенцию кинорежиссера, смысловую и эмоциональную нагрузку, которую несет фильм для создания такого же эффекта у реципиента фильма на русском языке.

Как считает Е. Д. Маленова, в основе аудиовизуального перевода должен стоять коммуникативно-функциональный подход, который предполагает осуществление перевода в соответствии с коммуникативной ситуацией [8, с.104]. Мы согласны с данным подходом, поскольку верное восприятие фильма переводчиком и осознание главного замысла режиссера даст возможность переводчику создать такой перевод, который бы производил тот же эффект на реципиента в принимающей стране, как и на зрителя, на языке которого снимался фильм.

Скажем также, что важную роль играет детекция конечного получателя, то есть кому данный документальный фильм адресован: является ли он научно-популярным для зрителей широкого круга или снят для специалистов-профессионалов в той или иной области науки. От реципиента будут зависеть многие факторы: стиль изложения, языковая составляющая, эмоциональная нагрузка, которые переводчик должен учитывать при создании аудиовизуального текста на языке перевода.

Во-вторых, в процессе просмотра фильма у переводчика вырабатывается понимание того, какая справочная литература может понадобиться: всевозможные энциклопедические, толковые, терминологические словари как двуязычные, так и одноязычные. Немаловажным является также просмотр аналоговых фильмов на схожую тематику для облегчения дальнейшей работы с терминологическими аппаратом по

научной области данного документального фильма. Более того, уже в процессе просмотра фильма переводчик вырабатывает стратегию перевода киноленты. Под стратегией перевода мы понимаем общий алгоритм действий, который переводчик будет осуществлять в процессе перевода аудиовизуального произведения с учетом составляющих компонентов предпереводческого анализа.

2 этап – перевод лингвистической составляющей аудиовизуального текста

Опираясь на те данные, которые переводчик получил в ходе первичного просмотра документального фильма, он затем осуществляет сам перевод. По словам Л. С. Бархударова, перевод – это межъязыковое преобразование или трансформация текста на одном языке в текст на языке перевода [1, с.38]. Данный этап предполагает выявление сложностей с вербальной составляющей фильма. Иными словами, в тексте помимо уже упомянутых терминов, может встретиться так называемая безэквивалентная лексика. Так, по мнению, А. О. Иванова, к безэквивалентной лексике относятся реалии, термины, индивидуальные неологизмы, семантические лакуны, слова широкой семантики, иноязычные вкрапления, сокращения, междометия, звукоподражания, ассоциативные лакуны, имена собственные, обращения [3]. Здесь стоит обратить внимание на то, что аудиовизуальный текст является особым видом текста, который ограничен видео рядом и хронометражном, т.е. определенным отрезком времени, отведенным для произнесения реплики, следовательно, переводческий комментарий, который часто используется для пояснения некоего феномена в художественном переводе, применить к реалиям или лакунам, которые встречаются в документальных фильмах, невозможна из-за ограничений хронометража.

Помимо безэквивалентной лексики при переводе документалистики, переводчик сталкивается с фразеологическими выражениями, образными клише, интертекстом, что также вызывает ряд сложностей при передаче с оригинального языка на язык перевода.

По словам специалиста по созданию документалистики Майкла Рабигера, «хороший» закадровый текст состоит из активного залога, простых слов, не приевшихся оборотов и лаконичности [10, с.411]. Однако возникает вопрос, как добиться такого текста при переводе.

В этой связи совершенно очевидно, что осуществить перекодирование текста с исходного языка на язык перевода и добиться тех требований, которые выдвигаются специалистами в области документального кино, невозможно без применения переводческих трансформаций. Наиболее распространенной является классификация В. Н. Комиссарова, в которую входят лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации [7, с.189].

Однако стоит обратить внимание на особенности закадрового перевода: переводчик осуществляет письменный перевод оригинальных монтажных листов для озвучивания. Соответственно, переводчику во время декодирования текста следует помнить, что переведенный текст затем должен быть озвучен, что, в свою очередь, накладывает ряд ограничений, продиктованных природой аудиовизуального текста. Показательным является то обстоятельство, что увеличение объема реплики на переведенном языке не способствует созданию качественного закадрового перевода, поскольку длинные реплики придется значительно сокращать при укладке и озвучивании фраз. В этой связи стоит обратиться к понятию «псевдоустность». По мнению А. В. Козуляева, звучащая речь должна быть естественной и казаться спонтанной, хотя такого эффекта добиваются

путем «тщательно продуманного и сложного письменного переводческого процесса» [\[15, с.95\]](#).

Грамотное использование трансформаций и учет специфических черт аудиовизуального текста документального фильма поможет создать качественный перевод документального фильма. Обратимся к статье Р. М. Шамилова и В. В. Сдобникова, где авторы говорят о том, что адекватность перевода заключается в соблюдении принципа «соответствия перевода той цели, ради которой он осуществляется». Иными словами, качественным можно назвать тот перевод, который можно обозначить как «user-friendly» [\[15, с. 174\]](#). Мы согласны с главными тезисами в этой статье. В нашем случае основная цель документального фильма состоит в том, чтобы донести до зрителя информацию в той или иной области науки. Зачастую документальные фильмы носят научно-популярный характер, поэтому информация, поступающая зрителю, должна быть представлена в интересной форме для привлечения и удержания внимания.

З этап - работа с психоэмоциональной составляющей аудиовизуального текста

Работа с психоэмоциональной составляющей аудиовизуального текста документального фильма предполагает анализ эмоционального фона документального фильма. Зарубежные специалисты говорят о том, что режиссеры задают некую траекторию, которая предполагает эмоциональные переживания зрителей. Добиться эмоционального воздействия на зрителей можно путем использования различных кинематографических средств [\[18\]](#).

На сегодняшний день распространенным тезисом является то, что документальные фильмы буквально обладают возможностью влиять на эмоции различных социальных групп, однако воздействие может отличаться в зависимости от культурного аспекта того или иного социума [\[19\]](#). Кроме того, как отмечает Фредерик Чауме, в настоящее время именно общество, а точнее сказать, зритель формирует запрос на тот или иной вид аудиовизуальных продуктов, что тоже следует учитывать [\[17, п.57\]](#).

Несмотря на то что факт, что в настоящее время ниша отечественного рынка, которая отведена документалистике, в основном подразумевает научно-популярные фильмы, то есть фильмы для широких масс, зрителям также представлены кинохроники, фильмы-расследования, но в меньших объемах. Совершенно очевидно, что психоэмоциональная составляющая в разных видах документальных фильмах будет в значительной степени отличаться. Немаловажным аспектом является вид наррации. Если говорить о документальном фильме, в котором присутствует ведущий, то уровень эмоциональности, который присущ такому роду документальной ленте, достаточно высокий. Обусловлено данное положение тем, что ведущий является участником экспедиции, зачастую своего собственного расследования, поэтому эмоции, которые испытывает ведущий в процессе съемок, ярко выражены. Здесь следует обратить внимание на невербальный язык тела, который также следует учитывать при переводе и создании аудио дорожки на языке перевода. Речь идет о кинетическом коде, который присутствует в документальных фильмах с участием людей [\[14, с.145\]](#).

Также в киноленте могут быть показаны интервью с приглашенными гостями, а именно: свидетелями тех или иных событий, участниками экспедиции, исследователями в данной области науки, представителями компаний, писателями и другими авторитетными специалистами в научно-исследовательской сфере.

Причем здесь тоже стоит выделить два типа интервью: с участием ведущего и респондента в процессе беседы и интервью, где приглашенные гости, специалисты отвечают на заранее поставленные вопросы без участия ведущего. Такого рода особенности также следует учитывать при выстраивании стратегии перевода и сохранении психоэмоционального фона интервью, закадровой наррации ли рассказа ведущего, который появляется в кадре.

Однако, если речь идет о закадровой наррации, то, скорее всего, психоэмоциональный фон такого повествования будет «ровным», поскольку коммуникативная ситуация в таких документальных фильмах не предполагает высокий уровень вовлеченности диктора в процесс съемок. В его задачу входит озвучивание видеоряда, следовательно, психоэмоциональный фон – спокойный.

Все выше перечисленные аспекты должны восприниматься и интерпретироваться переводчиком верно при просмотре фильма на предпереводческом этапе, а затем, во время работы непосредственно над переводом фильма и на конечном этапе – аудиовизуальной синхронизации, то есть создании аудио дорожки на языке перевода, эти аспекты должны быть учтены. Аудиовизуальное произведение с искаженным эмоциональным посыпом заведомо не может произвести тот психоэмоциональный эффект на реципиента, который закладывал режиссер фильма.

Специалисты считают, что качественный закадровый перевод выражается в естественности звучания текста «при сохранении верности оригинала» [\[12, с.85\]](#).

В этой связи следует сказать, что все компоненты интонации – ударение, мелодика, темп, тембр, паузы – должны быть воссозданы в закадровом переводе при озвучивании.

4 этап – аудиовизуальная синхронизация

Аудиовизуальная синхронизация является финальным этапом алгоритма работы над закадровым переводом, поскольку именно на этой стадии происходит синхронизация видео дорожки, оригинальной аудио дорожки и дорожки с перекодированным текстом.

Во-первых, следует сказать, что немаловажным аспектом является синхронизация визуального ряда с аудио рядом. Отсутствие синфазности данных дорожек не допустимо, поскольку у реципиента может возникнуть диссонанс в восприятии общей картинки на экране. В этой связи переводчику следует добиваться целостности в рецепции. Запаздывание звучания реплик по отношению к видеоряду не приемлемо, поскольку нарушается целостность восприятия на аудиальном и визуальном уровнях. Кроме того, как уже было сказано ранее, необходимо отследить кинетический код, который предполагает синхронизацию жестов, мимики актеров и звучащих реплик.

Во-вторых, необходимо синхронизировать звучание двух дорожек: на исходном языке и языке перевода, время отставания последней должно составлять 1-2 секунды, как уже было сказано нами ранее. Запаздывание реплик языке перевода также не приемлемо, поскольку может быть нарушена планомерность повествования в документальном фильме.

Качество закадрового перевода документальных фильмов зависит от многих параметров, среди которых не последнее место занимают профессионализм актеров озвучивания и совпадение тембра голоса [\[2, с. 274\]](#).

Выводы

В заключение мы можем сделать следующий вывод: следуя выше изложенному алгоритму действий, переводчик сможет создать качественный перевод документального фильма. Однако стоит сказать о том, что переводчику все же придется «лавировать» и находить рациональный баланс между тремя составляющими аудиовизуального текста документального фильма: лингвистической, психоэмоциональной и аудиовизуальной, памятую о главной цели перевода документального фильма – донести до реципиента когнитивную информацию в занимательной и увлекательной форме. Именно такой перевод мы сможем назвать ранее упомянутым в статье словом – «user-friendly».

Библиография

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 275 с.
2. Головина Е. В. Особенности закадрового перевода фильмов в pragматическом аспекте // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98). С. 272-274.
3. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика / А. О. Иванов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С. – Петерб, ун-та, 2006. – 192 с.
4. Козуляев А. В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода // Царскосельские чтения: материалы. СПб.: Ленингр.гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2013. Т.И. № XVII. С. 374-381.
5. Козуляев А. В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): Дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2019. 234 с.
6. Козуляев А. В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках Школы аудиовизуального перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкоznания и педагогики, 2015. № 3 (13). С. 3-24.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – 2-е изд., испр. – М.: Р. Валент, 2011. – 189 с.
8. Малёнова Е. Д. Аудиовизуальный перевод как объект исследования в современном переводоведении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2023. № 6 (874), 2023, С. 101-107.
9. Маленова Е. Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования, 2017. № 2(12). С. 32-46.
10. Рабигер М. Режиссура документального кино. 4-е изд. Из-во: М.: Гитр, 2006. 543 с.
11. Сапожников И. Дубляж и закадровое озвучивание фильмов // Звукорежиссер, 2004. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.xn--b1agadcj1basejas6j.xn--p1ai/article_voice-over.html (дата обращения: 07.06.2024).
12. Сергоманова А. А., Богаченко Н. Г. Особенности перевода кинофильмов // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2020. № 2 (39). С. 79-88.
13. Снеткова М. С. Лингвостилистические аспекты перевода испанских кинотекстов (на материале русских переводов художественных фильмов Л. Бунюэля «Виридиана» и П. Альмодовара «Женщины на грани нервного срыва») Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2009.
14. Филатова Е. А. Комплексная модель анализа АВП документальных фильмов о живой природе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоznание. Культурология. 2021, № 3. С. 136-147.
15. Шамилов Р. М., Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация и лингвистическое оформление текста в специальном переводе: содержательно-смысловый аспект //

- Научный диалог. 2019. № 1. С. 165-177.
16. Diaz Cintas J., Gunilla A. Audiovisual Translation Language Transfer on Screen. London: Palgrave Macmillan, 2009. 256 p.
17. Chaume F. An overview of audiovisual translation: Four methodological turns in a mature discipline // Journal of Audiovisual Translation, 2018. Vol. 1(1). P. 40-63.
18. Siki S. The Science of Film and Story: Emotions and Engagement [Электронный ресурс]. 2020. – Режим доступа:
<https://www.thehongkongfixer.com/thehkfixerblog/2020/08/the-science-of-film-and-story-emotions-and-engagement> (дата обращения: 07.06.2024).
19. Smail B. Introduction: Representation and Documentary Emotion [Электронный ресурс]. 2010. – Режим доступа:
https://www.researchgate.net/publication/304643277_Introduction_Representation_and_Documentary_Emotion (дата обращения: 07.06.2024).
20. Szarkowska, A., & Wasylczyk, P. Five things you wanted to know about audiovisual translation research but were afraid to ask. Journal of Audiovisual Translation, 2018. 1(1). P. 8-25.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена анализу процесса закадрового перевода документального фильма. Автор выявляет некоторые закономерности при работе над аудиовизуальным переводом, которые помогают оптимизировать данный вид перевода. Как отмечается в начале статьи, «анализ переводов аудиовизуальных текстов документалистики дает основание считать, что континuum процесса перевода документальных фильмов нарушен из-за неверной последовательности этапов осуществления перевода». Следовательно, исследователь предлагает алгоритм, с помощью которого аудиовизуальные переводчики смогут оптимизировать процесс закадрового перевода документальных фильмов и в значительной степени улучшить качество самого перевода документалистики. Работа достаточно конструктивна, большая часть текста соотносится с научным стилем, язык вариативен. На мой взгляд, тема, которая поднимается в данном изыскании, явно нетривиальна; исследований подобного плана не так много. Следовательно, на лицо и новизна, и практическая значимость данного материала. Ссылки / цитации даются с учетом значимости: например, «согласно А. В. Козуляеву, аудиовизуальный перевод представляет собой «создание нового полисемантического единства на языке-реципиенте на основе единства, существующего на исходном языке, причем таким образом, чтобы новое полисемантическое единство стало элементом культуры языка-реципиента и не было ему чуждо» [6, с.13]», или «как считает Е. Д. Маленова, в основе аудиовизуального перевода должен стоять коммуникативно-функциональный подход, который предполагает осуществление перевода в соответствии с коммуникативной ситуацией [8, с.104]. Мы согласны с данным подходом, поскольку верное восприятие фильма переводчиком и осознание главного замысла режиссера даст возможность переводчику создать такой перевод, который бы производил тот же эффект на реципиента в принимающей стране, как и на зрителя, на языке которого снимался фильм» и т.д. Методы исследования актуальны, серьезных противоречий не выявлено. Терминологический блок наукообразен: например, «помимо безэквивалентной лексики при переводе документалистики, переводчик сталкивается с фразеологическими выражениями, образными клише, интертекстом, что также вызывает

ряд сложностей при передаче с оригинального языка на язык перевода» и т.д. Выводы по тексту соотносятся с основной частью. Автор обозначает, что «следуя выше изложенному алгоритму действий, переводчик сможет создать качественный перевод документального фильма. Однако стоит сказать о том, что переводчику все же придется «лавировать» и находить рациональный баланс между тремя составляющими аудиовизуального текста документального фильма: лингвистической, психоэмоциональной и аудиовизуальной, памятую о главной цели перевода документального фильма – донести до реципиента когнитивную информацию в занимательной и увлекательной форме. Именно такой перевод мы сможем назвать ранее упомянутым в статье словом – «user-friendly». Работа соотносится с одной из рубрик издания, основные требования учтены. Тема раскрыта, как таковая цель исследования достигнута. Список источников полновесен, его можно использовать при написании смежно тематических работ. Рекомендую статью «Документальное кино: алгоритм работы над закадровым переводом» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

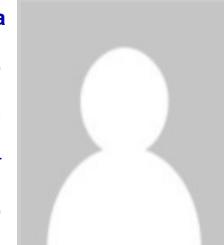
Лазуткина Е.В., Жбанкова Н.В., Сидорова Н.А. Особенности перевода идионимов в английском и немецком гастрономическом дискурсе // Филология: научные исследования. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71174 EDN: ODVTRE URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=71174

Особенности перевода идионимов в английском и немецком гастрономическом дискурсе**Лазуткина Елена Владимировна**

ORCID: 0000-0002-5842-7053

кандидат культурологии

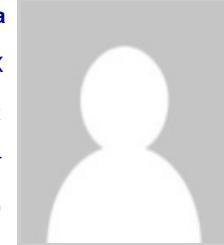
доцент; Институт филологии и языковой коммуникации; Сибирский федеральный университет
660018, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Куйбышева, 97Г, кв. 176

[✉ helenal20@mail.ru](mailto:helenal20@mail.ru)**Жбанкова Наталия Вазиховна**

ORCID: 0000-0002-6555-777X

кандидат психологических наук

доцент; Институт филологии и языковой коммуникации; Сибирский федеральный университет
660018, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, Свободный пр-т, 82А, оф. 250

[✉ shbannat2000@mail.ru](mailto:shbannat2000@mail.ru)**Сидорова Надежда Александровна**

ORCID: 0000-0001-9215-6691

старший преподаватель; Институт филологии и языковой коммуникации; Сибирский федеральный университет
660018, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, Свободный пр-т, 82А, оф. 250

[✉ fransis2008@mail.ru](mailto:fransis2008@mail.ru)[Статья из рубрики "Перевод"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.7.71174

EDN:

ODVTRE

Дата направления статьи в редакцию:

01-07-2024

Аннотация: Объектом исследования являются способы передачи кулинарных идионимов английского и немецкого языков (исходные языки) на русский язык (язык-реципиент) с учетом реалий культур. В статье обсуждается определение идионимов, их связь с культурой народов, показаны основные способы передачи идионимов на примерах реальных меню ресторанов и кулинарных сайтов. Также рассматриваются затруднения, с которыми сталкивается переводчик в процессе своей деятельности при работе с идионимами разных языков. На конкретных примерах демонстрируется применение методов перевода традиционных английских и немецких блюд на русский язык. Показано, как одно и то же идиоматическое название блюда может передаваться разными способами в меню ресторанов, кафе и на различных кулинарных сайтах. В работе были использованы общенаучные методы: анализ и сравнение. Также был использован лингвистический метод сплошной выборки, с помощью которого были выявлены разные названия одного и того же традиционного блюда исходного в языке-реципиенте в зависимости от выбранного метода: транслитерации, кальки, дескриптивного, комбинированного. Сделаны выводы о наиболее удачных стратегиях передачи названий блюд с исходного языка на язык-реципиент, из которых наиболее успешной стратегией перевода является комбинированный вариант: калькирование и дескриптивный перевод в силу того, что он сохраняет культурные реалии исходного языка и позволяет реципиенту понять состав блюда. Основной задачей в межкультурном взаимодействии является недопущение межкультурных конфликтов, которые могут возникнуть, в том числе, по причине ошибочного, неадекватного перевода гастрономических идионимов одной культуры иностранным представителям при выборе блюд в силу физических, религиозных и личных вкусовых предпочтений. Переводчику или составителю меню рекомендовано обращаться к дополнительным источникам для сохранения национально-культурной окраски кулинарного идионима, в то же время передавая состав блюда и не допуская искажения его коннотации.

Ключевые слова:

коммуникативная неудача, реалия, идионим, метод перевода, транслитерация, калька, дескриптивный перевод, комбинированный прием, исходный язык, язык-реципиент

Процессы интеграции и взаимопроникновения культур неизбежны в современном обществе, что в свою очередь находит отражение в языке. Постепенная унификация языковых единиц способствует созданию общей цивилизационной культуры и служит интересам глобального общества, позволяя участникам межкультурной коммуникации максимально быстро достигать поставленные цели. В результате появляется возможность обойти коммуникативные неудачи и достигнуть баланс коммуникативных интересов. Потребность сохранения эквивалентности исходного текста, а также стремление предоставить равноценный по регулятивному воздействию аналог перевода иностранных реалий на русский язык, является основной задачей переводчика как специалиста в области межкультурной коммуникации. Основной задачей переводчика как специалиста, владеющего профессиональными и общими компетенциями, является передача культурного кода исходного языка реципиенту. Именно при работе с культурными реалиями, отражающими своеобразие ментальной сферы и колорита определенного народа, переводчик испытывает особые трудности. Особенность заключается в необходимости учитывать тот факт, что реалии обладают не только смысловой, но и коннотативной нагрузкой.

В научной литературе можно встретить множество определений понятия «реалия» и подходов к классификации этого концепта. Понятие «реалия» многогранно и требует комплексного подхода при изучении. Ведущие ученые В. С. Виноградов, Т. Д. Томахин, Ф. В. Федоров, С. Флорин и др. разработали развернутые дефиниции, в которых к основным элементам реалий отнесли исторические факты, аспекты государственного устройства, фольклор, национальную специфику быта и указали уникальный характер норм морали и поверья народов.

На фоне представленного многообразия определений понятия «реалия» наиболее удачной, на наш взгляд, является формулировка С. Флорина. Автор определяет реалию как слово и словосочетание, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, реалии не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях. [\[1, С. 41\]](#). Очевидно, что ученый приравнивает понятие «реалия» по своей семантике к определению идионимов, которые также отражают специфические элементы внутренней культуры народа, передают национальный колорит. Так, например, В. В. Кабакчи и З. Г. Прошина в качестве примера идионимов называют: царь, казак, степь, старовер для русского языка и культуры и *lord, House of Commons, Church of England, pub* для англичан [\[2, С. 169\]](#).

Неотъемлемой частью культурного кода народа является тема еды и питания. Любая культура придает огромное значение основным продуктам питания, специям, способам их приготовления, рецептам национальных блюд, инструментам приготовления и т.д. В этой связи особый интерес представляют также названия блюд, которые отражают кулинарные предпочтения народа и относятся к кулинарным идионимам. Исследование кулинарных идионимов осуществляется в рамках кулинарного дискурса, поскольку именно здесь «контекстом или коммуникативным событием» являются названия национальных блюд народов мира, а также способы их приготовления.

Таким образом, к основной цели исследования кулинарных идионимов в данной статье относится выделение возможных способов передачи кулинарных идионимов с одного языка на другой язык, сохраняя их аутентичную природу.

Переводческая деятельность – это не только лингвистическая деятельность, но и культурная. Поэтому перед переводчиком ставится задача передачи названия блюда, аутентичного для одной культуры, для благосклонного принятия и понимания его представителями других культур.

В исходном языке слово может выражать реалию, совершенно неизвестную в языке-реципиенте, а также и нелексикализированную. *Savoury*, например, не имеет точный эквивалент во многих языках, хотя и выражает реалию, понятную большинству. В англо-русских словарях она определяется множеством слов и дескриптивно. Онлайн словарь Мультитран приводит, среди прочих, следующие варианты: *savoury* ['seiv(ə)rɪ] прил. общ. вкусный; аппетитный; хорошо пахнущий; ароматный; пикантный; соленый; приятный (обыкн. ирон.); смачный; привлекательный; несладкий (любой вкус, отличный от сладкого; в противопоставлении: Do you prefer sweet or savoury food? Use this batter recipe as a base for creating the most delicious sweet or savoury pancakes... Sergei K); острый; благоухающий; благовонный; сладкий, кул. пряный [\[3\]](#).

Перевод рецептов и меню является непростой задачей. Говоря о методах перевода в

контексте названий кулинарных блюд, следует упомянуть три наиболее часто используемых из них: транслитерация, заимствованный перевод (калька), а также описательный (дескриптивный) перевод.

Приведем примеры перевода традиционных английских блюд разными методами.

Транслитерация знакомит нас с названиями блюд, необычных для национальной кухни, таких как, например, *вустерширский соус* (*Worcestershire sauce*) и *ростбиф* (*roast beef*).

Следует отметить, что транслитерация не всегда уместна и переводчику приходится использовать комбинированный прием – транслитерацию и описание. Описательный перевод используется, когда значение слова невозможно понять без комментариев. Например, *strawberry fool* – клубничное пюре со взбитыми сливками [4]. Примером комбинированного приема можно рассмотреть название английского десерта *Trifle*, который встречается в некоторых источниках как *клубнично-сливочный десерт Трайфл* [5].

Калька сохраняет семантику кулинарного термина, а также иностранные наименования, но часто не передает национальный колорит. Так, *Eton mess*, десерт из взбитых сливок, меренги и ягод клубники и/или малины, переводят как *итонская путаница* [6], *итонская мешанина* [7], *итонский беспорядок* [8], *беспорядок в Итоне* [9].

Shepherd's pie в меню и на кулинарных сайтах становится *пастушьим пирогом* и *пастушьей запеканкой* [10, 11], не информируя при этом потребителя, что по традиции он готовится с мясом ягненка.

Еще большую трудность представляет *Yorkshire pudding*, который переводится однозначно в меню и источниках сети Интернет как *йоркширский пудинг*. Понятие йоркширский (из графства Йоркшир) у русскоговорящих гостей не имеет связи с рабочими, бедными районами Англии XVIII века, где мясо могли себе позволить немногие и не часто, поэтому был изобретен этот вид хлеба, чтобы насытить как можно больше людей при небольшом количестве мяса. Пудинг, хотя и является ксенонимом, утвердился в русскоязычной культуре как что-то сладкое, что подают на десерт. Следовательно, если в меню нет дескриптивного пояснения после названия этого блюда (или части блюда, такого как *roast beef* and *Yorkshire pudding*), это может привести к коммуникативной неудаче, как и в случае с *черным пудингом* (*black pudding*), кровяной колбасой [12]. *Trifle* также может передаваться малоинформативной калькой *пустяк* (*вишневый пустяк*) [13].

Shepherd's pie в меню и на кулинарных сайтах становится *пастушьим пирогом*, *пастушьей запеканкой* и (традиционным) *британским пастушьим пирогом* [14, 15], не информируя при этом потребителя, что по традиции он готовится с мясом ягненка.

Toad in the hole переводится методом кальки как *малоаппетитное жаба в норке/норе*. Главный ингредиент жаба и причина этого названия объясняется только в описании блюда [16]. Встречается *сосисочная жаба и лягушка в норке* [17, 18]. Представляется, что при передаче названия этого блюда не учитывается эстетическая парадигма культурных реалий языка-реципиента, в которых жаба имеет негативную коннотацию, что, в свою очередь, может повлиять на рыночную стоимость перевода.

Дескриптивный перевод относится к использованию нескольких общих терминов для передачи значения на исходном языке. Для перевода многих вышеупомянутых

традиционных блюд используется именно этот метод. Так, онлайн словарь *bab.la* дает следующий перевод *shepherd's pie*: картофельная запеканка с мясом [19], *fish and chips* встречаются как рыба и чипсы [20], рыба с жареным картофелем [21], рыба и картофель фри [22]. Вышеупомянутое название блюда *Toad in the hole* объясняется как йоркширский пудинг с колбасками [23], что, на наш взгляд, является более удачной передачей его на язык-реципиент, т.к. при данном переводе отсутствует негативная коннотация. *Black pudding* – кровяная колбаса, кровянка [24, 25], кровяная крупяная колбаса (в русском языке нет колбас-пудингов, т.к. пудинг – это сладкое, а крупяные колбасы есть) [26].

Не менее интересным для лингвистов будет перевод кулинарных реалий немецкого языка [27]. Например, название немецкого блюда *Eintopf* нельзя переводить как единый или один горшок, поскольку для русскоговорящего реципиента для понимания, что из себя представляет это блюдо, требуется информация о составе ингредиентов [28]. Следовательно, немецкий *Eintopf* целесообразней переводить на русский язык приемом калькой или транслитерацией – немецкий Айнтопф (наиболее распространенный вариант перевода в России) с необходимым дескриптивным расширением для уточнения ингредиентов блюда, что чаще всего и используется.

Очень интересная история с названием блюда *Kräpel*. По внешнему виду они очень напоминают русский хворост, но по вкусовому ощущению это пончик на кефире. Поэтому немецкий *Kräpel* следует переводить на русский язык не как хворост, а, например, как немецкий хворост или как немецкое песочное печенье, что по вкусу напоминает русское песочное печенье [29]. Либо можно использовать транслитерацию немецкий крэпель, с пояснением состава продуктов.

Что касается перевода немецкого названия блюда *Rote Grütze*, то оно не отличается от вышеназванного блюда немецкой кухни *Kaiserschmarrn* по своей сложности и пониманию при переводе для русского гостя. Чтобы передать культурную аутентичность блюда, требуется применить комбинированный вариант перевода: калькированный + дескриптивный перевод, поскольку перевод каждого слова не даст русскому реципиенту полное представление и понимание о блюде: красная каша. Что это такое? Какое это блюдо: сладкое или соленое? Для понимания русскоговорящего реципиента с сохранением немецкой культурной аутентичности название *Rote Grütze* следует переводить как густой ягодный кисель (пудинг) с взбитыми сливками. Это блюдо подается на десерт.

Не менее интересно для перевода название блюда *Leipziger Allerlei*. По аналогии с вышерассмотренным вариантом при прямом переводе возникает путаница и непонимание. Если отдельно переводить слова из названия, например, *Allerlei* обозначает всякая всячина, смесь. Под смесью можно понимать все что угодно: различные виды мяса, рыбы, овощей, фруктов. Прилагательное *Leipziger* предполагает какой-то особый способ приготовления. Для русскоговорящего посетителя в немецком меню предлагается следующий вариант дескрипции: *Gemüsemischung aus Weißkohl, Kohlrabi, Grünerbsen, Blumenkohl, Spargel, Mohrrübe*. Это основные ингредиенты. Вариант приготовления лейпцигским способом предполагает добавления к овощам еще и морепродукты (например, креветки): *Gemüsemischung mit Meeresfrüchten, z.B: Garnelen. Serviert mit Fisch oder Fleisch*. Только с помощью комбинированного варианта перевода: транслитерация + дескриптивный перевод, становится понятно, что это за блюдо. Допускается вариант перевода на русский язык как овощное рагу по-лейпцигскому

рецепту с креветками или кальмаром [\[29\]](#).

Таким образом, в гастрономических переводах русскоязычных и немецкоязычных названий блюд преимущественно используются калькированный перевод с дескриптивным расширением, что позволяет получить гостям приближенное понимание аутентичных блюд в рамках собственной лингвокультуры.

На основании вышесказанного можно сделать выводы, что особые сложности могут возникнуть с выбором эффективного способа перевода названий иноязычных блюд. Выделены переводческие стратегии, к которым прибегают различные сайты для эквивалентной передачи идионимов в названиях английских и немецких блюд на русский язык. Наиболее удачной стратегией перевода является комбинированный вариант: калькирование и дескриптивный перевод, поскольку помогает дополнить языковую картину реципиента и избежать коммуникативных ошибок.

В условиях растущей глобализации культурные реалии народов, как правило, ослабевают, но все еще существуют, и их необходимо учитывать всякий раз при передаче на другой язык. Очевидно, что переводчик, который хочет передать реалии одной культуры другой, должен быть осведомлен об их особенностях. При выполнении перевода с культурными реалиями ему, скорее всего, придется обратиться к дополнительным источникам, чтобы сохранить культурный колорит одного языка и быть понятым представителем другой культуры. Даже в пределах одной страны существуют значительные культурные различия, которые могут изменить смысл перевода. Неправильный перевод может привести к недопониманию и даже межкультурному конфликту.

Библиография

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 328 с.
2. Кабакчи В.В., Прошина З.Г. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 165–193.
3. Мультитран. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=savoury>
4. EnglishLib. URL: <https://englishlib.org/dictionary/en-ru/strawberry+fool.html>
5. VK.com. URL: <https://vk.com/@engl4you-menu-na-angliiskom-yazyke>
6. Cookery Daily. URL: <http://cookery-daily.ru/post/eton-mess>
7. OurFoods. URL: <https://www.ourfoods.ru/recipe/desert-itonskaya-meshanina>
8. Хлебопечка.ру. URL: <https://hlebopechka.ru/a/index.php?topic=533644.0>
9. Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/Yq9tBHdXXAgRbJnD>
10. Dolce Vita. URL: <http://dolcevitablog.ru/2021/06/27/pastushij-pirog/>
11. Reverso. URL:
<https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/shepherd's+pie>
12. Povar.ru. URL: https://povar.ru/recipes/chernyi_puding-45376.html
13. Едим дома. URL: <https://www.edimdoma.ru/retsepty/106141-desert-vishnevyy-pustyak>
14. Dolce Vita. URL: <http://dolcevitablog.ru/2021/06/27/pastushij-pirog/>
15. Reverso. URL:
<https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/shepherd%27s+pie>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой работы направлена на выявление особенностей перевода идионимов в английском и немецком гастрономическом дискурсе. Проблем соотносится с одной из рубрик издания, следовательно, наличные параметры учтены. На мой взгляд, работа выстроена достаточно гармонично, концепция выверена, авторский взгляд манифестирует достаточно точно. Общий ход раскрытия темы логически оправдан, суждения правомерны. Например, «процессы интеграции и взаимопроникновения культур неизбежны в современном обществе, что в свою очередь находит отражение в языке. Постепенная унификация языковых единиц способствует созданию общей цивилизационной культуры и служит интересам глобального общества, позволяя участникам межкультурной коммуникации максимально быстро достигать поставленные цели. В результате появляется возможность обойти коммуникативные неудачи и достигнуть баланс коммуникативных интересов», или «основной задачей переводчика как специалиста, владеющего профессиональными и общими компетенциями, является передача культурного кода исходного языка реципиенту. Именно при работе с культурными реалиями, отражающими своеобразие ментальной сферы и колорита определенного народа, переводчик испытывает особые трудности. Особенность заключается в необходимости учитывать тот факт, что реалии обладают не только

смысловой, но и коннотативной нагрузкой». Цель исследования манифестирована достаточно точно – это изучение возможных способов передачи кулинарных идионимов с одного языка на другой язык, сохраняя их аутентичную природу. Методика анализа актуальна, принцип систематизации данных для данной работы приоритетен. Должный информационный комментарий вводится в текст верно: например, «в научной литературе можно встретить множество определений понятия «реалия» и подходов к классификации этого концепта. Понятие «реалия» многопланово и требует комплексного подхода при изучении. Ведущие ученые В. С. Виноградов, Т. Д. Томахин, Ф. В. Федоров, С. Флорин и др. разработали развернутые дефиниции, в которых к основным элементам реалий отнесли исторические факты, аспекты государственного устройства, фольклор, национальную специфику быта и указали уникальный характер норм морали и поверья народов» и т.д. Иллюстративный фон достаточен: «в исходном языке слово может выражать реалию, совершенно неизвестную в языке-реципиенте, а также и нелексикализированную. Savoury, например, не имеет точный эквивалент во многих языках, хотя и выражает реалию, понятную большинству. В англо-русских словарях она определяется множеством слов и дескриптивно. Онлайн словарь Мультитран приводит, среди прочих, следующие варианты: savoury ['seɪv(ə)rɪ] прил. общ. вкусный; аппетитный; хорошо пахнущий; ароматный; пикантный; соленый; приятный (обыкн. ирон.); смачный; привлекательный; несладкий (любой вкус, отличный от сладкого; в противопоставлениях: Do you prefer sweet or savoury food? Use this batter recipe as a base for creating the most delicious sweet or savoury pancakes... Sergei K); острый; благоухающий; благовонный; сладкий, кул. пряный» и т.д. Автор старается максимально объемно проанализировать «процесс перевода идионимов», при этом ситуативное звено дешифруется как яdroвое: «еще большую трудность представляет Yorkshire pudding, который переводится однозначно в меню и источниках сети Интернет как йоркширский пудинг. Понятие йоркширский (из графства Йоркшир) у русскоговорящих гостей не имеет связи с рабочими, бедными районами Англии XVIII века, где мясо могли себе позволить немногие и не часто, поэтому был изобретен этот вид хлеба, чтобы насытить как можно больше людей при небольшом количестве мяса. Пудинг, хотя и является ксенонимом, утвердился в русскоязычной культуре как что-то сладкое, что подают на десерт. Следовательно, если в меню нет дескриптивного пояснения после названия этого блюда (или части блюда, такого как roast beef and Yorkshire pudding), это может привести к коммуникативной неудаче...». Тема работы раскрыта, однако, есть и перспектива дальнейшего изучения вопроса также есть. Материал удобно использовать в вузовской практике, при изучении дисциплин связанных с переводом. Серьезная правка рецензируемого текста излишня, список источников достаточен, большая часть ресурсов открыта. Рекомендую статью «Особенности перевода идионимов в английском и немецком гастрономическом дискурсе» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Юрковская Е.А. Языковые закономерности, определяющие русско-английские переводческие соответствия субстантивных фраз официально-делового дискурса // Филология: научные исследования. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71126 EDN: OEDCAS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71126

Языковые закономерности, определяющие русско-английские переводческие соответствия субстантивных фраз официально-делового дискурса

Юрковская Елена Александровна

ORCID: 0000-0002-3325-4491

кандидат филологических наук

доцент; кафедра "Иностранные языки"; Иркутский государственный университет путей сообщения

664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15

✉ eayur@mail.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.7.71126

EDN:

OEDCAS

Дата направления статьи в редакцию:

25-06-2024

Аннотация: Предметом исследования являются закономерности, определяющие лексико-грамматические трансформации при переводе субстантивных фраз русского и английского языков. Данные закономерности были выявлены в процессе практической деятельности по переводу текстов официально-делового стиля на основе сопоставления русско- и англоязычных именных фраз, демонстрирующих единство пропозиционального содержания при различной лексико-грамматической оформленности. При переводе подобных языковых единиц возникает необходимость поиска адекватных переводческих соответствий в целях адаптации переведенного текста к нормам языка перевода. Повторяемость определенного соответствия позволяет сделать вывод о его системном характере и сигнализирует о наличии устойчивой закономерности. Установлены три закономерности, основанные на контрастирующих характеристиках субстантивных фраз русского и английского языков, сформулированных в форме межъязыковых оппозиций. Исследование было проведено на основе эмпирических данных и носит характер

индуктивного анализа. Методологической основой исследования послужила теория перевода В.Н. Комиссарова, в которой обосновывается необходимость операционного описания процесса перевода с целью установления способов адекватной передачи значений языковых единиц. Научная новизна исследования заключается в попытке систематизировать существенные различия между русским и английским языками в способах верbalного оформления субстантивной фразы, которые требуют адаптации переведенного текста к нормам языка перевода согласно определенным переводческим соответствиям посредством надлежащих переводческих трансформаций. По степени полноты лексического состава именной группы русский язык демонстрирует черты синтаксической эксплицитности, английский – имплицитности, что влечет за собой необходимость редуцирования русскоязычной фразы и экстенсивизации англоязычной посредством переводческих трансформаций опущения и компенсации. По частотности использования отглагольных имен существительных и глагольных форм в составе расширенной именной группы, в русском языке отмечается доминирование первой, в английском – второй категории, что вызывает необходимость осуществлять лексико-грамматические трансформации частеречного состава. По модели оформления номинативно-атрибутивного значения русский язык демонстрирует тенденцию к постпозиции, английский – к препозиции атрибутивного компонента именной фразы, поэтому требуется адаптация синтаксической структуры субстантивной группы. Соблюдение описанных закономерностей гарантирует сохранение стилевых черт официально-делового дискурса, а также обеспечивает правильность лексико-грамматической структуры переведенного текста и способствует преодолению негативного эффекта языковой интерференции.

Ключевые слова:

адекватный перевод, субстантивная фраза, переводческое соответствие, переводческая трансформация, синтаксическая имплицитность, синтаксическая эксплицитность, составное существительное, межъязыковая оппозиция, номинативно-атрибутивное значение, компенсация имплицитности

Вступление

Совместное существование различных языков в глобальном информационном пространстве неминуемо приводит к необходимости межъязыкового обмена информацией посредством перевода. Переводческая деятельность является основой любого акта коммуникации на иностранном языке. Это становится очевидным на этапе освоения иностранного языка и приобретает скрытый характер в том случае, когда достигнут высокий уровень владения неродным языком. При устном и письменном восприятии иноязычного сообщения осуществляется его трансформация в соответствующую смысловую структуру на родном языке, при продуцировании сообщения имеет место обратный процесс. При этом значительная часть переводческих трансформаций носит устойчивый, систематический характер и может стать объектом научного исследования. Теоретический аппарат и прикладной инструментарий для осуществления подобного анализа предлагает научная дисциплина переводоведение, задачей которой является «выяснить, как происходит переход от оригинала к тексту перевода, какие закономерности лежат в основе действий переводчика» [1, 158].

Предметом исследования в данной статье являются базовые закономерности,

определяющие лексико-грамматические трансформации при переводе субстантивных (именных) фраз (групп) русского языка (РЯ) и английского языка (АЯ).

Данные закономерности были выявлены в процессе практической деятельности по переводу юридических и таможенных текстов, следовательно, они характерны для официально-делового дискурса. Закономерности были установлены на основе сопоставления русско- и англоязычных субстантивных фраз, демонстрирующих единство пропозиционального содержания при различной лексико-грамматической оформленности.

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, проводилось на основе эмпирических данных и носит характер индуктивного анализа. Подобный подход к проведению научного исследования согласуется с пониманием лингвистической теории перевода как дескриптивной теоретической дисциплины, «занимающейся выявлением и описанием объективных закономерностей переводческого процесса, в основе которых лежат особенности структуры и правил функционирования языков, участвующих в этом процессе» [2, с. 36]. Научная новизна исследования заключается в попытке систематизировать существенные различия между РЯ и АЯ в способах вербального оформления субстантивной фразы, которые закономерно вызывают потребность адаптировать переведенный текст к нормам языка перевода согласно определенным переводческим соответствиям посредством надлежащих переводческих трансформаций.

Методологическая основа и базовые понятия исследования

Проблема научного осмысления и моделирования процедуры перевода активно разрабатывается в отечественной лингвистике с середины прошлого века [3]. Под моделью перевода понимается «условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые переводчик может осуществить перевод всего оригинала или некоторой его части» [1, 158]. Наибольшую популярность приобрели ряд теорий, в их числе теория закономерных соответствий (Я.И. Рецкер, А.В. Федоров), ситуативная (денотативная) (И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг), трансформационная (Ю. Найда, В.В. Швейцер), семантическая (Дж. Кэтфорд), герменевтическая (Ф.Н. Крюков) модели перевода. Каждая из предлагаемых концепций внесла значительный вклад в развитие общей теории перевода, их элементы были использованы для разработки комплексных подходов к осмыслению процесса перевода, среди которых большую популярность в отечественной лингвистике приобрели работы В.Н. Комиссарова, послужившие методологической основой данного исследования.

В концепции В.Н. Комиссарова допускается возможность операционного описания процесса перевода, отличного от разработки целостной модели, так как оно может быть направлено на «способы перевода, применимые при передаче значений единиц исходного языка определенного типа» [1, с. 172]. Переводческие (межъязыковые) трансформации, под которыми понимаются «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода» [1, с. 172], могут подразумевать «непосредственное переключение от оригинала к переводу без промежуточных ступеней» [1, с. 172], таких как, например, обращение к денотату (ситуативно-денотативная модель) или ядерным структурам (трансформационная модель).

Высокая частотность употребления определенной переводческой трансформации позволяет судить о переводческом соответствии, под которым подразумевается «единица

переводящего языка, регулярно используемая для перевода единицы языка источника» [\[1, с. 135\]](#). В данном исследовании подобный однозначный тип переводческого соответствия между определенными структурами АЯ и РЯ рассматривается как следствие определенной языковой закономерности и как причина текстовых модификаций. Данные соответствия носят взаимообратный характер и применяются в процессе перевода с РЯ на АЯ и наоборот.

Языковые закономерности обусловливают взаимопреобразование структур РЯ и АЯ не только с целью сохранения эквивалентности перевода, трактуемой как «общность содержания (смысловая близость) текстов оригинала и перевода» [\[1, с. 47\]](#), но также обеспечивают его адекватность, которая совмещает эквивалентность «с другими нормативными требованиями» [\[1, с. 229\]](#).

На этапе вербальной репрезентации переведенного текста, необходимо обеспечить соблюдение норм перевода, понимаемых как «совокупность требований, предъявляемых к качеству перевода» [\[1, с. 228\]](#), в том числе соблюдение жанрово-стилистических характеристик и максимальную приближенность к традициям переводящего языка. В отношении некоторых отрезков текста несоблюдение переводческих норм приводит к буквальному переводу, который «по определению неадекватен» [\[1, с. 234\]](#). В подобных ситуациях возникает необходимость поиска «адекватных соответствий» [\[4, с. 309\]](#) в целях адаптации переведенного текста, что приводит к преобразованию его лексико-грамматической организации. Повторяемость определенного соответствия позволяет сделать вывод о его системном, закономерном характере, что обусловлено и регулируется устойчивыми различиями между РЯ и АЯ, которые можно представить в виде межъязыковых оппозиций.

Синтаксическая эксплицитность субстантивной фразы в РЯ versus синтаксическая имплицитность субстантивной фразы в АЯ

Проблема языковой имплицитности и, в меньшей степени, эксплицитности является одной из актуальных тем современных лингвистических исследований. «Имплицитные смыслы рассматриваются в связи с изучением лексики, словообразования, грамматики» [\[5, с. 1160\]](#), как «когнитивный компонент содержательно-семантической структуры текста» и способ «экономии средств языка» [\[5, с. 1159\]](#). С позиций переводоведения предприняты попытки исследовать имплицитность как «невербализованное информационное содержание», которое требует адекватной передачи при переходе от языка к языку [\[6\]](#).

Следует отметить, что приоритетным объектом лингвистических исследований в области языковой имплицитности является способ ее декодирования (расшифровки), следовательно, имплицитность преимущественно рассматривается как семантическая категория. В данной работе термины «имплицитность» и «эксплицитность» были использованы в качестве «особого типа синтаксического отношения» [\[7\]](#) для описания полноты лексико-синтаксического состава предложения. Под синтаксической имплицитностью подразумевается частичная вербализация передаваемого смысла, под эксплицитностью – полная. Количество лексико-синтаксический анализ субстантивной фразы РЯ и АЯ, имеющих сходное пропозициональное содержание, демонстрирует, что данные языки различаются по способу его верbalного оформления. На уровне текстовой репрезентации это проявляется в том, что значительная часть именных фраз в англоязычном официально-деловом дискурсе состоит из меньшего количества лексем, требуемых для выражения определенного смыслового содержания,

чем их русские эквиваленты. Данное наблюдение согласуется с выводами Л.П. Черкашиной о том, что «в паре языков "английский - русский" степень имплицитности первого значительно выше» [8, с. 170].

Официально-деловой АЯ имеет тенденцию к лаконичному синтаксису субстантивной фразы. Это означает, что некоторые элементы пропозиционального содержания подразумеваются, но не представлены вербально. В РЯ ситуация прямо противоположная, он эксплицитен за счет активного использования абстрактных отглагольных имен существительных. Сравним английское предложение и его буквальный, а затем адекватный перевод на РЯ:

A relevant postgraduate qualification and/or work experience may be required for some customs positions.

Соответствующая квалификация и/или опыт работы может потребоваться для некоторых таможенных должностей (буквальный перевод).

Наличие соответствующей квалификации и/или опыта работы может потребоваться для **поступления** на таможенную службу для **замещения** некоторых должностей (адекватный перевод).

Становится очевидным, что буквальный вариант перевода именной фразы является эквивалентным, но не адекватным, так как нарушается стилевая окраска формального типа текста.

Для того чтобы англоязычная именная группа при переводе на РЯ не потеряла признаков принадлежности к официально-деловому стилю и была адекватно проинтерпретирована носителями РЯ, необходимо восполнить "утраченные смыслы", преимущественно путем добавления имен существительных. В теории перевода данная техника называется добавление или компенсация, суть которой состоит в том, что «элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинал, передаются в тексте перевода какими-либо другими средствами» [1, стр. 247].

Было выделено две наиболее частотные группы имен существительных, которые могут послужить средством компенсации синтаксической имплицитности субстантивной фразы при переводе с АЯ на РЯ.

Первую группу составляют классифицирующие имена существительные (процесс, механизм, вопрос, проблема, деятельность и так далее), называющие класс или категорию, к которой данный объект или явление относится, например,

The Valuation Office Agency (VOA) gives the government the valuations and property advice. → Оценочное бюро занимается **оценочной деятельностью** и консультирует правительство по имущественным вопросам (оценка – это деятельность)

Вторая группа представлена конкретизирующими именами существительными, которые используются для уточнения ситуации вокруг объекта или явления, например,

Customs agencies may watch for weaponry, counterfeit merchandise and stolen goods. → Таможенные власти отслеживают **перемещение** оружия, контрафактных и краденых товаров (оружие и товары перемещаются).

Аналогичная ассиметрия полноты лексико-синтаксического состава субстантивной фразы прослеживается при сравнении русскоязычных и англоязычных названий организаций,

на которые возложены одинаковые функции. Как правило, в РЯ конкретизируется функция, которую выполняет данная организация, тогда как в англоязычном названии эксплицитно представлен только объект деятельности, например,

РФ : Главное управление по **контролю за оборотом** наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации (функция – контроль за оборотом наркотиков) → США : *The Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives (ATF)* (функция эксплицитно не выражена);

РФ : Главное управление пожарной охраны (функция – охрана от пожаров) → США : *The U.S. Fire Administration* (функция эксплицитно не выражена).

Данный вид компенсации синтаксической имплицитности субстантивной фразы АЯ посредством конкретизирующего функцию абстрактного существительного зафиксирован в конвенциально принятых русскоязычных переводах организаций англоговорящих стран, например,

The World Health Organization (WHO) → Всемирная организация здравоохранения (функция – охрана здоровья).

The U.S. Food and Drug Administration (FDA) → Управление по **санитарному надзору за качеством** пищевых продуктов и медикаментов США (функция – санитарный надзор за качеством пищевых продуктов и медикаментов).

Актуализация исследуемой оппозиции также прослеживается при переводе терминологии, одной из сущностных составляющих языка официально-делового стиля. Несмотря на то, что для терминологии характерна лексическая краткость – «фиксация в форме термина минимального количества идентификационных признаков» [9, с. 1480], русскоязычным вариантам свойственен эксплицитный тип вербализации терминологического значения, например,

вертикальная **грузообработка** (классификация) → *lift-on-lift-off (Lo-Lo)*,

разрешение на **осуществление** внешних перевозок (конкретизация) → *foreign carrier permit*,

гармонизация таможенных **правил** (конкретизация) → *Customs harmonization*,

ввозная стоимость **товара** (конкретизация) → *import cost* [10].

Два последних примера репрезентируют особый подтип конкретизирующей компенсации, реализуемой посредством конкретных имен существительных.

В приведенных парах примеров осуществляется переход от русскоязычного термина к англоязычному посредством редуцирования количества лексических элементов, вербализующих терминологическое значение. Таким образом, имеет место процесс обратный компенсации, переводческая техника опущения, под которой понимается «отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых оказываются нерелевантными или легко восстановляются в контексте» [1, с. 204]. Важно отметить, что избыточными подобные слова являются только в контексте англоязычного (не русскоязычного) официально-делового дискурса.

На основе представленных теоретических предпосылок и примеров становится возможным сформулировать первую закономерность, регулирующую выбор адекватных

переводческих трансформация субстантивных фраз в текстах официально-делового стиля. В процессе перевода с АЯ на РЯ требуется вербальная компенсация (экспликация) имплицитных элементов именной фразы, тем самым переведенный русскоязычный вариант демонстрирует расширенный лексико-синтаксический состав. В случае обратного перевода имеет место противоположный процесс сокращения лексико-синтаксического состава текста за счет опущения соответствующих элементов. Схематически действие первой закономерности представлено в Таблице 1.

Межъязыковая оппозиция	Переводческое соответствие	Переводческие трансформации
Синтаксическая эксплицитность субстантивной фразы РЯ	Полный синтаксис. Наличие классифицирующих и конкретизирующих имен существительных	Компенсация
versus		
Синтаксическая имплицитность субстантивной фразы АЯ	Неполный синтаксис. Отсутствие классифицирующих и конкретизирующих имен существительных	Опущение

Таблица 1. Закономерность 1

Приоритет имен существительных в субстантивной фразе РЯ versus приоритет глагольных форм в субстантивной фразе АЯ

Вторая оппозиция репрезентирует различие между РЯ и АЯ в количественном соотношении имен существительных и глагольных форм, задействованных в выражении аналогичного смыслового содержания в пределах расширенной именной группы.

Одной из черт официально-делового дискурса является доминирование имен существительных над глаголами [11]. Однако это утверждение в большей степени относится к русскоязычным текстам официально-делового стиля, которые перегружены абстрактными именами существительными. В АЯ отмечается активное использование глагольных форм [12], что приводит к необходимости осуществлять в процессе перевода грамматическую замену, которая определяется как переводческая трансформация, при которой «грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу с иным грамматическим значением» (словоформа, часть речи, член предложения) [1, с. 180]. Были установлены четыре регулярные грамматические замены русскоязычных имен существительных в составе именной группы при переводе на АЯ.

1. Неличная форма глагола герундий, например,

Обязанностью таможенника является сбор таможенной пошлины в надлежащем размере.
 → A customs officer is responsible for **collecting** (неадекватный буквальный перевод – collection of) the proper amount of customs duty.

Необходимо отметить, что АЯ допускает 2 способа перевода отглагольных имен существительных РЯ, а именно именем существительным и герундием, например,

сбор → *collection / collecting.*

Было установлено, что в АЯ предпочтение отдается герундию в тех случаях, когда русское имя существительное обозначает действие как деятельность, тогда как английские отглагольные имена существительные обычно означают результаты деятельности или называют процедуры, например,

Сбор таможенной пошлины – одна из основных таможенных операций. → *Customs duty collection* is one of the basic customs operations.

2. Неличная форма глагола инфинитив, например,

Обязанностью таможенника является **сбор** таможенной пошлины в надлежащем размере ... → *A customs officer's responsibility is to collect* (неадекватный буквальный перевод – collection of) the proper amount of customs duty;

товары, подлежащие **декларированию** → *goods to declare* (неадекватный буквальный перевод – goods subject to declaration).

3. Неличная форма глагола причастие, например,

декларирование при **помещении** товара под таможенную процедуру → *declaring goods placed under the customs procedure* (неадекватный буквальный перевод – declaring at placement of goods under);

4. Придаточные предложения, например,

После **прибытия** товаров на таможенную территорию, ... → *After the goods arrive at the customs territory*, ... (неадекватный буквальный перевод – After the arrival of goods at the customs territory, ...).

В данном случае грамматическая замена части речи сопровождается переводческой трансформацией членения предложения, «когда одному исходному предложению соответствуют два или более в тексте перевода» [\[1, с. 128\]](#).

Таким образом, вторая закономерность, определяющая адекватные переводческие трансформации субстантивных групп в текстах официально-делового стиля, заключается в необходимости частичной деноминализации русскоязычного варианта при переводе на АЯ посредством грамматической замены отглагольных имен существительных на глагольные формы и обратной номинализации англоязычной фразы при переводе на РЯ. Схема, в соответствии с которой осуществляется развертывание данной закономерности, представлена в Таблице 2.

Межъязыковая оппозиция	Переводческое соответствие	Переводческие трансформации
Приоритет имен существительных в субстантивной фразе РЯ	Использование отглагольных имен существительных	Грамматическая замена глагольной формы на существительное. Объединение предложений
versus		
Приоритет глагольных форм в субстантивной фразе АЯ	Использование глагольных форм: неличных форм глагола, придаточных предложений	Грамматическая замена существительного на глагольную форму. Членение предложения

Таблица 2. Закономерность 2

Постпозиция в РЯ versus препозиция в АЯ атрибутивного существительного в составе именной фразы

Третья закономерность основывается на противопоставлении способов позиционирования элементов именной фразы в РЯ и АЯ. Наиболее распространённой моделью официально-деловой лексики и терминологии является атрибутивно-номинативное словосочетание, имеющее комплексную референциальную семантику, то есть связывающее воедино «как предмет, понятие (номинатив), так и его характеристику (атрибут)» [13, с. 31]. В составе номинативно-атрибутивного словосочетания выделяются вершина, «головной элемент» [13] (англ. head [14]) и атрибутив. В том случае, когда атрибутивное значение выражается именем существительным, РЯ и АЯ существенно различаются по способу его верbalного оформления.

В формальном АЯ наиболее частотной формой выражения развернутого номинативного значения является составное существительное (англ. compound noun), также именуемое «субстантивный компаунд» [15], которое представляет собой сочетание двух или более имен существительных, выражающих единое номинативное значение. Особенностью номинации при помощи составного существительного является «инкорпорированное в него атрибутивное значение» [16, с. 523].

Составное существительное английского языка образуется по модели *Attributive Noun + Head Noun*, например,

customs duty (attributive noun) *calculation* (head noun).

Русскоязычный эквивалент данной фразы соответствует модели *Вершина + Атрибутив*, например,

расчет (вершина) таможенной пошлины (атрибутив).

При переводе данных именных фраз применяется переводческая трансформация синтаксического уподобления, которая допускает «некоторые изменения структурных компонентов», однако сохраняется «одинаковый набор членов предложения и последовательность их расположения» [1, с. 178-179].

В русском адекватном соответствии составному существительному АЯ головной элемент расположен в постпозиции, атрибутив следует за ним и используется в родительном падеже, либо другой падежной форме, управляемой предлогом (чаще всего предлогом *of*), а также, с целью сохранить признаки принадлежности текста к официально-деловому стилю, может потребоваться компенсация имплицитности лексического состава словосочетания, например,

а *customs offence* → *правонарушение в сфере таможенного дела* (неадекватный по стилевой окраске буквальный перевод – таможенное правонарушение);

а 5 percent customs duty → *таможенная пошлина в размере 5 процентов* (неадекватный буквальный перевод – пятипроцентная таможенная пошлина).

Количество существительных, выполняющих атрибутивную функцию, может увеличиваться, при этом в АЯ каждое из вновь добавляемых атрибутивных существительных помещается в препозицию и определяет следующее за ним

существительное, например,

система управления рисками → *risk management system*.

Следует обратить внимание на грамматическую замену морфологической формы лексемы «риски». В составе англоязычного эквивалента конвенциональной формой атрибутивного существительного является единственное число.

Действие данной закономерности также прослеживается в способе оформления посессивной субстантивной группы, в составе которой в роли атрибутива выступает посессор, например,

багаж пассажиров → *passengers' baggage* (неадекватный по грамматическому способу выражения принадлежности буквальный перевод *the baggage of passengers*)

В соответствии с продемонстрированной оппозицией можно сформулировать третью закономерность, которую необходимо учитывать при адекватном переводе текстов официально-делового стиля. В составе русскоязычной субстантивной группы прослеживается тенденция к препозиции вершины словосочетания. АЯ использует прямо противоположную модель позиционирования элементов именной группы. Используемые переводческие трансформации синтаксического уподобления и компенсации или опущения позволяют выражать номинативно-атрибутивное значение тем способом, которым оно будет наиболее адекватно воспринято в соответствующем языковом сообществе. Схема, описывающая действие данной закономерности, представлена в Таблице 3.

Межъязыковая оппозиция	Переводческое соответствие	Переводческие трансформации
Постпозиция атрибутивного существительного в составе именной фразы в РЯ	Вершина + атрибутив	Синтаксическое уподобление. Компенсация. Грамматическая замена
<i>versus</i>		
Препозиция атрибутивного существительного в составе именной фразы в АЯ	Attribute + Head	Синтаксическое уподобление. Опущение. Грамматическая замена

Таблица 3. Закономерность 3

Заключение

В результате практической деятельности по переводу текстов официально-делового стиля русского и английского языков были выявлены три базовые закономерности, определяющие процесс преобразования субстантивных групп в аналогичные по смысловому содержанию структуры переведенного текста. С учетом данных закономерностей были установлены переводческие соответствия, обеспечивающие адекватную вербализацию пропозиционального содержания переведенной именной группы, которые, в свою очередь, требуют использования определенных переводческих трансформаций ее лексико-грамматического состава и синтаксической организации. Выявленные закономерности основаны на контрастирующих характеристиках

субстантивных фраз РЯ и АЯ, сформулированных в виде межъязыковых оппозиций.

По степени полноты лексического состава именной группы РЯ демонстрирует черты синтаксической эксплицитности, АЯ – имплицитности, что влечет за собой необходимость применять переводческие трансформации количественного лексического наполнения субстантивной фразы. При переводе с РЯ на АЯ происходит редуцирование, с АЯ на РЯ – экстенсивизация субстантивной фразы.

По частотности использования абстрактных отглагольных имен существительных и глагольных форм в качестве элементов расширенной именной группы, в РЯ отмечается доминирование первой, в АЯ – второй из указанных категорий. Следствием данного расхождения является необходимость осуществлять лексико-грамматические переводческие трансформации частеречного состава и синтаксической структуры переведенного текста.

По модели оформления номинативно-атрибутивного значения РЯ демонстрирует тенденцию к постпозиции, АЯ – к препозиции атрибутивного компонента комплексного номинативного смысла, выражаемого именной фразой. По причине данного различия в процессе перевода требуется адаптация синтаксической структуры соответствующих элементов переведенного текста.

Вышеуказанные преобразования имеют своей целью соблюдение требования адеkvатности перевода именной группы, что означает ее смысловую эквивалентность оригиналу и соответствие установленным нормам языка перевода. Описанные закономерности гарантируют сохранение стилевых черт официально-делового дискурса, а также обеспечение правильности лексико-грамматической структуры переведенного текста.

Результаты данного исследования могут найти применение в преподавании теоретических и практических курсов по переводоведению, а также имеют прикладное значение, так как предлагают операционное описание процедуры перевода субстантивных фраз, основанное на знании о глубинных расхождениях языковых систем РЯ и АЯ. Соблюдение обнаруженных закономерностей и определяемых ими переводческих соответствий посредством надлежащих переводческих приемов способствует преодолению негативного эффекта языковой интерференции, которая приводит к появлению в текстах синтаксических построений, принципиально невозможных в изучаемом языке на данном этапе его развития [17].

Библиография

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Высшая школа, 1990.
2. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода: Проблемы переводоведения в освещении зарубеж. ученых. Москва: ЧеРо; Юрайт, 2000.
3. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отв. редактор М. Б. Раренко. Москва, 2010.
4. Галеева Т. И., Казиахмедова С. Х., Янова Е. А. Актуальные требования к адеkvатному переводу официально-делового текста // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. Т. 27. № 2. С. 304-314. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/1785>.
5. Байдавлетов А. Ю. Имплицитность как объект лингвистических исследований // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23, № 4. С. 1156-1162. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36838328_48523232.pdf.

6. Кашичкин А. В. Имплицитность в контексте перевода: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.20. Москва, 2003.
7. Аникина О. Е. Синтаксическая имплицитность во французском языке в сопоставлении с русским: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2001.
8. Черкашина Л. П. Соотношение эксплицитности / имплицитности в переводе // Коммуникативные исследования. 2015. №2 (4). С. 169-174. URL: <http://com-studies.omsu.ru/images/magazine/2015/ki22015.pdf>.
9. Хайбулина Г. Н., Фаткуллина Ф. Г. Основные направления изучения терминологической лексики // Вестник Башкирск. ун-та. 2012. №3(I). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18772060_84584481.
10. Русско-английский словарь таможенных терминов. Russian-English dictionary of Customs Terms. URL: https://customsonline.ru/customs_terms.html.
11. Ryadinskaya A. I. Morphological features of official-business style // Вестник КГПИ. 2020. No. 1(57). P. 84-88. URL: <https://repo.kspi.kz/bitstream/handle/item/3571/14.MORPHOLOGICAL%20FEATURES%20OF%20OFFICIAL-BUSINESS%20STYLE.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
12. Лазарев В. А., Чигвинцева А. И. Особенности перевода официально-деловой документации // Приволжский научный вестник. 2016. №5 (57). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26148707>.
13. Polyakov S. B., Bogdanova A. V. Grammar Rules for Determining a Set of Facts When Building Attributive-Nominative Word Combinations // Legal Concept, 2017. Vol. 16. No. 4, pp. 29-34. doi: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.4.4>.
14. Mignot E. The formation of compound nouns in English // Journée d'Étude «Le nom». Villetaneuse, France, 2018. URL: <https://hal.science/hal-03784191/document>.
15. Матченко Г. В. О некоторых механизмах создания английских субстантивных компаундов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 44-48. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2013/01/2013-01-08.pdf>.
16. Юрковская Е. А., Шуреева А. С. Номинативный потенциал составного существительного в английском языке сферы таможенного дела // Молодая наука Сибири. 2022. № 2(16). С. 522-526. URL: <https://ojs.irgups.ru/index.php/mns/article/view/730>.
17. Теренин А. В. Взгляд на языковую интерференцию и степени ее проявления // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13089>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статьи являются базовые закономерности, определяющие лексико-грамматические трансформации при переводе субстантивных (именных) фраз (групп) русского языка и английского языка. На мой взгляд, проблема, выбранная для рассмотрения достаточно актуальна, нова, интересна. Автор отмечает, что «данные закономерности были выявлены в процессе практической деятельности по переводу юридических и таможенных текстов, следовательно, они характерны для официально-делового дискурса. Закономерности были установлены на основе сопоставления русско- и англоязычных субстантивных фраз, демонстрирующих единство пропозиционального содержания при различной лексико-грамматической

оформленности». Следовательно, конструктив работы намечен, он достаточно четко определен автором. Стоит согласиться, что «научная новизна исследования заключается в попытке систематизировать сущностные различия между русским языком и английским языком в способах верbalного оформления субстантивной фразы, которые закономерно вызывают потребность адаптировать переведенный текст к нормам языка перевода согласно определенным переводческим соответствиям посредством надлежащих переводческих трансформаций». Текст исследования содержателен, допустимая научная новизна фактически обозначена, практический характер работы наличен. Стиль соотносится с собственно научным типом: например, «проблема языковой имплицитности и, в меньшей степени, эксплицитности является одной из актуальных тем современных лингвистических исследований. «Имплицитные смыслы рассматриваются в связи с изучением лексики, словообразования, грамматики», как «когнитивный компонент содержательно-семантической структуры текста» и способ «экономии средств языка». С позиций переводоведения предприняты попытки исследовать имплицитность как «невербализованное информационное содержание», которое требует адекватной передачи при переходе от языка к языку, или «для того чтобы англоязычная именная группа при переводе на РЯ не потеряла признаков принадлежности к официально-деловому стилю и была адекватно проинтерпретирована носителями РЯ, необходимо восполнить "утраченные смыслы", преимущественно путем добавления имен существительных. В теории перевода данная техника называется добавление или компенсация, суть которой состоит в том, что «элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинал, передаются в тексте перевода какими-либо другими средствами» и т.д. Иллюстративный фон достаточен, примеры вводятся с учетом ситуативности. Например, «первую группу составляют классифицирующие имена существительные (процесс, механизм, вопрос, проблема, деятельность и так далее), называющие класс или категорию, к которой данный объект или явление относится, например, The Valuation Office Agency (VOA) gives the government the valuations and property advice. → Оценочное бюро занимается оценочной деятельностью и консультирует правительство по имущественным вопросам (оценка – это деятельность). Вторая группа представлена конкретизирующими именами существительными, которые используются для уточнения ситуации вокруг объекта или явления, например, Customs agencies may watch for weaponry, counterfeit merchandise and stolen goods. → Таможенные власти отслеживают перемещение оружия, контрафактных и краденых товаров (оружие и товары перемещаются)», или «данный вид компенсации синтаксической имплицитности субстантивной фразы АЯ посредством конкретизирующего функцию абстрактного существительного зафиксирован в конвенционально принятых русскоязычных переводах организаций англоговорящих стран, например, The World Health Organization (WHO) → Всемирная организация здравоохранения (функция – охрана здоровья). The U.S. Food and Drug Administration (FDA) → Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США (функция – санитарный надзор за качеством пищевых продуктов и медикаментов)» и т.д. Текст не нуждается в серьезной доработке и правке, фактические ошибки не выявлены. Систематизация наработанного обобщается в виде таблиц, графический формат вполне удобен. Выводы по работе конструктивны, они соотносятся с основной частью: «результаты данного исследования могут найти применение в преподавании теоретических и практических курсов по переводоведению, а также имеют прикладное значение, так как предлагают операционное описание процедуры перевода субстантивных фраз, основанное на знании о глубинных расхождениях языковых систем РЯ и АЯ. Соблюдение обнаруженных закономерностей и определяемых ими переводческих соответствий посредством надлежащих переводческих приемов

способствует преодолению негативного эффекта языковой интерференции, которая приводит к появлению в текстах синтаксических построений, принципиально невозможных в изучаемом языке на данном этапе его развития». Считаю, что тема исследования раскрыта, поставленная цель достигнута. Библиографический список можно подкорректировать, внести полновесно данные издания. В целом же материал может быть полезен при освоении дисциплин связанных с переводом (теория / практика). Рекомендую статью «Языковые закономерности, определяющие русско-английские переводческие соответствия субстантивных фраз официально-делового дискурса» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гайнутдинова Д.А. Пейзаж в романе Оноре де Бальзака «Воспоминания двух юных жён»: мотивы ада и рая //

Филология: научные исследования. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71317 EDN: OEGZHT URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71317

Пейзаж в романе Оноре де Бальзака «Воспоминания двух юных жён»: мотивы ада и рая

Гайнутдинова Дарья Александровна

ORCID: 0009-0008-5689-6025

старший преподаватель; кафедра романо-германской филологии; Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Аякс, 10, ауд. D411

[✉ gaynutdinova.da@dvgu.ru](mailto:gaynutdinova.da@dvgu.ru)

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.7.71317

EDN:

OEGZHT

Дата направления статьи в редакцию:

22-07-2024

Аннотация: Предметом исследования в настоящей статье выступают особенности пейзажных описаний в романе Оноре де Бальзака «Воспоминания двух юных жён». Роман написан в 1841 году и входит в «Сцены частной жизни». Писатель посвящает его Жорж Санд. Автор статьи основывает анализ произведения Бальзака на определении пейзажных описаний, данном Л. Н. Дмитриевской. Она определяет пейзаж как художественный образ природы, «портрет» души и мировоззрения человека и образ мира. Пейзажи в романе многогранны и включают мотив любви, связанный с развитием одной из главных тем «Сцен частной жизни» – темы счастья женщины. Он проявляется в двух вариациях: amour spiritualis (духовная любовь) и amour infernalis (любовь к себе, любовь- страсть). В ходе работы мы используем историко-литературный метод, культурно-исторический метод и метод мотивного анализа. Актуальность и новизна исследования связаны со значением творчества Оноре де Бальзака в истории мировой литературы, постоянным интересом зарубежных и отечественных ученых к проблемам стиля писателя и вниманием современного литературоведения к поэтике описаний как важного

элемента художественного мира и малой изученностью особенностей повествовательной техники Бальзака. Пейзажные описания в романе Оноре де Бальзака «Воспоминания двух юных жён» рассматриваются как важный композиционный элемент в структуре повествования, они служат экспозицией к каждому новому этапу жизни героинь. Описания природы становятся «портретами души», отражают различие натуры девушек. И вместе с тем пейзаж выступает одним из основных компонентов системы образов, формирующим символическое пространство земного рая или ада.

Ключевые слова:

пейзаж, Человеческая комедия, Бальзак, Сведенборг, любовь, счастье женщины, amor infernalis, amor spiritualis, ад, рай

Оноре де Бальзак – автор одной книги, романа о Франции XIX века. Ее название, «Человеческая комедия» – прямая аллюзия на «Божественную комедию» Данте. В книге Бальзака речь тоже идет о совершенствовании души и постижении истинного закона мироздания – мистической любви, о необходимом для постижения истины познании добра и зла.

На формирование этических и эстетических представлений Бальзака значительное влияние оказали идеи философа-мистика Эммануила Сведенборга. Писатель упоминает о нем в предисловиях к «Человеческой комедии» и «Мистической книге» [1]. В сочинении «О небесах, о мире духов и ангелов» Сведенборг утверждает, что материя не существует самостоятельно, но полностью зависит от духовных начал. В его представлениях различаются три мистических области мироздания. Это небеса, населенные людьми-ангелами, ад, где находятся эгоистичные люди-демоны, а между ними мир духов (умерших, не совершивших выбора между добром и злом). Сущность жизни по Сведенборгу – любовь. Человек обладает свободой воли и способен выбирать между «любовью к себе» (или адской любовью – amor infernalis), в ней основа всех смертных грехов, зла, и «духовной любовью» – «любовью к другому» (amor spiritualis) – в ней основа добра. Выбор того или иного основания формирует в земной жизни пространство либо ада, либо рая [2].

Мотивы [3] рая и ада возникают в пейзажах [4] эпистолярного романа «Воспоминания двух юных жён» (1842), вошедшего в «Сцены частной жизни». Исследователи полагают, что все монастырские воспоминания героинь, Луизы и Рене, основаны на рассказах Жорж Санд об Августинском католическом монастыре, в котором она воспитывалась. Некоторые даже считают писательницу прототипом Луизы. Однако невозможно однозначно утверждать, что Луиза – Жорж Санд, так как даже внешне, по замечанию Веры Аркадьевны Мильчиной, к писательнице ближе Рене [5].

Сюжет романа строится на описании жизни двух молодых женщин – Луизы де Шолье и Рене де Мокомб. Они стали близкими подругами во время послушничества в кармелитском монастыре в Блуа. Но когда они покидают стены святой обители, их жизнь идет двумя совершенно разными путями. Несмотря на расстояние и абсолютно непохожий уклад жизни их дружба сохраняется благодаря переписке, которая продолжается с 1823 по 1835 год. Пейзаж сопровождает ключевые сцены романа. Повествование от лица двух рассказчиков – Луизы и Рене – придает особый психологизм пейзажным деталям, наброскам и описаниям.

Первая пейзажная зарисовка (городской пейзаж) возникает в письме Луизы к Рене от 15 декабря, где она описывает свой первый выход в свет по возвращении в Париж из монастыря в Блуа: «*Был один из тех осенних дней, какими мы так восхищались на берегах Луары. Наконец-то я увидела Париж! Площадь Людовика XV в самом деле красива, но этой красоте не хватает естественности*» [\[6, с. 47\]](#).

Пейзажный набросок передает восторженное состояние Луизы, предвкушающей свое появление в высшем обществе и ожидающей всеобщего восторга от ее красоты. Вместе с тем, она достаточно умна и наблюдательна, чтобы заметить искусственную красоту Парижа в сравнении с Блуа.

И в письме Рене возникает пейзажный набросок, она описывает жизнь в провинции, знакомство с будущим мужем, поместье его отца. Пейзажный набросок служит введением к истории замужества Рене и намечает особенности ее характера. Детальное изображение усадьбы свидетельствует о наблюдательности и чуткости Рене, вместе с тем, в нем намечается символический подтекст. Долина, где расположена усадьба будущего мужа Рене, прекрасна, сад похож на все сады Прованса, старый замок Мокомб – гордость прекрасной долины, но стариk барон живет не в замке, а в бастиде – простом деревенском доме, стены дома, сложены из каменных глыб и скрепленные желтоватым цементом. Под тяжестью каменной черепицы прогибается кровля. Окна расположены без всякой симметрии. Сад обнесен невысокой стеной, сложенной из крупных круглых камней; стена обмазана глиной, которая местами осыпалась. В дом ведет каменное крыльцо, над дверью красуется навес, который не вызвал бы зависти даже у крестьянина с Луары, владельца прелестного белого домика под голубой кровлей, сверкающей на солнце. В саду ужасно пыльно, листья на деревьях пожухли [\[6, с. 52-53\]](#).

Пейзаж, представший перед глазами Рене, отражает душевное состояние старого барона де л'Эсторада. Он долгое время жил с гнетущим чувством потери сына, который считался погибшим в России во время войны 1812 года. Здесь в образной форме воплощена идея Сведенборга о зависимости материальной формы, физического пространства от душевного состояния человека. А душа барона де л'Эсторада – это ад отца, потерявшего сына.

Далее Рене описывает своего будущего супруга и упоминает об условии, при котором она выйдет за него замуж. Этим условием станет преобразование сухой пустыни в оазис. Она ставит себе задачу создать земной рай: «*Я милостиво согласилась стать госпожой де л'Эсторад <...>, но с непременным условием, что я смогу преобразовать по своему вкусу бастиду и разбить вокруг нее парк. Я по всей форме потребовала, чтобы отец мой отвел сюда из Мокомба немного воды.*» [\[6, с. 53-54\]](#).

Она ясно представляла свою будущую жизнь в провинции, приняла ее заурядность и однообразие, но это не мешало ей видеть ее и в идиллическом свете, среди прекрасной и гармоничной природы, где она будет воспитывать детей, жить их радостями: «*Однообразие моих дней будут скрашивать тихие радости сельской жизни. Я посаджу вокруг своего дома прекрасные деревья и превращу наше поместье в оазис, который сольется с долиной Жеменос. Лужайки в моем парке круглый год будут зеленые, как везде в Провансе; парк раскинется до самого холма, на вершине которого я прикажу построить какую-нибудь красивую беседку, откуда, быть может, смогу разглядеть сверкание Средиземного моря. Апельсиновые, лимонные деревья – прекраснейшие жемчужины растительного мира – украсят этот уголок, где я буду полновластной хозяйкой. Нас будет окружать вечная поэзия – поэзия природы. <...> Жизнь*

расстилается передо мной, как широкая дорога, ровная и гладкая, осененная вековыми деревьями. В одном столетии не бывает двух Буонапарте; поэтому если у меня будут дети, я смогу воспитать их, вывести в люди и жить их заботами и радостями» [\[6, с. 54-55\]](#).

Пейзажные детали,озвучные настроению Луизы в первые дни брака, возникают в ее письме к Рене. Она описывает впечатления от путешествия в купленное мужем имение и упоминает о том, как любовалась Луарой, о ярком свете луны и парке, откуда лились дивные ароматы, но с таким же восхищением говорит она об уютной готической спальне, «украшенной всеми изобретениями современной роскоши» [\[6, с. 149-150\]](#).

Ответное письмо Рене к Луизе начинается пейзажным описанием, которое показывает, что происходит постепенное превращение, печального поместья в прекрасный сад: «Далеко-далеко, словно стальное лезвие, блестит Средиземное море. Скамью эту осеняют благоухающие деревья – я велела пересадить сюда огромный куст жасмина, жимолость и испанский дрок. В один прекрасный день скалу целиком укроет ковер из растений. Виноград уже посажен» [\[6, с. 155\]](#).

Окончательное преображение происходит только с рождением первенца. Именно это событие дало Рене почувствовать *amorspiritualis* – духовную любовь, и материальное пространство ее жизни становится все более совершенным: Это поместье, которое, впрочем, скоро станет майоратом, землями нашего Армана, – пишет она, – превратилось для меня в землю обетованную. Пустыня осталась позади [\[6, с. 171\]](#).

Луиза, ставшая вдовой, иначе видит окружающее ее пространство: земля в прекрасном цветущем парке кажется ей «сырой могилой»: Я сижу у окна и смотрю вдаль: отсюда открывается чудесный вид, Фелипе так часто любовался им, <...>. Ах, дорогая, перемена мест мучительна для того, чье сердце мертвое. Я содрогаюсь, глядя на сырую землю в саду, она похожа на большую могилу [\[6, с. 207\]](#).

Детали пейзажа отвечают состоянию ее души: Я полюбила тень, тишину и ночь; <...> Единственная моя отрада – тихий парк, где передо мной встают картины былого счастья, невидимые для других, но красноречивые и живые для меня [\[6, с. 208-209\]](#).

Новая любовь возвращает Луизу к жизни и она, подобно Рене, создает вокруг себя гармоничное окружение: Два года назад я купила над прудами Виль-д'Авре, по дороге в Версаль, двадцать арпанов земли: луга, лесную опушку и прекрасный сад. Среди лугов я приказала вырыть пруд площадью около трех арпанов, оставив в центре живописный островок. Маленькая долина зажата между двумя лесистыми холмами, откуда сбегают дивные ручейки, воды которых мой архитектор умело распределил по всему парку. <...>. Маленький, прекрасно распланированный парк окружен изгородями <...>. Со стороны Ронского леса на косогоре есть лужайка, спускающаяся к пруду, – там я приказала построить шале, как две капли воды похожее на то, которым путешественники любуются по дороге из Сюона в Бриг <...> Убранством оно не уступает самым знаменитым шале. <...>. Все постройки утопают в зелени, так что виден лишь изысканно простой фасад шале. Еще один домик – в нем живут садовники – скрывает вход в сад.

Въезд в усадьбу со стороны леса, ворота почти невозможны отыскать. Высокие деревья через два-три года полностью скроют от взоров все постройки. Только дымок из труб, заметный с вершины холма, укажет путнику на то, что здесь кто-то живет, да зимой, когда деревья стоят голые, стены будут проглядывать между стволами. <...> .

Мой парк разбит по образцу так называемого Королевского сада в Версале, но окна

шале смотрят на пруд и на островок. <...> Я приказала садовникам разводить цветы во множестве и только душистые, чтобы превратить этот клочок земли в благоухающий зеленью изумруд. Шале увито диким виноградом, бегущим по крыше, и со всех сторон оплетено хмелем, ломоносом, жасмином, азалиями, кобеями. <...>. В пруду плавает целая флотилия белых лебедей.

О Рене! в этой долине стоит мертвая тишина. Здесь просыпаешься от пения птиц или шепота ветерка в ветвях тополей. Строя каменную ограду со стороны леса, рабочие нашли родник, и теперь меж двух берегов из кress-салата по серебристому песку струится ручеек, впадающий в пруд: такую красоту не купишь ни за какие деньги [\[6, с. 217-219\]](#).

Пейзажные детали и далее возникают в письмах Луизы. Она говорит о счастливой уединенной жизни в счастливом браке, прогулках вечерами, когда листва еще не просохла после короткого дождя, а ярко-зеленая трава блестит от росы [\[6, с. 233\]](#), о восхищении «алыми красками заката, разлитыми по вершинам холмов, и бликами, рассыпанными по серой коре деревьев» [\[6, с. 233\]](#), об абсолютном единстве чувств и мыслей: «Мы с Гастоном так близки по духу, – уверждает она, – что умы наши представляются мне двумя изданиями одного и того же сочинения. <...> Мы оба наделены привычкой или даром рассматривать всякую вещь самым пристальным образом, и, постоянно находя все новые и новые доказательства чистоты нашего внутреннего чувства, мы доставляем себе все новые и новые радости. В конце концов мы сочли согласие наших умов свидетельством любви, и если бы когда-нибудь наше единомыслие нарушилось, это было бы для нас равносильно измене [\[6, с. 235\]](#).

Но абсолютное отождествление Луизой своей личности с личностью мужа приводит к драматическим последствиям: она ошибается, подозревая мужа в измене, и сознательно разрушает свое здоровье, но умирая, узнает, что ее подозрения были ошибкой.

Основная тема романа и одна из главных тем «Сцен частной жизни» – тема счастья женщины. В развитии этой темы в «Воспоминаниях двух юных жен» участвует мотив любви. Он развивается в двух вариациях. Первая из них – духовная любовь (или amour spiritualis, как называл ее Сведенборг) – это материнская любовь Рене к детям, мужу, Луизе. Рене жертвует собой во имя других. Она выбирает «любовь к другому» по своей собственной воле и пространство, окружающее носит черты земного рая. Ей фактически удается воскресить к жизни своего мужа. Любовь Рене помогает ему превратиться из лишенного жизненных сил, мрачного, угрюмого, познавшего тяготы войны человека в счастливого семьянина и видного политического деятеля.

Вторая вариация мотива любви – любовь к себе, любовь- страсть (amour infernalis) свойственна Луизе. «Пример твоей жизни, основанной на жестоком, хотя и прикрытом поэзией сердца эгоизме, подтверждает мое мнение <...> в любви ты думаешь только о себе и любишь Гастона не столько ради него, сколько ради себя самой», – пишет ей Рене [\[6, с. 240-242\]](#).

Любовь Луизы разрушительна, эгоистична. Она, как ей кажется, любит своих мужей, но больше она любит себя рядом с ними. Ее любовь становится причиной гибели первого мужа и ее собственной смерти. Она создает ад в душе Фелипе, позволяя любить себя и заставляя ревновать, а во втором браке в своей собственной душе, ревнуя Мари Гастона и подозревая его в измене.

Мотив любви духовной определяет пространство Рене – ее окружает цветущая природа:

«ковры растений», виноградники, отблески заката на вершинах деревьев, тепло солнца. Это открытое пространство: вдали блестит на солнце Средиземное море, Рене сама устраивает поместье и распоряжается посадить деревья так, чтобы парк соединился с долиной [\[6, с. 54-55\]](#).

Поместье Луизы – богатое, роскошное, с огромным парком, холмами, ручьями и рекой носит черты замкнутости: «*маленькая долина зажата между двумя лесистыми холмами*», «*въезд в усадьбу со стороны леса, ворота почти невозможно отыскать*». Это пространство не только замкнуто, но в нем есть черты искусственности и подражания: «я *приказала построить шале, как две капли воды похожее на то, которым путешественники любуются по дороге из Сьюона в Бриг*», «*убранством оно не уступает самым знаменитым шале*», «*парк разбит по образцу так называемого Королевского сада в Версале*» [\[6, с. 217-219\]](#). И завершается пейзаж упоминанием о «мертвой тишине», царящей вокруг (*il règne dans ce vallon un silence à réjouir les morts* [\[7, с. 372\]](#))

Пейзажные описания в романе Бальзака – важный композиционный элемент в структуре повествования, они служат экспозицией к каждому новому этапу жизни Рене и Луизы. Описания природы становятся «портретами души», отражают различие натуры героинь: amorspiritualis (духовную любовь к другому) – основу характера Рене и amorinfernalis – основу характера Луизы. И вместе с тем пейзаж становится одним из основных компонентов системы образов, формирующий символическое пространство земного рая (поместье Рене) или ада (поместья Луизы).

Библиография

1. Решетняк Н. В. «Мистическая книга» Бальзака: от истоков – к художественному воплощению теософских идей : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Н. В. Решетняк. Санкт-Петербург, 2007. 218 с.
2. Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде / пер. А.Н. Аксаков. Спб.: Пальмира 2018. 404 с.
3. Тамарченко Н. Д. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч.ред. Н. Д. Тамарченко. М: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
4. Гусев В. И. Пейзаж // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 9: Аббасзадэ – Яхутль. 1978. Стб. 602.
5. Мильчина В. Комментарии // О. де Бальзак. Воспоминания двух юных жён. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 268.
6. Бальзак О. де. Воспоминания двух юных жен : избранные произведения : пер. с фр. О. Э. Гринберг. М.: Пресса, 1992. 543 с.
7. Balzac, H. de. Mémoires de deux jeunes mariées // Œuvres complètes de H. de Balzac. T. 2. Paris: A. Houssiaux. 1855. Р. 1-194.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Пейзаж в литературном тексте является одним из приемов объективации пространства. Настоящих писателей-пейзажистов не так много, но практически у всех системно реализовать / воплотить указанный формат все же получается. Предметная область рецензируемой статьи касается анализа пейзажа в романе Оноре де Бальзака «Воспоминания двух юных жен» (точечно автор останавливается на мотивах ада и рая).

В начале статьи для справки автор отмечает, что «Оноре де Бальзак – автор одной книги, романа о Франции XIX века. Ее название, «Человеческая комедия» – прямая аллюзия на «Божественную комедию» Данте. В книге Бальзака речь тоже идет о совершенствовании души и постижении истинного закона мироздания – мистической любви, о необходимом для постижения истины познании добра и зла», «мотивы рая и ада возникают в пейзажах эпистолярного романа «Воспоминания двух юных жён» (1842), вошедшего в «Сцены частной жизни». Исследователи полагают, что все монастырские воспоминания героинь, Луизы и Рене, основаны на рассказах Жорж Санд об Августинском католическом монастыре, в котором она воспитывалась». Выбранный исследовательский вариант, на мой взгляд, достаточно продуктивен, интересен, нетривиален. Удачны по ходу работы выходы к основным уровням романа – сюжет, образный ряд, язык. Например, «сюжет романа строится на описании жизни двух молодых женщин – Луизы де Шолье и Рене де Мокомб. Они стали близкими подругами во время послушничества в кармелитском монастыре в Блуа. Но когда они покидают стены святой обители, их жизнь идет двумя совершенно разными путями. Несмотря на расстояние и абсолютно непохожий уклад жизни их дружба сохраняется благодаря переписке, которая продолжается с 1823 по 1835 год. Пейзаж сопровождает ключевые сцены романа. Повествование от лица двух рассказчиков – Луизы и Рене – придает особый психологизм пейзажным деталям, наброскам и описаниям». Далее по тексту рассматриваются основные / базовые элементы пейзажа, которые, по мнению исследователя, играют важную роль. Например, «пейзаж, представший перед глазами Рене, отражает душевное состояние старого барона де л'Эсторада», или «Пейзажные детали,озвученные настроению Луизы в первые дни брака, возникают в ее письме к Рене. Она описывает впечатления от путешествия в купленное мужем имение и упоминает о том, как любовалась Луарой, о ярком свете луны и парке...», или «Пейзажные детали и далее возникают в письмах Луизы. Она говорит о счастливой уединенной жизни в счастливом браке, прогулках вечерами, когда листва еще не просохла после короткого дождя, а ярко-зеленая трава блестит от росы [6, с. 233], о восхищении «алыми красками заката, разлитыми по вершинам холмов, и бликами, рассыпанными по серой коре деревьев» [6, с. 233], об абсолютном единстве чувств и мыслей...» и т.д. Считаю, что автор стремится к полновесности оценки функционала пейзажа, да и цитации из текста даются в объемно верном режиме. Контраст описаний – ад и рай – не исключается из работы, режиме сопоставлений / сравнения открыт: «любовь Луизы разрушительна, эгоистична. Она, как ей кажется, любит своих мужей, но больше она любит себя рядом с ними. Ее любовь становится причиной гибели первого мужа и ее собственной смерти. Она создает ад в душе Фелипе, позволяя любить себя и заставляя ревновать, а во втором браке в своей собственной душе, ревнуя Мари Гастона и подозревая его в измене» и т.д. Стандарт оформления учтен, как таковая исследовательская задача решена; в finale автор приходит к выводу, что «пейзажные описания в романе Бальзака – важный композиционный элемент в структуре повествования, они служат экспозицией к каждому новому этапу жизни Рене и Луизы. Описания природы становятся «портретами души», отражают различие натуры героинь: amorspiritualis (духовную любовь к другому) – основу характера Рене и amorinfernalis – основу характера Луизы. И вместе с тем пейзаж становится одним из основных компонентов системы образов, формирующий символическое пространство земного рая (поместье Рене) или ада (поместья Луизы)». Таким образом, можно констатировать, что работа имеет научообразный вид, она методологически верна, практическая составляющая в тексте манифестирована. Считаю, что статью «Пейзаж в романе Оноре де Бальзака «Воспоминания двух юных жён»: мотивы ада и рая» можно рекомендовать к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гладилин Н.В. «Англичанин» Я. М. Р. Ленца как художественное отображение кризисного этапа в жизни и творчестве «штурмера» // Филология: научные исследования. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71265
EDN: OEYMUB URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=71265

«Англичанин» Я. М. Р. Ленца как художественное отображение кризисного этапа в жизни и творчестве «штурмера»

Гладилин Никита Валерьевич

ORCID: 0009-0006-7676-3663

доктор филологических наук

доцент; кафедра иностранных языков; Литературный институт имени А.М. Горького

123104, Россия, г. Москва, бул. Тверской, 25

[✉ nikitagl@inbox.ru](mailto:nikitagl@inbox.ru)

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.7.71265

EDN:

OEYMUB

Дата направления статьи в редакцию:

15-07-2024

Аннотация: Предметом статьи является малоизученная в отечественном литературоведении драматическая фантазия «Англичанин» представителя «Бури и натиска» (штурмера) Я. М. Р. Ленца. Ставится задача выяснить, насколько в небольшой по объему пьесе отразился комплекс личных проблем писателя к концу страсбургского периода его жизни. Известно, что в ту пору Ленц осознал невозможность жить литературным трудом и боялся вернуться на родину, к авторитарному отцу, уготовившему ему совсем иной жизненный путь. Поэтому исследуется сходство положения «англичанина», Роберта Хата, с жизненной ситуацией его создателя. Особое внимание уделяется вопросу о типичности драматической фантазии и ее героя для литературы «Бури и натиска»; выявляются характерные для нее идеально-тематические константы. Поставленные цели требуют обращения к биографии Ленца и истории литературной эпохи, что обуславливает применение биографического и историко-культурного методов. Установлено, что и автор, и герой поднимают мятеж как против земных отцов, так и

против Отца Небесного. И Ленц, и Хот терпят любовные неудачи вследствие сословных барьеров и чрезмерной идеализации любимых. Оба страдают меланхолией и влечением к самоубийству. Подобно другим штурмерам, Ленц исповедует культ страстной любви, не скованной общественными установлениями; бунт против мудрости «отцов»; сочетание прометеевых амбиций сильной личности с вынужденной «протеической» мимикрией под социальные условия. Эманципации автономной личности штурмера положены границы, обусловленные как социально, так и психологически. Научная новизна исследования состоит в квалификации «Англичанина» как документа, отражающего одновременно личностный кризис Ленца и кризисный этап всего движения «Буря и натиск».

Ключевые слова:

якоб ленц, англичанин, буря и натиск, автобиографичность, бунт против отцов, культ страстной любви, меланхolia, самоубийство, границы эманципации, кризисный этап

Творчество выдающегося немецкого писателя Яакоба Михаэля Рейнгольда Ленца (1751–1792), одного из корифеев движения «Буря и натиск», недостаточно изучено советским и российским литературоведением. Практически за рамками рассмотрения до сих пор остаются прозаические и поэтические тексты Ленца, а обращение к его драматургии ограничивается тремя крупными пьесами — «Гувернер», «Солдаты» и «Новый Меноза», а также переводами-переделками комедий Плавта. Между тем, Ленцем создано большое количество менее объемных пьес и драматических фрагментов, без анализа которых не вполне ясна логика его индивидуального развития как писателя и мыслителя, а также не до конца понятен его вклад в эстетическую и мировоззренческую концепцию «Бури и натиска».

Настоящее исследование посвящено хронологически одной из последних драм Ленца — «Англичанин» (*«Der Engländer»*, 1775/76, изд. 1777), в которой автор отразил и подытожил многие идейно-тематические константы своего творчества. В особенности нас будет интересовать отчетливо проявленная в этом произведении специфика «Бури и натиска», а также отражение личных невзгод Ленца в контексте общей проблематики, характерной для «бурных гениев» — штурмеров.

Примем во внимание, что реноме «Англичанина» в литературоведческой традиции весьма незавидное. Так, автор наиболее полного, хоть и написанного более 120 лет назад отечественного исследования о жизни и творчестве Ленца, М. Н. Розанов, квалифицировал «Англичанина» как слабое произведение нездорового, надломленного духа: «Оно слишком запечатлено патологическим характером, чтобы изъявлять претензии на какое-либо художественное значение. Здесь уже чувствуются отдаленные глухие удары, предвещающие наступление той неумолимой грозы, которая похитила сознание у Ленца» [\[1, с. 382\]](#). Однако, на наш взгляд, последняя из пьес, написанных в наиболее плодотворный для писателя страсбургский период жизни, есть закономерное звено как в его индивидуальной творческой биографии, так и в эволюции всего движения «Буря и натиск».

Ко времени работы над «Англичанином» положение Ленца, проживавшего тогда в Страсбурге, стало чрезвычайно тяжелым. Его закадычный друг, единомышленник и покровитель Гете окончательно собрался служить при дворе веймарского герцога и уже начал решительный отход от движения «Буря и натиск», которое, в сущности, возглавлял. Череда неудач преследовала Ленца в личной жизни. Невыносимым стало и

его материальное положение, поддерживаемое лишь редкими частными уроками; к тому же, он осознал, что практически никаких доходов не приносит единственно чаемый им литературный труд. В письмах конца 1775 и начала 1776 гг. Ленц беспрестанно сетует на свою горькую судьбу: главному теоретику «Бури и натиска» Гердеру он пишет: «Поэт — самое несчастное существо под солнцем» [2, Bd. 3, S. 352], другу Гете И. Г. Мерку — «я беден, как церковная мышь» [2, Bd. 3, S. 406], а в промежутке между этими двумя жалобами исторгает настоящий крик души в письме к издателю Г. Х. Бойе: «Простите мне мою горячность, я сейчас погряз в самой настоящей нужде. Мои долги по моим меркам значительны, и если я не найду скорый выход из положения, то боюсь, что в месте, где моя репутация до сих пор приносила мне все средства к существованию, навсегда и безвозвратно подвергнусь проституированию» [2, Bd. 3, S. 358]. В ту пору Ленц жаждал кардинально изменить свою жизнь, планировал длительные путешествия в Италию и в Англию, рассчитывая на чужую финансовую помощь, но в последний момент благодетели отказывали ему. В результате весной 1776 г. он отправился в гораздо более близкий Веймар к «другу Гете», где его ждало самое большое разочарование за всю прожитую жизнь, а Италия и Англия стали декорациями небольшой, но очень важной для него пьесы.

Весьма любопытно жанровое обозначение, данное «Англичанину» его автором — это не «драма», не «трагедия», не «комедия». Ленц был мастером синтетического жанра трагикомедии; в трех его полноформатных пьесах острые социальные и межличностные конфликты соседствуют с юмором, сатирой и выпуклой типизацией. Но «Англичанин» и вовсе носит подзаголовок «драматическая фантазия» (*«eine dramatische Phantasterei»*), тем самым претендую на жанровую своеобычность, нетрадиционность. Термин «фантазия» заимствован из словаря музыкантов и означает «жанр инструментальной (изредка вокальной) музыки, индивидуальные черты которого выражаются в отклонении от обычных для своего времени норм построения, реже — в необычном образном наполнении традиц[ионной] композиц[ионной] схемы» [3, с. 767]. Среди современников Ленца как автор музыкальных фантазий особенно выделялся К. Ф. Э. Бах, стремившийся к свободе композиторского высказывания, не скованного рамками привычных канонов. Свободную, «шекспировскую» структуру имеют и сценические произведения штурмеров. Эталонной для них является гетевский «Гец фон Берлихинген», где, вопреки заветам классицистов, наряду с главной сюжетной линией наблюдаются побочные, действие охватывает длительный временной период и разыгрывается более чем в 50 различных местах. Так и автор «Англичанина», как и в прежних своих драмах, не желает подчиняться классическим аристотелевым правилам. Правда, при отсутствии единства места и времени, на сей раз соблюдено единство действия: оно вращается исключительно вокруг центрального персонажа и его страсти. Но при этом «Англичанин» невелик по объему, а деление на акты носит пародийный характер (почти каждый из них состоит из одной только сцены, иронически названной «первой», за исключением второго, объемлющего две сцены), причем доля заключительного акта в общем построении пьесы превышает 40%. Очевидно, что Ленц намеренно не стремился к соблюдению структурных пропорций, следя за свободным потоком своей фантазии и стремясь в свободной форме выразить все, что у него наболело.

Неспроста зарубежные исследователи отмечают в «Англичанине» ярко выраженное автобиографическое начало. Как известно, Ленц в свое время ослушался своего авторитарного отца, не пожелав идти по его стопам и служить пастором в родной Лифляндии; вместо этого он уехал на другой край Европы, в Страсбург, и выбрал тернистую стезю вольного литератора. Однако, в течение всего страсбургского периода

жизни перед писателем маячила перспектива профессионального фиаско и вынужденного возвращения в постылый отчий дом. Страх повторить судьбу библейского Блудного Сына был постоянным спутником Ленца. Вот и протагонист «Англичанина», Роберт Хот, к началу действия надолго застрял в чужих краях и трепещет при мысли о том, что отец может насилино водворить его домой. Эта мысль ужасает его потому, что он без памяти влюбился в туринскую принцессу Армиду и жаждет как можно чаще ее видеть — с этой целью он втайне от отца даже поступил на службу в местную армию. Между тем отец уготовал ему совсем иную судьбу: лорд Хот мечтает видеть сына членом английского парламента и выгодно женить его на дочке своего приятеля, лорда Хэмилтона. В результате, в «драматической фантазии» действует не один, а целых два «отца» главного героя: оба в равной степени принимают живейшее участие в судьбе молодого человека; оба пытаются заставить его поступать в согласии с их жизненными установками, а не с его собственными. Это подвигает Роберта Хота прямым текстом воскликнуть «Долой отцов!» [\[2, Bd. I, S. 330\]](#). Но, помимо того, «сыновний» бунт включает в себя мятеж против наиболее универсальной патерналистской фигуры — Отца Небесного. Былое ослушание автора «Англичанина» в отношении непосредственного родителя и страх перед неизбежной карой за это переплетался в его душе с ощущением греха перед Всевышним и неизбежного со стороны Того наказания. Измена богословию порой ощущалась Ленцем как измена Богу. Тем остree он сознавал необходимость апелляции к иной божественной инстанции: место грозного, карающего и казнящего Судии, которому поклонялся суровый лифляндский пастор, в помыслах его непутевого сына все больше занимал Бог кроткий, милосердный, всепрощающий. Герой «Англичанина» вместо недоступного трансцендентного Бога-отца поклоняется столь же недоступной, но имманентной богине. «Ужаснейшее из существ, в чьем существовании я так долго сомневался, которое я отрицал себе в утешение, — я чувствую Тебя! Ты, который поместил мою душу сюда, который вновь забирает ее под свою жестокую власть! Только не запрещай мне сметь думать о ней. Долгая, ужасная вечность без нее...» [\[2, Bd. 1, S. 335\]](#). А являющийся в самом finale Исповедник, старающийся с помощью расхожих трюизмов, обычных для христианским проповедей, примирить агонизирующего Роберта с Богом отцов, слышит в ответ: «Армида! Армида. — Оставьте ваши Небеса себе» [\[2, Bd. 1, S. 337\]](#). Этот возглас, завершающий пьесу, казалось бы, противоречит высказыванию Роберта в первом акте: «Ax! Мне надо вверх, — ведь каждый человек ищет Небес, поскольку не может быть довольным на Земле» [\[2, Bd. 1, S. 319\]](#). Но «вверх» в устах юного влюбленного на самом деле означало: к окну на верхнем этаже дворца, в котором он алкал увидеть принцессу; при этом упование на взаимность с ее стороны уже задолго до финала осознается им как абсолютно тщетное.

Любовь Роберта к Армиде — безответна и безнадежна: между ними непреодолимая социальная пропасть. И это тоже вполне автобиографический мотив: нищему Ленцу не раз было суждено по уши влюбляться в женщин заведомо не его круга, столбовых богатых дворянок. Так, непосредственно перед написанием «Англичанина» Ленц испытал глубокое и острое чувство к Генриэтте фон Вальднер, с которой едва был знаком (как и Роберт Хот с туринской принцессой) и которую заочно наделял всеми мыслимыми достоинствами и добродетелями (как и Роберт Хот принцессу). Вспомним, что на запретной любовной связи между представителем и представительницей разных сословий строился основной конфликт еще в дебютной и самой известной пьесе Ленца страсбургского периода — «Гувернер», впоследствии она же четко прослеживается в его же «Солдатах», а в драмолете «Тантал» речь идет и вовсе о безнадежной любви смертного к богине. И хотя не всегда Ленц обряжал своих героев в

бюргерские/дворянские одежды, чувство социальной ущемленности и жажда эманципации, столь характерные для «Бури и натиска», лежали в основе любых неравноправных отношений в произведениях писателя. «Таким образом, Ленц разрабатывает типично бюргерский конфликт отца с сыном в обличье английского и пьемонтского высшего дворянства. Сын отказывается вступить в воздвигнутое отцами общество успеха. А вроде бы целиком помещенный во внутренний мир героя любовный конфликт также парадоксальным образом мотивируется пропастью между сословиями, которая, по опыту бюргеров, непреодолима» [4, S. 48]. Но никогда еще у Ленца страсть «нижестоящего» героя не была столь всепоглощающей и лишенной комических обертонов, как в «Англичанине». Роберт Хот — снедаемый любовной страстью мономан, для которого ничто в мире, кроме обладания возлюбленной, не представляет ценности. С первой же сцены намечаются контуры трагической связки действия «Англичанина» — самоубийства протагониста. Роберт Хот уже понимает, что обречен, и всячески заклинает смерть. Уже в первом акте он доносит на самого себя как на якобы дезертира, хорошо зная, что это влечет за собой смертную казнь. «Зачастую, принцесса, жизнь — это смерть, а смерть — лучшая жизнь» [2, Bd. I, S. 322], — говорит он Армиде, сулящей ему помилование. Интересно, что во времена Ленца болезненная склонность к (подчас беспричинному) суициду нередко именовалась «английской меланхолией» (*«melancholia anglica»* [см.: 5, S. 213]). Еще один из персонажей «Нового Менозы» заявлял: «Когда бы я закончил свою книгу (...), я поступил бы, как англичанин, и выстрелил бы себе в голову» [2, Bd. 1, S. 189]. Но то был, хоть и висельный, но все же юмор, теперь же роковое намерение осуществляется всерьез. Горячая страсть Роберта Хота (англ. *hot* — горячий), обреченная быть неутоленной, просто не может знать другого выхода. Один из первопроходцев реализма в немецкой литературе, Ленц в «Англичанине» намеренно изменяет жизнеподобию и чувству меры, в чем-то предвосхищая резкую гиперболичность и условную схематичность экспрессионизма начала XX века.

Зашкаливающей экспрессивностью отмечен сам язык последней страсбургской пьесы Ленца, наиболее приближающийся к эстетическим канонам «Бури и натиска». В пятитомной отечественной «Истории немецкой литературы» говорится: «наряду с некоторой натуралистичностью стиля и демократизацией языка, штурмерской литературе свойствен высокий пафос, особая, порою натянутая, экспрессивность, напряженность и эмоциональность синтаксиса» [6, с. 232]. Для стиля Ленца-драматурга из перечисленных черт, как правило, характерны «натуралистичность» и «демократизация языка», остальные в полной мере проявляются прежде всего в драмах Ф. М. Клингера. Но монологи Роберта Хота (составляющие более четверти текста «драматической фантазии») вполне сопоставимы с бурно-аффективными, исступленными, грамматически неправильными речевыми излияниями протагонистов клингеровских «Отто» и «Близнецовых». Так, сетя уже в начале пьесы на свой удел, Роберт Хот пытается изъясниться поэтически-красиво, но тут же сбивается на синтаксическую невнятницу: «О, сколь несчастен человек! Во всей природе все следует своему влечению, ястреб летит к своей добыче, пчела — к своему цветку, орел — к самому солнцу... Человек, лишь человек... Кто мне это запретит?» [2, Bd. I, S. 318]. А вот пример сугубо штурмерской аффективной риторики: «Ха, среди всех жизненных пыток, кои может измыслить человеческое соображение, я не знаю большей, чем любить и быть высмеянным. А мраморные сердца столь облегчают своей совести такое издевательство, потому что оно не стоит им никаких усилий, потому что оно так сильно льстит их гордыне и воображаемой мудрости, потому что оно почти без труда ставит худших сынов Земли выше достойнейшего Сына Божьего. Ха! Им не придется более испытывать эту радость»

[\[2, Bd. I, S. 326\]](#). Двукратное употребление восклицания «ха!» заставляет опять же вспомнить трагедии раннего Клингера, в которых оно было своего рода «фирменным знаком» [см.: 7, с. 18]. Это саркастическое «ха» у обоих штурмеров, как правило, выражает отчаяние на грани истерики. Такова в принципе, чуть ли не доминирующая эмоция трагедий «Бури и натиска», герой которых, декларируемый «сильный человек» (*Kraftmensch*) всегда на поверку оказывается бесконечно слабым и беспомощным в неравном противостоянии с устройством мира и общества.

Вот и Роберт Хот претендует на то, чтобы быть автономным «сильным человеком», «гением», который сам определяет свою судьбу и руководствуется им же созданными правилами. Как указывает И. Штефан, «Роберт Хот — герой «Бури и натиска» rag excellence, его фамилия — программа. Он горяч, страстен, быстро принимает решения, готов к самому страшному. В определенном смысле он — интенсифицированный вариант гетеевского Вертера, которого он напоминает важнейшими чертами характера. Обоих персонажей объединяют оппозиционное отношение к бюргерскому обществу, дилетантские занятия искусством, колебания чувств и идеализация возлюбленных; оба, в finale кончают жизнь самоубийством» [\[8, S. 16\]](#). С образом маскулинного «сильного человека», «штурмера», обладающего стальным личностным стержнем, плохо вяжутся постоянные переодевания Роберта в чужие одежды: в первом акте он вынужден, чтобы караулить свою пассию, облечься в мушкетерский мундир, во втором предстает как арестант, да еще и играющий на скрипке, в третьем одет в карнавальное домино, в четвертом — притворяется шарманщиком-савояром с сурком на плече, наконец, в пятом мы видим его в жалком исподнем лежачего больного. Не зря пьесу открывает самоаттестация Роберта: «я, бедный Протей» [\[2, Bd. I, S. 318\]](#). В этой связи та же И. Штефан оговаривает: «Как существо водное Протей — фигура, находящаяся в оппозиции к Прометею, дарителю огня, бывшему центральной идентификационной фигурой «Бури и натиска» и ставшему благодаря написанному Гете в 1772/74 гг. гимну «Прометей» символом восстания против традиционных авторитетов. Можно исходить из того, что Ленц вполне сознательно вписывает своего Роберта Хота в анти-прометеевскую традицию и, намекая на связанный с Протеем водный мир, напоминает о стихии, связанной с женским началом. Как «штурмер» Хот — Прометей и Протей в одном лице» [\[8, S. 23\]](#). То есть, подчеркнуто мужская, солярная природа «Бури и натиска» имеет свою оборотную сторону. Жизнь заставляет «бурных гениев» прибегать к фемининной жестикуляции, выбору крайне шаткой и зыбкой самоидентичности, единственной, позволяющей «гениальной натуре» хотя бы временно обретать почву под ногами во враждебном мире.

Женственную, «лунную», «водянную» природу своего обожателя прозревает Армида. Не испытывая к нему ничего, кроме «жалости» [\[2, Bd. I, S. 320\]](#), она так комментирует его самооговор: «Похоже, этот человек страдает скрытой меланхолией, которая толкает его на столь порывистые решения» [\[2, Bd. I, S. 321\]](#). Низводя «гениальную натуру» до «меланхолика», то есть ранимого, неуверенного в себе человека, принцесса, с одной стороны, радикально обесценивает его притязания, с другой же стороны, произносит слово, во многом определяющее душевную конституцию «бурных гениев» и их героев. В своей написанной в 1968 г. и дополненной в 1985 г. фундаментальной работе известный литературовед Г. Маттенклотт отстаивает тезис о том, что именно меланхолия была главным конституирующими элементом драматургии «Бури и натиска». Исследователь подчеркивает, что ее породили не одни только социальные причины. Меланхолическое начало у штурмеров во многом связано с их эстетическим посылом, с культом неукротимой фантазии, отличающей истинного гения. «Итак, герои «Бури и натиска»

терпят крах при столкновении не с действительностью общественной жизни, а с ее фикцией, которая не только объективна в качестве художественного отображения, но и субъективна в смысле правдивости отраженного» [9, S. 50]. Для иллюстрации этого тезиса Г. Маттенклотт ссылается на следующий пассаж из письма Ленца И. К. Лафатеру, написанного вскоре после создания «Англичанина»: «Дай мне больше настоящих мучений, чтобы меня не сломили мучения вымышенные. О мучения, мучения, что ты! Не в утешении я нуждаюсь. Только эту немоту я не могу вынести» [2, Bd. 3, S. 456-457, спр.: 9, S. 52]. А Роберт Хот выбирает как раз «вымышенные мучения», не считаясь с реальностью и вожделея невозможного.

Поэтому для лордов-«отцов» Роберт — вообще всего лишь временно помешанный, подлежащий изоляции и репрессивному лечению. Они принимают все меры к тому, чтобы «больной» не ушел из-под их надзора, вплоть до привязывания его к кровати [см.: 2, Bd. 1, S. 330]; не брезгуют они и «ложью во спасение». Например, в какой-то момент им представляется, что «больного» отревит известие о мнимом замужестве Армиды. Они всячески стараются апеллировать к его разуму — главной ценности ревизованного «Бурей и натиском» ортодоксального Просвещения, видя в ней универсальную панацею: «как только ты образумишься, ты будешь счастлив» [2, Bd. I, S. 325]. Недаром Х.-Г. Винтер считает, что «отцы» именно в этом пункте солидаризуются с оптимистически настроенными просветителями, которые «отвергают меланхолию, потому что видят в ней отклонение от поведения, обусловленного разумом» [10, S. 75]. На деле же «здравомысленные» объяснения «отцами» поведения Роберта крайне убоги и пошлы. Они наивно полагают, что молодой лорд одержим скоропреходящей блажью, поддающейся простейшим методам исцеления, например кровопусканию [см.: 2, Bd. 1, S. 329]. «Я еще надеюсь застать то время, когда Роберт посмеется над самим собой» [2, Bd. I, S. 327], — говорит более грубый по натуре Хэмилтон и до конца успокаивает Хота-старшего тем, что «все само собой уляжется» [2, Bd. I, S. 325]. Думая, что Роберт «всего лишь» страдает сексуальным расстройством, «отцы» всерьез уверены, что успешное спаривание с обольстительной самкой однозначно решит все проблемы. Лорд Хот склонен скорее объяснять их гиперсексуальность сына и сожалеет, «что не дал ему спутницу, когда он уехал из дома» [2, Bd. I, S. 326], а лорд Хэмилтон, напротив, заподозривает кандидата в зятья в гипосексуальности и подсыпает к нему под видом сиделки распутную прелестницу, «которая могла бы соблазнить самого Антония Падуанского» [2, Bd. I, S. 326]. Но мнимый душевнобольной не поддается ее чарам, ведет себя с ней как вполне разумный, холодно-расчетливый человек и, наконец, хитростью выпрашивает у нее ножницы, чтобы тут же, потрясая портретом той, кого боготворит, перерезать себе горло. Таким образом, он «обыгрывает» упрямых рационалистов на их же территории, но лишь для того, чтобы совершить в высшей степени иррациональный поступок.

Могучее влечение Роберта Хата к смерти показывает изменившееся отношение пиетистски воспитанного Ленца к проблеме допустимости самоубийства. Прежде, в своих моралистически-богословских трудах он категорически ее отвергал, теперь же видит в суициде единственный возможный исход для сотворенного им *alter ego*. Старый лорд Хот объясняет фатальное решение сына тем, «что он в детстве набрел на определенные книги, которые внущили ему сомнения в его религии» [2, Bd. I, S. 336]. Какие это были книги, не поясняется, но очень может быть, что имеется в виду ряд трудов французских просветителей, прежде всего — «Система природы» Гольбаха, где четко сформулировано: «Человек может любить бытие только в том случае, если он счастлив.

Но, если вся природа отказывает ему в счастье, если все окружающее становится ему в тягость, если мысль рисует ему только горестные, печальные картины, он вправе покинуть место, где не находит для себя никакой опоры; он, собственно, уже не существует, висит где-то в пустоте и не может быть полезным ни себе самому, ни другим» [\[11, с. 303\]](#). Правда, для материалиста Гольбаха «никакой опоры» подразумевает отрижение возможности опереться на Бога. «В то время как атеист Гольбах последовательно оспаривает существование подобного существа, у Роберта незадолго до смерти начинается процесс обращения, в результате которого он вновь признает бытие Бога» [\[12, S. 261\]](#) (заметим — бесконечно далекого и ужасного). При этом Роберт стилизует себя как мученика, страдальца во имя придуманного им фемининного божества: «Да, я очень хочу страдать, хочу быть закланной жертвой ради ее счастья» [\[12, Bd. I, S. 332\]](#).

Х. Гларнер подмечает, что фабульно последняя страсбургская пьеса Ленца во многом аналогична первой, наиболее известной, герой которой вследствие «отцовского» запрета на удовлетворение сексуального желания оскопляет себя: «Гувернер и Англичанин в своих актах самокалечения или же самоуничтожения с фатальной логичностью доводят до конца то, что братья Берги и оба лорда все время практикуют по отношению к ним: затруднение и подавление развития самостоятельной личности» [\[4, S. 114\]](#). Таким образом, в творчестве Ленца присутствуют повторяющиеся мотивы, связанные с устойчивыми компонентами его мировосприятия. Кроме того, в «Англичанине» Ленц словно предвидит ход своей собственной грядущей болезни. Пастор Оберлин, в доме которого наблюдались наиболее тяжелые ее приступы, сообщал, как его гость истово бился головой об стену [\[13, S. 476, спр.: 9, Bd. I, S. 330\]](#) и пробовал лишить себя жизни с помощью ножниц [см.: 13, S. 474]. Вряд ли большой писатель осознавал, что подражает своему герою. Скорее определенные модели возможного поведения давно сформировались и закрепились в его крайне лабильной психике. Но кроме собственного помешательства Ленц предсказал и реакцию на него своего родителя. Ведь циничная реплика лорда Хэмилтона о несостоявшемся зяте — «Лучше оплакать его мертвого, чем всюду таскать с собой безумца» [\[2, Bd. I, S. 336\]](#) — предвосхищает будущие слова старого заслуженного пастора о собственном сыне: «Но если бы [Бог] в своем вечном свете предусмотрел, что обретение им покоя и нахождение им своего места в этом мире более невозможны, о, пусть бы Он лучше тогда через блаженный конец даровал ему вечный покой. С какой готовностью, пусть даже пролив тысячу отеческих слез, я пожертвовал бы Ему этого Исаака» [цит. по: 14, S. 24].

Можно констатировать, что в небольшом по объему «Англичанине» отразился, с одной стороны, весь комплекс индивидуальных проблем Ленца, накопившихся к концу его пребывания в Страсбурге: разочарование в профессии, чреватое возвращением «блудного сына» к доминантному земному отцу; религиозные сомнения, породившие нарастающее чувство страха и вины перед Отцом Небесным; вечные любовные неудачи вследствие недосягаемости и чрезмерной идеализации объектов любви; усугубляющиеся меланхолия и мысли о самоубийстве; наконец, латентные симптомы будущего психического заболевания. С другой стороны, последняя страсбургская пьеса одного из виднейших штурмеров вобрала в себя многие характерные признаки «Бури и натиска» в целом: решительная ломка классических драматургических правил; повышенная эмоциональность, даже аффектизация речи центральных персонажей; культ страстной любви, не скованной общественными установлениями; бунт против мудрости «отцов» и религиозных догматов; примат чувства над разумом; сочетание прометеевых притязаний

сильной мужественной личности с заведомо женскими свойствами — психической лабильностью и вынужденной «протеической» мимикрией под условия социальной среды. Поскольку «Буря и натиск» — одновременно и закономерное продолжение генеральной линии европейского Просвещения, и бескомпромиссная полемика с ним, в «Англичанине» отчетливо виден трагический характер штурмерской идеологии: эманципация автономной, определяющей саму себя личности наталкивается на свои собственные границы, обусловленные как социально, так и психологически. В условиях феодально-сословного общества Германии XVIII в. бургеры-интеллигенты, как и их герои, пренебрегая компромиссами, никак не могли реализовать свои амбиции, а безудержные чувства, как правило, несли гибель тем, кто их испытывал.

Малая по размерам «драматическая фантазия» в концентрированном виде отражает глубокий кризис, наметившийся к 1776 г. в творчестве ее автора и во всем движении «Буря и натиск». Практически все видные драматурги-штурмеры — Гете, Клингер, Вагнер, Лейзевиц — на названном рубеже либо переходят на иную эстетическую платформу, либо умолкают и бросают занятия литературой; только написанные несколько позже драмы молодого Шиллера можно рассматривать как последнюю вспышку активности «Бури и натиска». Вскоре «бурные гении» становятся достоянием истории литературы. Ленц в силу слабой психологической гибкости оказывается менее всех готов к этому.

Библиография

1. Розанов М. Н. Поэт "бурных стремлений" Якоб Ленц, его жизнь и произведения: Критич. исследование. С прил. неизд. материалов. М.: Унив. тип., 1901.
2. Lenz J. M. R. Werke und Briefe in drei Bänden / Hrsg. von S. Damm. Leipzig: Insel; München: Hanser, 1987.
3. Кюргян Т. С. Фантазия // Музыкальная энциклопедия в шести томах / Глав. ред. Ю. В. Келдыш. Т. 5. Симон - Хейлер. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 767-771.
4. Glamer H. "Diese willkürlichen Ausschweifungen der Phantasey". Das Schauspiel "Der Engländer" von Jakob Michael Reinhold Lenz. Bern [u. a.]: Lang, 1992.
5. Hoff D. von. Inszenierung des Leidens. Lektüre von J. M. R. Lenz' "Der Engländer" und Sophie Albrechts "Theresgen" // Stephan I., Winter H.-G. (Hg.). "Unaufhörlich Lenz gelesen...": Studien zu Leben und Werk von J. M. R. Lenz. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1994. S. 210-224.
6. Лозинская Л. Я., Молдавская Н. Д. Движение "Бури и натиска" // История немецкой литературы в пяти томах / Под общ. ред. Н. И. Балашова, В. М. Жирмунского (и др.). М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. II. С. 224-233.
7. Гладилин Н. В. Метаморфозы "бурного гения". Творческий путь Фридриха Максимилиана Клингера. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2020.
8. Stephan I. Verweigerte Männlichkeit. J. M. R. Lenz und sein Drama "Der Engländer" (1777) // Lenz-Jahrbuch. 2022. S. 8-25.
9. Mattenkrott G. Melancholie in der Dramatik des Sturm und Drang. Erweiterte und durchgesehene Auflage. Königstein: Athenäum, 1985.
10. Winter H.-G. Jakob Michael Reinhold Lenz. Zweite Auflage. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000.
11. Гольбах П. А. Избранные произведения в двух томах. Том 1 / перевод П. С. Юшкевича, Т. С. Батищевой, В. О. Полонского. М.: Мысль, 1963.
12. Schmidt S. F. "Behaltet euren Himmel für euch". Das Selbstmordverständnis in Lenz' Drama "Der Engländer" und Holbachs "System der Natur" // Lenz-Jahrbuch. 2009. S. 7-30.
13. Oberlin J. F. Der Dichter Lenz im Steintale // Georg Büchner. Sämtliche Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe mit Kommentar. Hrsg. Werner R. Lehmann. München:

Hanser, 1979. Bd. 1. S. 435-483.

14. Böcker H. Die Zerstörung der Persönlichkeit des Dichters J. M. R. Lenz durch beginnende Schizophrenie. Diss med. Bonn, 1969.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая работа посвящена анализу хронологически одной из последних драм Я.М.Р. Ленца — «Англичанин» («Der Engländer», 1775/76, изд. 1777). Как отмечает автор статьи, писатель отразил и подытожил в этом тексте многие идеино-тематические константы своего творчества. В частности исследователя интересует отчетливо проявленная в этом произведении специфика «Бури и натиска», а также отражение личных невзгод Ленца в контексте общей проблематики, характерной для «бурных гениев» — штурмёров. Считаю, что работа имеет конструктивный характер, автор явно заинтересован в нетривиальной рецепции «Англичанина» Ленца. Научная новизна исследования прозрачна, но и комментарий дан объемно и целостно: «Творчество выдающегося немецкого писателя Якоба Михаэля Рейнгольда Ленца (1751–1792), одного из корифеев движения «Буря и натиск», недостаточно изучено советским и российским литературоведением. Практически за рамками рассмотрения до сих пор остаются прозаические и поэтические тексты Ленца, а обращение к его драматургии ограничивается тремя крупными пьесами — «Гувернер», «Солдаты» и «Новый Меноза», а также переводами-переделками комедий Плавта. Между тем, Ленцем создано большое количество менее объемных пьес и драматических фрагментов, без анализа которых не вполне ясна логика его индивидуального развития как писателя и мыслителя, а также не до конца понятен его вклад в эстетическую и мировоззренческую концепцию «Бури и натиска». Материал удобен для чтения (заинтересованный ряд), удобен и для использования в формате изучения истории зарубежной литературы в вузе. Стиль имеет черты собственно научного типа: например, «Так и автор «Англичанина», как и в прежних своих драмах, не желает подчиняться классическим аристотелевым правилам. Правда, при отсутствии единства места и времени, на сей раз соблюдено единство действия: оно вращается исключительно вокруг центрального персонажа и его страсти. Но при этом «Англичанин» невелик по объему, а деление на акты носит пародийный характер (почти каждый из них состоит из одной только сцены, иронически названной «первой», за исключением второго, объемлющего две сцены), причем доля заключительного акта в общем построении пьесы превышает 40%. Очевидно, что Ленц намеренно не стремился к соблюдению структурных пропорций, следуя за свободным потоком своей фантазии и стремясь в свободной форме выразить все, что у него наболело», или «Измена богословию порой ощущалась Ленцем как измена Богу. Тем остree он сознавал необходимость апелляции к иной божественной инстанции: место грозного, карающего и казнящего Судии, которому поклонялся суровый лифляндский пастор, в помыслах его непутевого сына все больше занимал Бог кроткий, милосердный, всепрощающий. Герой «Англичанина» вместо недоступного трансцендентного Бога-отца поклоняется столь же недоступной, но имманентной богине. «Ужаснейшее из существ, в чьем существовании я так долго сомневался, которое я отрицал себе в утешение, — я чувствую Тебя! Ты, который поместил мою душу сюда, который вновь забирает ее под свою жестокую власть! Только не запрещай мне сметь думать о ней. Долгая, ужасная вечность без нее...» [2, Bd. 1, S. 335]. А являющийся в самом finale Исповедник, старающийся с помощью расхожих трюизмов, обычных для христианским проповедей,

примирить агонизирующего Роберта с Богом отцов, слышит в ответ: «Армида! Армида. — Оставьте ваши Небеса себе» [2, Bd. 1, S. 337]». Цитации как видно формально точны, правка текста излишня. Наличного текстового объема достаточно для раскрытия темы, достижения итогового результата. Отмечу, что работа имеет явный диалогический характер, автор старается создать конструктивную «беседу» с читателем, начинается она, конечно же, с вопросов самому себе (это очень ценно). Логика последовательности разверстки вопроса распространена на всю статью. Методология исследования соотносится с фундаментальными принципами литературоведения. Итог сочинения правомерен, созвучен основной части. Автор отмечает, что «в небольшом по объему «Англичанине» отразился, с одной стороны, весь комплекс индивидуальных проблем Ленца, накопившихся к концу его пребывания в Страсбурге: разочарование в профессии, чреватое возвращением «блудного сына» к доминантному земному отцу; религиозные сомнения, породившие нарастающее чувство страха и вины перед Отцом Небесным; вечные любовные неудачи вследствие недосягаемости и чрезмерной идеализации объектов любви; усугубляющиеся меланхолия и мысли о самоубийстве; наконец, латентные симптомы будущего психического заболевания...», «малая по размерам «драматическая фантазия» в концентрированном виде отражает глубокий кризис, наметившийся к 1776 г. в творчестве ее автора и во всем движении «Буря и натиск». Практически все видные драматурги-штурмеры — Гете, Клингер, Вагнер, Лейзевиц — на названном рубеже либо переходят на иную эстетическую платформу, либо умолкают и бросают занятия литературой; только написанные несколько позже драмы молодого Шиллера можно рассматривать как последнюю вспышку активности «Бури и натиска». Вскоре «бурные гении» становятся достоянием истории литературы. Ленц в силу слабой психологической гибкости оказывается менее всех готов к этому». Список источников полновесен и объемен, его целесообразно использовать далее при формировании смежно-тематических работ. Рекомендую статью ««Англичанин» Я.М.Р. Ленца как художественное отображение кризисного этапа в жизни и творчестве «штурмера» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ситникова И.А. Поэтика пьесы Ф. Г. Лорки «Йерма» в переводе Н. Л. Трауберг и А. М. Гелескула // Филология: научные исследования. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71285 EDN: OFZTEL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71285

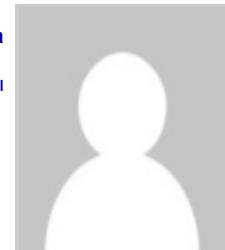
Поэтика пьесы Ф. Г. Лорки «Йерма» в переводе Н. Л. Трауберг и А. М. Гелескула

Ситникова Инна Анатольевна

старший преподаватель; кафедра романо-германской филологии Восточного института-Школы региональных и международных исследований; Дальневосточный федеральный университет

690087, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Баляева, 52, кв. 65

✉ agur77@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.7.71285

EDN:

OFZTEL

Дата направления статьи в редакцию:

18-07-2024

Аннотация: Предметом исследования является поэтика перевода пьесы Федерико Гарсия Лорки «Йерма» (1934). Объектом исследования послужили текст оригинала пьесы на испанском языке и его перевод на русский язык, выполненный Н. Л. Трауберг (проза) и А. М. Гелескулом (поэзия) и опубликованный в издании «Федерико Гарсия Лорка. Избранные произведения в 2-х томах» в 1975 г. В статье рассматриваются особенности поэтики пьесы Гарсия Лорки «Йерма»: лиризм, основные мотивы, традиции испанского народного песенного искусства канте хондо. Приводятся точки зрения исследователей в отношении жанрового своеобразия и поэтики пьесы, позиция переводчиков. Особое внимание уделяется особенностям восприятия поэтики пьесы и их воссозданию в переводе на русский язык. Для проведения исследования был использован метод структурного и мотивного анализа для выявления особенностей структуры пьесы и ее основных мотивов. Использование сравнительно-сопоставительного метода позволило выявить черты сходства и различия поэтики оригинала и перевода. Основными выводами проведенного исследования являются выявление близости поэтике перевода поэтике оригинала, сохранение переводчиками

свойственных драме черт поэтики, таких как лиризм, элементы стилистики народного искусства канте хондо, передача экспрессивности оригинала, создание общей атмосферы «трагической поэмы» и «лирического» образа главной героини. Отмечается стремление авторов перевода не только сохранить национальный колорит испанского текста, но и «приблизить» пьесу русскому читателю и зрителю. Новизна исследования заключается в том, что впервые была предпринята попытка провести сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода пьесы Гарсиа Лорки «Йерма» и выявить особенности ее воссоздания на русском языке в связи с проблемой рецепции свойственных драматургии Лорки фольклорных традиций и реализации авторского замысла.

Ключевые слова:

пьеса, трагическая поэма, поэтика, оригинал, перевод, переводческое восприятие, лиризм, канте хондо, мотив смерти, мотив увядания

Пьеса Федерико Гарсиа Лорки «Йерма», написанная в 1934 году, по определению автора — «трагическая поэма» и «настоящая трагедия» [\[1, с. 208\]](#). Созданная по форме древнегреческой трагедии, она отличается особым лиризмом, основанным на традиции испанской народной песни и стилистике древнего искусства канте хондо. Пьеса имеет сходства с лирической драмой. Согласно Ч. Добреву, «лирической драме присущее особый сюжет, особый тип героя и особая эмоциональность. Все внимание здесь сосредоточено на внутренних переживаниях героев, монологи преобладают над диалогами, внешнее действие может быть лишено внешней динамики» [\[2, с. 82\]](#). В драме «Йерма» главный образ — это чувства, чувства Йермы. Это живое развитие страсти, автор отbrasывает все внешнее, «обнажает» душу героини. Так, по замечанию брата поэта Франсиско Гарсиа Лорки, эта драма «в строгом смысле слова, не имеет сюжета», а «по замыслу и воплощению наиболее близка жанру трагедии, ее сюжет полностью подчинен страсти» [\[3, с. 263–264\]](#). Н. Р. Малиновская называет пьесу «Йерма» «лиричной», так как «все ее события исходят из внутренней характерности героини. Йерма — предельно цельный человек. Смысл ее жизни сосредоточен в одном желании, от него — все ее мучения, мечтания, ошибки», — пишет исследователь [\[4, с. 19\]](#).

Главная тема пьесы, материчество как смысл жизни женщины, раскрывается в противопоставлении мотивов плодородия и бесплодия, цветения и увядания, радости и страдания, жизни и смерти. Для главной героини без ребенка жизнь не имеет смысла, в отчаянии она убивает мужа, не разделявшего ее надежды и мечты быть матерью. Ее страстное желание приводит к трагедии.

Лиризм пьесы связан с созданием образа Йермы, а его основа древняя форма андалузского народного песенного стиля — канте хондо. Сама пьеса похожа на грустную протяжную песню, раскрывающую трагическую историю героини. «В ней отсутствуют фантастические элементы для того, чтобы подчеркнуть драматизм действия и сосредоточить его на внутреннем мире героини. <...> трагическое в «Йерме» обусловлено только силой, с которой героиня переживает внутренний конфликт, и более ничем», — пишет Франсиско Лорка [\[3, с. 263\]](#). Исследователь указывает на особую роль поэтического начала в создании образа Йермы. Свою горечь, тоску и одиночество она изливает в стихах, песнях и поэтических монологах наедине с собой.

По словам Г. И. Тамарли, пьеса «Йерма» «во многом соответствует античным канонам <...> как в античной монодраме, Йерма изображается в жизненно значимый момент, показываются все шаги, которые она совершает для достижения своей мечты» [\[5, с. 54\]](#). Жажда материнства и невозможность иметь сына, приводит к одиночеству и страданию. Героиня не властна над непреодолимым жизненным обстоятельством, она борется с ним, оставаясь верна и долгу, и своему желанию, но судьбу побороть не может [\[5, с. 282\]](#).

Э. Сармати называет пьесу «Йерма» – «настоящей трагедией, где есть Фатум, высший закон, некая слепая сила, не подчиняющаяся человеческой воле. <...> Лорка использовал целую палитру символических образов – это вода, роза, песок. Эти образы тесно связаны с темой трагедии, с противопоставлением плодородия окружающей природы и бесплодия героини» [\[6, р. 29\]](#).

На русском языке драма «Йерма» представлена в трех переводах: А. В. Кагарлицкого и Ф. В. Кельина (1944), Н. Л. Трауберг и А. М. Гелескула (1975) и Н. РМалиновской и А. М. Гелескула (1986).

Первый перевод пьесы был выполнен в 1944 г., когда о жизни и творчестве Гарсия Лорки было известно мало. Безусловно, этот перевод является ценным, он впервые познакомил русского читателя с малоизвестной в то время драматургией Лорки. Мы предпринимаем попытку анализа следующего перевода пьесы для создания более полного представления о ней в русской рецепции.

Основным принципом перевода для Н. Л. Трауберг, по ее словам, было: «сделать так, чтобы воздействие твоего текста было равно воздействию оригинала», в переводе «всегда нужно решать, чем можно пожертвовать, а чем нельзя. Есть писатели, переводя которых, нужно быть очень точным, а есть книги, где главное – воздействие. И ради этого воздействия можно делать все. Только бы воздействие твоего перевода было равно воздействию оригинала» (из интервью Н. Л. Трауберг для книги Е. Калашниковой «По-русски с любовью: Беседы с переводчиками». М.: Новое литературное обозрение, 2008). На наш взгляд, в отношении текста пьесы Лорки переводчик следует этому принципу. Трансформируя оригинал, иногда допускает неточности, но воссоздает атмосферу трагедии и образ главной героини, вместе с тем делает речь героев более динамичной, понятной читателю и доступной для сценического воплощения пьесы.

А. М. Гелескул – поэт, переводчик, эссеист, исследователь испанской народной песенной поэзии. Он перевел все лирические произведения Гарсия Лорки. Н. Ю. Ванханен так говорит о его переводах – это «не переложения с одного языка на другой, не зарифмованный рассказ о мыслях и чувствах иноязычного автора, а как будто явление этого автора. <...> То, что он делает, – всегда поэзия. <...> Гелескул установил тот камертон, к которому вольно и невольно прислушивались следующие переводчики Лорки» [\[7\]](#).

В переводе А. М. Гелескул стремится не столько к точности, сколько к воссозданию экспрессии. В интервью 2008 г. А. М. Гелескул говорит, что считает перевод не ремеслом, не творчеством, но искусством: «Другое дело, всегда сомневаешься, насколько ты сам искусен. Это искусство, родственное исполнительскому, но не совсем – скорее это переложение с одного музыкального инструмента на другой. И вот что важно. Существуют переложения Баха для гитары, но при этом гитара не должна задыхаться под непосильным бременем звуков, а говорить своим голосом. Но это уже зависит от музыканта» (из интервью А. М. Гелескула для книги Е. Калашниковой «По-

русски с любовью: Беседы с переводчиками». М.: Новое литературное обозрение, 2008). В этом кроется суть переводческой стратегии А. М. Гелескула — уйти от буквализма, сделать текст понятным русскому читатель, но в то же время «спеть в унисон с голосом автора».

Йерма — в переводе бесплодная, или сухая земля. Мотив смерти возникает уже в ремарке к началу действия драмы. Когда поднимается занавес, Йерма спит. Появляется пастух, ведущий за руку маленького мальчика в белом. Это призрак несостоявшейся любви Йермы и ребенок, что у ее никогда не родится. Пастух исчезает и «сцена озаряется веселым, весенним, утренним светом» [8, с. 248]. Звучит колыбельная. Но ее поет голос за сценой, это народная колыбельная, она не успокаивает малыша, но предупреждает об опасности внешнего мира. Согласно К. Г. Юнгу, «сон пророчит будущее, он возникает из подсознания, из неизвестной, но важной части души и тесно связан с нашими желаниями. Желание — источник сна, плод бессознательного» 9, с. 23]. Колыбельная — как грань между сном и явью, верх бессознательного желания, стремившегося вырваться на свободу. Песня рождает антitezу с именем героини, она является основой трагедии и душевного состояния Йермы. Гарсиа Лорка в лекции «Колыбельные песни» (1928) отмечает, что в поэтическом мире народных колыбельных ребенка, а иногда и мать, «подстерегает опасность» и им «надо уменьшится, умалиться, съежится между стенками шалашика, забраться во что-нибудь маленькое» [10, с. 463].

Таблица 1. Колыбельная из первого действия драмы

Оригинал	Подстрочник	Перевод М. А. Гелескула
A la nana, nana, nana, a la nanita le haremos una chocita en el campo y en ella nos meteremos [11, p. 19].	Песня, песня, песня Для малыша построим В поле шалашик И в нем спрячемся мы.	Баю, милый, баю, Спи, родной, усни. Выстроим шалашик, Заживем одни [8, с. 248].

А. М. Гелескул приближает ее мотив русской колыбельной, добавляет припев «баю, спи родной, усни», фразы, что убаюкивает, успокаивает малыша. Есть ощущение опасности: «выстроим шалашик»/ «заживем одни», но в оригинале яснее звучит мотив угрозы, пробуждающий чувство тревоги: мать и дитя должны спрятаться, укрыться от этой опасности. Фраза «Заживем одни» в переводе подтверждает, что Йерме кроме ребенка никто не нужен.

Действие драмы открывает домашняя сцена. Ранним утром Йерма провожает мужа в поле. Беспокоится, что супруг работает много, сил у него не хватает, раньше он был другим: «A mí me gustaría que fueras al río y nadaras y que te subieras al tejado cuando la lluvia cala nuestra vivienda, **veinticuatro meses llevamos casados** y tú cada vez más triste, más enjuto, como si crecieras al revés» [11, p. 20]. В переводе ее реплика более краткая: «Сходил бы ты на реку, поплавал или влез бы на крышу в ливень. **Мы женаты два года**, а ты все печальней, все худее, словно растешь в землю» [8, с. 249]. В оригинале они женаты двадцать четыре месяца, а не два года — время для героини тянется, она считает дни, надеясь, что мечта ее исполнится. По замечанию Б. И. Зингермана «время в драмах Лорки длится ровно столько, сколько нужно, чтобы в душном, застывшем мареве сгустились тучи и разразилась гроза, чтобы послеполуденный зной сменился злобящей прохладой ночи» [12, с. 219].

К. Бриан Моррис называет Йерму «неполной», не только потому, что «у нее нет и не будет ребенка», но и потому, что «не один лишь он ей нужен, а еще любовь, нежность, понимание, страсть, свобода» [13, с. 20]. Нуждаясь в любви и заботе, она представляет: «Si yo estuviera enferma me gustaría que tú me cuidases. **“Mi mujer está enferma.** Voy a matar ese cordero para hacerle un buen guiso de carne.” **“Mi mujer está enferma.** Voy a guardar esta enjundia de gallina para aliviar su pecho, voy a llevarle esta piel de oveja para guardar sus pies de la nieve.” Así soy yo. Por eso te cuido” [11, р. 20]. «Если бы я захворала, я бы рада была твоей жалости: **“У меня жена хворает,** заколю-ка я ягненка, нажарю ей вкусного мяса”; **“У меня жена хворает,** натоплю куриного жиры, грудь ей разотру, принесу овчину, укутаю ей белыеноги». Вот я чего хочу, потому о тебе и забочусь» [8, с. 249]. «Así soy yo» — «я такая есть» — Йерма заботиться о муже только потому, что ждет от него подобного отношения, но это — не любовь. Хворать — устаревший вариант слова болеть, разговорного стиля упрощает речь Йермы-крестьянки, вводит мотив увядания. В переводе подчеркивается, что молодая красивая женщина, хворает, как старушка от давней болезни, не может иметь детей.

В песне-диалоге с несуществующим ребенком создается образ Йермы как лирической героини, ее грустная песня по тональности схожа с песнями канте хондо. Канте хондо — «глубокое пение», по замечанию А. М. Гелескула, «в буквальном смысле неотделимо от певца: не в мелодии или словах, а именно в исполнении оно обретает высший конечный смысл» [14, с. 37]. Стихи в канте «печальны, откровенны <...> и жестоко правдивы [14, с. 47]. «Канте едино с испанской песенной поэзией и общим ее стремлением поднять житейский драматизм на высоту вечных вопросов. Но это усилие — через собственную боль постичь загадку человеческой судьбы — в канте становится отчаянным и почти героическим», <...> канте — трудно потому, что трудна его сквозная мысль о неискупимости страдания», — пишет А. М. Гелескул [14, с. 34–35]. Главный образ песен канте — тоска на фоне андалузской ночи. По словам Лорки, «бесконечные оттенки Страдания и Горя выражены в канте хондо с величайшей точностью и правдивостью». <...> Канте хондо — это песня соловья без глаз, пение вслепую; и потому лучшей декорацией для слов и древних мелодий канте хондо является ночь» [1, с. 30]. В художественном мире канте ночь связана с тайной, а для Лорки и жизнь и смерть — это тайна.

Йерма поет:

Таблица 2. Песня Йермы из первого действия драмы

Оригинал	Подстрочник	Перевод А. М. Гелескула
¿De dónde vienes, amor, mi niño?	Ты откуда идешь, любимый мой мальчик?	Ты откуда идешь, сыночек?
De la cresta del duro frío.	С горы сурового холода.	И з холодной, из вечной ночи.
¿Qué necesitas, amor, mi niño?	Что нужно тебе, любимый мой мальчик?	Чем согрею тебя, сыночек?
La tibia tela de tu vestido [11, р. 22].	Теплая ткань твоего платья.	Теплотою твоих сорочек [8, с. 250].

< >

<p>En el patio ladra el perro, en los árboles canta el viento. Los bueyes mugen al boyero y la luna me riza los cabellos [11, p.22].</p>	<p>Во дворе пес лает, Среди деревьев поет ветер. Волы мычат на погонщика. И луна мне косы заплетает.</p>	<p>Чу! Залаял наш пес дворовый, Замычали во сне коровы, Плачет ветер и ночь темна, А в косе у меня луна [8, с. 250].</p>
---	--	--

«Чу! Залаял наш пес дворовый / замычали во сне коровы» создает ощущение тревоги, приближающейся опасности. Добавленная переводчиком строка «плачет ветер и ночь темна» усиливает печальное настроение, а заключительная фраза: «А в косе у меня луна» — практически точно воссоздает связанный с мотивом смерти образ оригинала. Ветер и плачь — ведущие образы песен канте хондо.

Йерма готова терпеть любую боль, чтобы стать матерью, ждет, «когда тело запахнет жасмином». Жасмин — цветок любви, супружеского союза. В Андалусии — это и символ плодородия, «цветения», по которому томится Йерма. Как отмечает А. Бенсуссан «для андалузской души белый цвет жасмина с его сильным головокружительным ароматом символизирует плодородие в чистом виде» [15, с. 336]. В произведениях Лорки жасмин символизирует страсть. Здесь это страстное желание Йермы родить сына. М. К. Салатино де Субириа пишет, что «аромат жасмина, солнце и струящиеся ручьи выносят на сцену чувство Йермы, которая хочет стать матерью, не только по зову души, но и из-за неизбежного влечения инстинкта. Это таинственная сила, которая протягивает ветви к свету и заставляет плясать ручьи» [16].

Таблица 3. Песня Йермы из первого действия драмы

Оригинал	Подстрочник	Перевод М. А. Гелескула
Te diré, niño mío, que sí, tronchada y rota soy para ti.	Скажу тебе, мой сын — да. Сломлена и разбита я для тебя.	Все, что силы мои сломило, Для тебя я терпела, милый,
i Cómo me duele esta cintura donde tendrás primera cuna!	Как же болит этот пояс, где будет тебе первая колыбель! Когда, мой сын, ты придешь?	И тебя я ношу, как рану, И тебе колыбелью стану!
¿Cuándo, mi niño, vas a venir?	Когда тело запахнет жасмином!	Но когда же ты станешь сыном?
i Cuando tu carne huele a jazmín!	Пусть трепещут ветви на солнце и плещутся ручьи вокруг.	Когда тело дохнет жасмином.
i Que se agiten las ramas al sol		Заплелись на заре вьюнок,

y salten las fuentes alrededor! [11, p. 23]	Заиграйте ручьи у ног! [8, с. 250]
--	---

Дважды повторяющиеся строки оригинала: «*Que se agiten las ramas al sol y salten las fuentes alrededor!*» в переводе переданы разными фразами: «*Завивайся в ночи вьюнок, / Заплетайте, ручьи, венок!*» — в начале песни и строки, напоминающие молитву, обращенную к животворящим силам природы: «*Заплется на заре вьюнок, / Заиграйте ручьи у ног!*» — завершают песню Йермы. *Вьюнок и венок* связаны с мотивом жизни, символизируют семейное счастья, любовь, вечное обновление. Фраза из текста оригинала: «*как болит мой пояс / где будет твоя первая колыбель*» в переводе становится более экспрессивной за счет повторов и рифмы: «*и тебя я ношу как рану, / и тебе колыбелью стану*» — Йерма представляет, что желание ее осуществилась, она ощущает это физически. А крик отчаяния: «*No, когда же ты станешь сыном?*» — как возглас певца при исполнении канте.

В последней сцене первого акта Йерма слышит песню пастуха Виктора, в ней звучит мотив несостоявшейся любви. По замечанию П. Пинто, «Йерма умирает от жажды, а голос Виктора подобен струе воды, он тот источник, что она ищет, чтобы утолить жажду» [17, p. 294]. «*Y qué voz tan pujante. Parece un chorro de agua que te llena toda la boca*» [11, p. 37]. «Голос какой звонкий! Словно вода струится у тебя во рту» [8, с. 258], — говорит она Виктору. Йерма подхватывает и продолжает песню, и эта песня объясняет причину ее страданий.

Таблица 4. Песня Виктора из первого действия драмы

Оригинал	Подстрочник	Перевод М. А. Гелескула
¿Por qué duermes solo, pastor?	Зачем один ты спишь, пастух?	Зачем один ты спишь, пастух?
En mi colcha de lana dormirías mejor. Pastor, pastor.	На моем шерстяном одеяле, ты бы лучше спал. Пастух, пастух.	Под пеленой моих волос теплей и слаще бы спалось.
¿Qué quiere el monte de ti pastor?	Что хочет гора от тебя, пастух? Гора горьких трав,	Пастух, пастух. Зачем ты каменной горе, пастух?
Monte de hierbas amargas ,	Что за дитя убивает тебя?	Гора-вдова, полынь- трава,
¿qué niño te está matando?	Колючка дрока.	Пастушья кровь тебе не впрок!
iLa espina de la retama! [11, p. 36]		Одно родишь — колючий дрок! [8, с. 258]

В переводе возникает «*пелена волос*» вместо «*шерстяного одела*», где «*пастух бы спал слаще*», но возможность взаимной любви как залога рождения детей упущена. Переводчик отходит от оригинала, создает рифмованные строки и, несмотря на лексическое несоответствие, очень точно объясняет смысл песни и усиливает

трагический настрой. Герои не смогли распознать зарождающееся нежное чувство, и теперь без любви Йерма как «каменная гора», что «родит колючий дрок».

Первая картина второго действия драмы начинается с песни деревенских женщин. Сцена построена в форме диалога с лирическими вставками — коплас, четверостишьями с сюжетом. Копла ("copla") — наиболее распространенная форма испанской народной поэзии. По словам А. Е. Пановой, «минимальное стиховое пространство, которое способно вместить и рассуждения, и небольшие сюжеты, и даже две ситуации (два сюжета), которые рассматриваются параллельно» [18, с. 299].

Таблица 5. Песня прачек из второго действия драмы

En el arroyo frío Lavo tu cintura, como un jazmín caliente Tienes la risa [11, p. 40].	В ручье холодном Твой пояс мою Как жасмин горячий Твоя улыбка	В ручье твой пояс мою, Блестит как рыбка. Жасмин на солнцепеке — Твоя улыбка [8, с. 260].
--	--	---

Первое четверостишье — народная песня, где Лорка меняет лишь одно слово: *claro* (чистый) на *frío* — холодный ручей. Переводчик стремится воссоздать форму народной коплы. Женщины прачки — это сразу несколько народных характеров, которые ясно раскрывают уклад деревенской жизни и ее ценности. Это хор, что комментирует действие. Их куплеты описывают таинство зарождения новой жизни, периода ожидания и рождения ребенка, в конце предвещают горе той, что не живет по установленным законам, не любит мужа. Хор воспевает чувственную любовь и продолжение жизни. Как отмечает Г. И. Тамарли, «в деревне, где люди пьянеют от солнца, земли, травы, цветов, живут в близи скотных дворов, любовь и эротичность слиты воедино» [5, с. 234].

Таблица 6. Песня прачек из второго действия драмы

Оригинал	Подстрочник	Перевод М. А. Гелескула
Alegría, alegría, alegría!	Радость, радость, радость	О диво, диво, диво, Круглится мое платье!
Del vientre redondo bajo la camisa!	Круглый живот под рубашкой!	О, тайна, тайна, тайна
iAlegría, alegría, alegría!	Радость, радость, радость!	из-под семи печатей!
iOmbligo, cálix tierno de maravilla!	Пуповина, кубок нежный чуда!	Беда, беда бесплодной —
iPero, ay de la casada seca!	Но, горе ей сухой замужней!	Тебе, сухое лоно, песок бездонный! [8, с. 264]
iAy de la que tiene los pechos de arena! [11, p. 44]	Горе той, чья грудь из песка!	

Повторяющиеся слова песни: "iAlegría, alegría, alegría!" («Радость, радость, радость») в переводе звучат так: «О, диво, диво, диво / О, тайна, тайна, тайна!», повторы сохраняются, но меняется семантика, вместо телесной метафоры автора, сравнения

«пуповины» с «нежным кубком», — это «тайна из-под семи печатей». Такое переводческое решение указывает на стремление передать сакральный смысл рождения как тайны, мотив жизни становится ведущим, подчеркивается важность материнства в жизни женщины. Но строки, усиливающие мотив бесплодия, завершают песню: «Беда, беда бесплодной — / Тебе сухое лоно, песок безводный!». Безводный — без воды, без жизни, Йерма уже не живет.

В собственном доме она как в тюрьме, ей запрещено выходить даже за водой: “Quiero **bebéragua** y no hay vaso ni agua, **quiero subir** al monte y no tengo pies, **quiero bordar** mis enaguas y no encuentro los hilos” [11, p. 51]. «Я хочу пить — а воды нет, я хочу в лес — а ноги не ходят, хочу вышивать — а ниток не найду» [8, c. 267]. Йермы больше не может сдерживать боль и отчаяние. Перевод близок и по смыслу, и по ритму, несмотря на некоторое сокращение. В оригинале у нее нет «ни стакана, ни воды» (*no hay vaso ni agua*), и, дословно: «нет ног» (*no tengo pies*) — Йерма не чувствует себя живой, похоронена заживо. Вода безусловно символизирует жизнь, жажда материнства для Йермы — жажда жизни. Сохраняются повторы и параллельные конструкции, а использование в переводе тире придают динамичность, высокую эмоциональность речи героини. По словам В. Ю. Силюнаса, Йерме свойственна «энергия поэтического вдохновения, сказывающаяся прежде всего в повышенной образности ее речей» [19, c. 233].

Кроткая, заботливая Йерма в начале пьесы, по словам М. И. Тамарли, постепенно за пять лет замужества превращается в «бурный поток!» [5, c. 242]. Она по-прежнему, честна, верна и послушна супругу. Но в ее душе растет ненависть, она готова разразить мужу и ее не пугает, что подумают люди, а честь для нее главная ценность. Л. С. Осповат о Йерме пишет так: «ее честь — это ее собственная жажда цельности, чистоты, правды, потребности жить, не изменяя себе и людям» [20, c. 374]. Гарсия Лорка подчеркивает цельность характера героини и верность своим убеждениям.

Йерме очень горько, невыносимо ее бесплодие на фоне цветущей и плодоносящей природы. В отчаянии она говорит Хуану: “Vivo sumisa a ti, y **lo que sufro lo guardo pegado a mis carnes**. Y cada día que pase será peor. Vamos a callarnos. **Yo sabré llevar mi cruz como mejor pueda**, pero no me pregunes nada. Si pudiera de pronto volverme vieja y tuviera la boca **como una flor machacada**, te podría sonreír y conllevar la vida contigo. **Ahora, ahoradéjame con mis clavos**” [11, p. 49–50]. «**Я тебя не обижаю, во всем слушаюсь, а горе мое — в сердце.** И с каждым днем все будет хуже. Давай лучше помолчим. **Я свой крест снесу**, только ты меня не расспрашивай. **Состариться бы поскорей, уянуть** бы, я бы тебе улыбалась и жила бы твоей жизнью. **А пока ты не трогай меня, не береди душу!**» [8, c. 266] — здесь снова возникает мотив увядания. Горе у нее не только в сердце, но “*pegado a mis carnes*” — дословно «срослось с телом».

Йерма просить не мучить, не бередить ее раны, оставшись одна, словно во сне произносит свой поэтический монолог:

Таблица 7. Монолог Йермы из второго действия драмы

Оригинал	Подстрочник	Перевод А. М. Гелескула
iAy, qué prado de pena!	Aх, что за луга из горя!	Какая пустошь горя!
iAy, qué puerta cerrada	Aх, что за дверь	А божий мир за стенами все краше!

a la hermosura!	закрытая для красоты!	Под полотном
iAy, pechos ciegos bajo mi vestido!	Aх, грудь слепая под моим платьем!	задохшиеся груди,
iAy, palomas sin ojos ni blancura!	Aх, голубки без глаз и белизны!	Две горлинки, ослепшие в неволе!
iAy, qué dolor de sangre prisionera me está clavando avispas en la nuca!	Aх, что за боль плененной крови мне ос вбивает в затылок!	О кровь моя, которую сгноили!
Pero tú has de venir, amor, mi niño, porque el agua da sal, la tierra fruta, y nuestro vientre guarda tiernos hijos como la nube lleva dulce lluvia [11, p. 53].	Но ты должен прийти, любимый мой сын, Ведь дает соль вода, земля — плоды, а наше чрево хранит детей сердечных, Как облако пресный дождь несет.	Ее стрекала, жгучие до боли! Но ты, мой сын, ты должен появиться, у моря — соль, земле расти травою, А тело нас детьми благословляет, Как облака водою дождевою [8, с. 268].

В ее монологе противопоставляются образы, связанные с мотивами жизни и смерти: земля, трава, дождевая вода и пустошь, жгучие стрекала, «засохшиеся груди». Метафора боли, что испытывает Йерма осязаема, эта физическая боль передана через телесные образы. Сравнивая «засохшую грудь», с «двумя горлинками, ослепшими в неволе, что шалеют словно кони в буреломе» переводчик меняет семантику, но воссоздает экспрессивный образ оригинала, увеличивает эмоциональный накал всего монолога, превращая его в молитвенный ритуал. Опускается и междометие «Ay!» («Ax!») характерное для песен канте хондо, но сохраняется восклицательные предложения: «Какая пустошь горя! / А божий мир за стенами все краше!», это усиливает противопоставление мотивов цветения и плодородия внешнего мира и горестного бесплодия Йермы. Мотив смерти при жизни снова звучит во фразе: «О кровь моя, которую сгноили!» (в оригинал «кровь в неволе») — подчеркивает невозможность материнского счастья без любви.

В третьем действии драмы Йерма обращается к знахарке, совершая молитву и ритуалы на кладбище, отправляется на богомолье к чудодейственной иконе Иисуса вместе с другими женщинами. Молитва Богу звучит больше в языческом ключе чем в христианском, женщины словно молят Богиню-Мать, саму землю дать им частичку ее плодородия: «В сирых рабынях затепли темное пламя земное!» — поют они.

Таблица 8. Песня паломниц из третьего действия драмы

Оригинал	Подстрочник	Перевод А. М. Гелескула
Señor, que florezca la rosa, no me la dejéis en sombre.	Господь, пусть расцветет роза, Не оставляй ее во мраке.	Боже, раскрой свою розу, Сжалься, Господь, надо мною! Желтую розу Господню

Sobre su carne marchita florezca la rosa amarilla. Y en el vientre de tus siervas la llama oscura de la tierra [11, p. 70].	Над телом ее иссохшим, Пусть распуститься желтая роза. И в чреве служанок твоих темное пламя земли.	Над бесталанной женою! В сирых рабынях затепли темное пламя земное! [8, c. 278]
---	--	---

Этой молитвенной песни противопоставлена песня ряженных, в ней описывается то, что на самом деле происходит на богомолье, где женщины встречают мужчин. Действие превращается в вакханалию с песнями и танцами ряженных, призывающую к любви чувственной, телесной.

Таблица 9. Песня ряженных из третьего действия драмы

Ay, que el amor le pone coronas y guirnaldas, y dardos de oro vivo en el pecho se clavan [11, p. 73-74].	Aх, любовь наденет короны и гирлянды, и стрелы золота живого в грудь вонзятся.	Любовью закружило завило пуще хмеля И жала золотые Под кожей онемели! [8, c. 280]
--	---	---

"Coronas y guirnaldas" в оригинале — короны/венки и гирлянды создают атмосферу веселого праздника с ярко выраженным природным началом, *corona* — это прежде всего венок из растений — символ плодородия и обновления, в переводе опущен. В разгар ритуала Йерма встречает Старуху-язычницу (Vieja Pagana). Она верит в своих богов, в силу природы и предлагает Йерме уйти к ее сыну, родить ребенка и стать счастливой. Но гордая женщина не готова пойти на обман, ребенок ей нужен только от мужа, это ее естественное право. Речь ее поэтична, возвышена, уверена. "¡Calla, calla, si no es eso! Nunca lo haría. Yo no puedo ir a buscar. ¿Te figuras que puedo conocer otro hombre? ¿Dónde pones mi honra? **EI agua no se puede volver atrás ni la luna llena sale al mediodía.** Vete. Por el camino que voy seguiré. ¿Has pensado en serio que yo me pueda doblar a otro hombre? **¿Que yo vaya a pedirle lo que es mío como una esclava?** Conóceme, para que nunca me hables más. **Yo no busco**" [11, p. 76] — говорит она Старухе-язычнице. В переводе: «**Замолчи! Я не того хочу.** Я никогда так не сделаю. **Мне чужого не надо.** Неужели ты подумала, что я способна познать другого мужчину? Что же для тебя моя честь? **Вода не течет вспять, луна не покажется в полдень.** Ступай. Я пойду, куда шла. Как ты могла подумать, что я покорюсь другому мужчине? **Я не буду вымаливать, как рабыня, то, что и так мое!**» [8, [c. 282](#)].

Сцена заканчивается разговором с Хуаном. Йерма наконец слышит его признание о том, что он никогда не желал иметь ребенка. Хрупкая женщина в отчаянии обретает неведомую силу и убивает мужа, а вместе с ним и свою мечту, повторяет: «**Marchita, marchita, pero segura.** Ahora sí que lo sé de cierto. Y sola. Voy a descansar sin despertarme sobresaltada, para ver si la sangre me anuncia otra sangre nueva. Con el **cuerpo seco** para siempre. ¿Qué queréis saber? ¡No os acerquéis, porque **he matado a mi hijo, yo misma he matado a mi hijo!**» [11, p. 77]. В переводе: «**Я увяла, зато я все знаю. Теперь я все знаю.** И никого со мной нет. Теперь отдохну, не надо просыпаться, не надо думать — а вдруг во мне новая кровь? **Тело мое засохло** навсегда. Что вы

пришли? Не подходите! Я убила своего ребенка, я сама убила своего ребенка!» [\[8, с. 284\]](#). Последняя реплика переведена точно, практически дословно. Так происходит узнавание и наступает трагический покой, как и Мать в пьесе «Кровавая свадьба» Йерма остается совсем одна. Как замечает И. А. Тертерян, в драме «Йерма» «уже не возможен катарсис (очищение), и трагедия кончается не скорбным, но благословляющим жизнь реквиемом, а обрывается на вопле Йермы о смерти и безнадежном конце. Пьеса кончается прозой, а не стихом» [\[21, с. 515\]](#). Героиня, страстно желавшая подарить жизнь, ее отнимает.

В результате проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что поэтика перевода пьесы Федерико Гарсиа Лорки «Йерма», выполненного Н. Л. Трауберг и А. М. Гелескулом близка поэтике оригинала и авторскому замыслу. В перевод создан лирический образ главной героини, раскрыт ее «испанский» характер: сильной, страстной в своем желании, честной, гордой, но бесконечно несчастной женщины. Мотивы жизни и смерти воссозданы благодаря ярким образам и интонациям народных песен особенно в поэтическом тексте. Перевод Н. Л. Трауберг и А. М. Гелескула не всегда точен, но он сохраняет трагическую экспрессию, основанную на стилистике андалузского искусства канте хондо и стремлении автора «вернуть в испанский театр трагедию».

Библиография

- Гарсиа Лорка Ф. Самая печальная радость / перевод с исп. / Сост., автор предисл. и comment. Н. Р. Малиновская. М.: Прогресс, 1987. 512 с.
- Добрев Ч. Лирическая драма. М.: Искусство, 1983. 322 с.
- Гарсиа Лорка Фр. Федерико и его мир. / пер. с исп. / Послесловие Л. Осповата; комментарий Н. Р. Малиновской. М.: Радуга, 1987. 520 с.
- Малиновская Н. Р. Самая печальная радость // Ф. Гарсиа Лорка. Избранное. Пер. с исп./Сост. Н. Р. Малиновской, А. Б. Матвеева; Предисл. Н. Р. Малиноскаой: Коммент. А. Б. Матвеева. М.: Просвещение, 1986. С. 5–20.
- Тамарли Г. И. Драматургия Федерико Гарсиа Лорки. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic, 2013. 340 с.
- Salmati, E. (2015). Bodas de sangre, Yerma y Doña Rosita la soltera. In *La casa de Bernarda Alba* (26–30). Barcelona: Editorial Planeta, S.A.
- Ванханен Н. Ю. Всегда поэзия // Иностранная литература. 2007. № 5. URL: 2007<https://magazines.gorky.media/inostran/2007/5/vsegda-poeziya.html> (дата обращения: 16.07.2024).
- Гарсиа Лорка Ф. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. Стихи, театр, проза: пер. с исп. / Редкол. А. Минин, Л. Осповат, Г. Степанов и др.; сост. и примеч. Л. Осповата. М.: Художественная литература, 1986. 479 с.
- Юнг К. Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998. 304 с.
- Гарсиа Лорка Ф. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Стихи, театр, проза: пер. с исп. / Редкол. А. Минин, Л. Осповат, Г. Степанов и др.; сост. и примеч. Л. Осповата. М.: Художественная литература, 1986. 478 с.
- García Lorca F. (2017) *Yerma. Doña Rosita la soltera*. Barcelona: Olmak Trade S.L.
- Зингерман Б. И. Очерки истории драмы XX века: Чехов, Стриндберг, Ибсен, Метерлинк, Пиранделло, Брехт, Гауптман, Лорка, Ануй / Отвеств. ред. А. А. Аникст. М.: Наука, 1979. 392 с.
- Morris Brian, C. (1995). *Yerma, abandonada e incompleta*. In C. Cuevas García, E. Buena (Eds.), *El Teatro de Lorca. Tragedía, drama y farsa (15–41)*. Malaga: Universidad de Málaga.

14. Испанская народная поэзия: Сборник. / Сост. Н. Р. Малиновская и А. М. Гелескул. М.: Радуга, 1987. 672 с.
15. Бенсуссан, А. Гарсия Лорка. М.: Молодая гвардия, 2014. 392 с.
16. Salatino de Zubiría, M. C. (2005). Yerma. Por qué poema trágico y no tragedia poética. *Revista de Literaturas Modernas*, 35, 143–161. Recuperado a partir de <https://bdigital.uncu.edu.ar/102>. (дата обращения: 17.07.2024).
17. Pinto, V. P. (2017). El símbolo del agua y el motivo de la sed en "Yerma". *Boletín De Filología*, 23, 283–304. Recuperado a partir de <https://revistaestudiospoliticaspublicas.uchile.cl/index.php/BDF/article/view/46911>(дата обращения: 16.07.2024).
18. Панова Л. Г. Испанская копла: между поговорками и книжной поэзией // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 299–307.
19. Силюнас В. Ю. Федерико Гарсиа Лорка. Драма Поэта. М.: Наука, 1989. 328 с.
20. Осповат Л. С. Гарсия Лорка. М.: Молодая гвардия, 1965. 410 с.
21. Тертерян И. А. Федерико Гарсиа Лорка // Испытание историей. Очерки испанской литературы XX века. М.: Наука, 1973. С. 365–418.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Анализ творчества Федерико Г. Лорки в отечественном литературоведении имеет определенный объем. При этом на проблему перевода исследователи также ориентируются, что вполне закономерно. Рецензируемая статья касается дешифровки поэтики пьесы Г. Лорки «Йерма» (в переводе Н. Л. Трауберг и А. М. Гелескула). На мой взгляд, выбор правомерен, автор отмечает, что «на русском языке драма «Йерма» представлена в трех переводах: А. В. Кагарлицкого и Ф. В. Кельнина (1944), Н. Л. Трауберг и А. М. Гелескула (1975) и Н. Р. Малиновской и А. М. Гелескула (1986)», «первый перевод пьесы был выполнен в 1944 г., когда о жизни и творчестве Гарсии Лорки было известно мало. Безусловно, этот перевод является ценным, он впервые познакомил русского читателя с малоизвестной в то время драматургией Лорки. Мы предпринимаем попытку анализа следующего перевода пьесы для создания более полного представления о ней в русской рецепции». Необходимый исследовательский комментарий дается развернуто и целесообразно: например, «основным принципом перевода для Н. Л. Трауберг, по ее словам, было: «сделать так, чтобы воздействие твоего текста было равно воздействию оригинала», в переводе «всегда нужно решать, чем можно пожертвовать, а чем нельзя. Есть писатели, переводя которых, нужно быть очень точным, а есть книги, где главное — воздействие. И ради этого воздействия можно делать все. Только бы воздействие твоего перевода было равно воздействию оригинала» (из интервью Н. Л. Трауберг для книги Е. Калашниковой «По-русски с любовью: Беседы с переводчиками». М.: Новое литературное обозрение, 2008). На наш взгляд, в отношении текста пьесы Лорки переводчик следует этому принципу. Трансформируя оригинал, иногда допускает неточности, но воссоздает атмосферу трагедии и образ главной героини, вместе с тем делает речь героев более динамичной, понятной читателю и доступной для сценического воплощения пьесы». Считаю, что работа имеет завершенный вид, она наукообразно, наукоемка; исследовательская позиция объективна, серьезных фактических нарушений не выявлено. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, «В переводе А. М. Гелескул

стремится не столько к точности, сколько к воссозданию экспрессии. В интервью 2008 г. А. М. Гелескул говорит, что считает перевод не ремеслом, не творчеством, но искусством: «Другое дело, всегда сомневаешься, насколько ты сам искусен. Это искусство, родственное исполнительскому, но не совсем — скорее это переложение с одного музыкального инструмента на другой. И вот что важно. Существуют переложения Баха для гитары, но при этом гитара не должна задыхаться под непосильным бременем звуков, а говорить своим голосом. Но это уже зависит от музыканта», или «Йерма готова терпеть любую боль, чтобы стать матерью, ждет, «когда тело запахнет жасмином». Жасмин — цветок любви, супружеского союза. В Андалусии — это и символ плодородия, «цветения», по которому томится Йерма. Как отмечает А. Бенсуссан «для андалузской души белый цвет жасмина с его сильным головокружительным ароматом символизирует плодородие в чистом виде» [15, с. 336]. В произведениях Лорки жасмин символизирует страсть. Здесь это страстное желание Йермы родить сына. М. К. Салатино де Субириа пишет, что «аромат жасмина, солнце и струящиеся ручьи выносят на сцену чувство Йермы, которая хочет стать матерью, не только по зову души, но и из-за неизбежного влечения инстинкта. Это таинственная сила, которая протягивает ветви к свету и заставляет плясать ручьи...» и т.д. Ссылок по тексту достаточно, формальная правка излишня. На мой взгляд, тема работы раскрывается по ходу тексту целостно и полновесно. Табличные блоки есть обобщение результатов. Термины и понятия, которые необходимы исследователю используются в режиме унификации. Уместны, на мой взгляд, и вставки оригинала пьесы, она дают возможность сопоставить первоисточник и перевод. Например, «в собственном доме она как в тюрьме, ей запрещено выходить даже за водой: "Quiero beber agua y no hay vaso ni agua, quierosubir al monte y no tengo pies, quierobordar mis enaguas y no encuentro los hilos" [11, p. 51]. «Я хочу пить — а воды нет, я хочу в лес — а ноги не ходят, хочу вышивать — а ниток не найду» [8, с. 267]. Йермы больше не может сдерживать боль и отчаяние. Перевод близок и по смыслу, и по ритму, несмотря на некоторое сокращение. В оригинале у нее нет «ни стакана, ни воды» (no hay vaso ni agua), и, дословно: «нет ног» (no tengo pies) — Йерма не чувствует себя живой, похоронена заживо» и т.д. Выводы по работе конструктивны: «В результате проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что поэтика перевода пьесы Федерико Гарсиа Лорки «Йерма», выполненного Н. Л. Трауберг и А. М. Гелескулом близка поэтике оригинала и авторскому замыслу. В перевод создан лирический образ главной героини, раскрыт ее «испанский» характер: сильной, страстной в своем желании, честной, гордой, но бесконечно несчастной женщины. Мотивы жизни и смерти воссозданы благодаря ярким образам и интонациям народных песен особенно в поэтическом тексте. Перевод Н. Л. Трауберг и А. М. Гелескула не всегда точен, но он сохраняет трагическую экспрессию, основанную на стилистике андалузского искусства канте хондо и стремлении автора «вернуть в испанский театр трагедию». Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, формат оценки перевода пьесы Ф. Г. Лорки «Йерма» дан филологически верно. Материал имеет практический характер, основные требования издания учтены. Рекомендую рецензируемую статью «Поэтика пьесы Ф. Г. Лорки «Йерма» в переводе Н. Л. Трауберг и А. М. Гелескула» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Рощина О.С. «Воображаясь героиней...»: романский дискурс в мемуарах А. Е. Лабзиной // Филология: научные исследования. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71168 EDN: OTIKEG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71168

«Воображаясь героиней...»: романский дискурс в мемуарах А. Е. Лабзиной

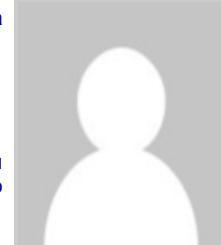
Рощина Ольга Сергеевна

ORCID: 0000-0001-9534-4436

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Новосибирский государственный педагогический университет"

630126, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

✉ roschina67@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.7.71168

EDN:

OTIKEG

Дата направления статьи в редакцию:

30-06-2024

Аннотация: Целью работы является исследование нарративного дискурса в мемуарах А. Е. Лабзиной. Говоря о воспоминаниях Лабзиной, исследователи отмечают совершенно разные особенности их архитектоники. А. Вачева, сосредотачивая внимание на изображенной героине, полагает, что мемуаристка ориентируется прежде всего на агиографический дискурс. Ю. М. Лотман, обращая внимание на пишущего автора и его способы текстопорождения, фиксирует сделанность мемуаров Лабзиной по законам художественного творчества. Что, по мнению автора статьи, обусловлено стилизацией уже не агиографического, а романного дискурса, который в мемуарах Лабзиной контаминируется с житийным. Предметом исследования в статье является «романский» пласт дискурса мемуаров Лабзиной, а именно выявление его претекста среди сентиментальных романов и механизмов транспонирования элементов поэтики художественного текста в мемуарное повествование. На основе анализа основных черт

поэтики популярных западно-европейских сентиментальных романов в сравнении с повторяющимися сюжетными ситуациями, стилистикой и способами презентации автогероини в воспоминаниях Лабзиной делается вывод о том, что претекстом мемуаров является роман С. Ричардсона «Памела или вознагражденная добродетель». Новизна работы заключается в выявлении и исследовании романного дискурса в автобиографическом нарративе Лабзиной. Имитация поэтики первого романа Ричардсона обуславливается тем, что его дискурс с многократным описанием сюжетной ситуации искушения добродетели и презентацией героини как невинной, кроткой и набожной, которую все окружающие неизменно любят, наилучшим образом оказывается способным сочетаться с агиографическим. Однако в тексте мемуаров обнаруживаются несовпадения характера и поступков реальной автогероини с идеальной заданностью романного образа. Она способна проявлять своеволие, стремится управлять мужем с помощью его непосредственных начальников, ее непросвещенность в вопросах пола в общении с другими мужчинами вызывает сомнения. Несовпадения автогероини с заданной литературной моделью порождают еще одну версию причин неоконченности ее мемуаров в силу все большей сложности соединения этих нестыкующихся элементов. Анализ нарративного дискурса мемуаров Лабзиной позволяет выявить один из векторов в процессе беллетризации автобиографического повествования в литературном процессе русской литературы второй половины XVIII – начала XIX века – самоотождествление автора мемуаров с литературным героем и стилизацию романного дискурса.

Ключевые слова:

мемуары, Лабзина, самопрезентация, автогероиня, нарративный дискурс, претекст, Ричардсон, стилизация, сюжетная ситуация, сентиментализм

Свои воспоминания Анна Евдокимовна Лабзина (1758–1828) начинает писать в 1810 году в возрасте пятидесяти двух лет. Мемуары начинаются словами «Опишу всю мою жизнь, сколько могу вспомнить» [\[4, с. 1\]](#). Однако они прерываются на полуфразе, и Лабзина успевает описать жизнь от детства до двадцати с лишним лет (точные датировки в тексте отсутствуют), т.е. примерно до середины своего первого замужества за российским естествоиспытателем Александром Матвеевичем Карамышевым.

Целью работы является исследование особенностей нарративного дискурса мемуаров Лабзиной. По определению В.И. Тюпы, нарративный дискурс (нарратив) – это коммуникативное событие взаимодействия сознаний, порождаемое речевым актом рассказывания и отличающееся от дискурсов перформативных, итеративных или медитативных тем, что репрезентирует некоторую историю, состоящую по крайней мере из одного события [\[13, с. 147\]](#).

Говоря о воспоминаниях Лабзиной, исследователи отмечают совершенно разные особенности их архитектоники. А. Вачева, сосредоточивая внимание на изображенной геройне, полагает, что «мемуары Лабзиной представляют интерес своей интроспекцией, стремлением повествовательницы показать изменения собственной личности, сохранившейся, несмотря на все испытания, воспитанные в ней с детства нравственные основы. <...> Они своего рода автожитие, рассказывающее о духовном подвиге во имя Бога» [\[1, с. 146\]](#). Однако Ю. М. Лотман, обращая внимание на пишущего автора, фиксирует иную природу текстопорождения: «создательница мемуаров стилизует себя

самое в святую, а мужа своего – в слабого душой грешника. <...> Она как бы ставит перед читателем спектакль своей жизни, властно распределяя между актерами жесты и монологи. Обилие прямой речи бросается в глаза (причем все упоминаемые ею люди говорят одним и тем же – ее собственным – языком)» [6 с. 299-302]. На наш взгляд, такой способ повествования и фокус внимания обусловлен стилизацией уже не агиографического, а романного дискурса.

Лабзина, описывая свое пребывание в доме Херасковых с 14 до 15 лет упоминает, что «еще не имела случая читать романов, да и не слыхала имени сего» [4, с. 48], и даже думала, что это имя человека, которого она никогда у Херасковых не видела. Неизвестно, с какими именно образцами жанра у нее был случай познакомиться впоследствии, но описание событий, стилистика, способы презентации автогероини очевидным образом схожи с романом С. Ричардсона «Памела, или вознагражденная добродетель», переводы которого на русский язык выходили в 1787 и 1796 годах. На наш взгляд, именно этот роман является претекстом «романного» пласта дискурса мемуаров Лабзиной.

Прежде всего, невозможно не заметить сходство основной сюжетной ситуации искушения добродетели в романе Ричардсона [9] и жизненной ситуации в мемуарах Лабзиной. И в романе, и в мемуарах описания случаев искушения добродетели героинь многократно повторяются. У Ричардсона это покушения господина Б. на часть незамужней юной Памелы, у Лабзиной – предложения мужа завести ей любовника для удовольствия или рождения ребенка и даже угрозы по поводу неисполнения этого требования. Отметим, что в романе Ричардсона «Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлоу» основные сюжетные ситуации несколько иные: поначалу Ловелас не впрямую покушается на честь героини и неоднократно вольно или невольно предлагает ей замужество, а в конце применяет насилие [10].

В некоторых местах описаний в мемуарах Лабзиной агиографический и романный дискурсы накладываются друг на друга в общем семантическом поле: родители как Памелы, так и Лабзиной описываются как исключительно благочестивые и набожные, в сложных ситуациях обе неизменно уповают на Бога, если им предоставляется возможность, занимаются благотворительностью. Помимо искушения добродетели героини проходят и другие испытания, демонстрируя добродетель смирения: Памела кратко принимает напрасные ругательства и брань своего господина в первой части романа, а героиня Лабзиной смиленно сносит пристрастия мужа к распутным девкам и картам.

Лабзина, как и Памела, постоянно говорит о всеобщем благорасположении к ней абсолютного большинства окружающих. Каждый раз, описывая новое пространство и людей в нем, она не упускает случая сказать о том, как все ее любят, о чем в разговорах с ней упоминают еще и муж, и племянник Хераскова, и сам Херасков, и губернатор Иркутска. В этой связи она не забывает упомянуть и внимание известных особ (князя Потемкина и княгини Вяземской) и то, что она принята при дворе, и даже сама императрица распоряжается, чтоб «стол и фрукты у них были» [4, с. 66].

Е. Е. Приказчикова отмечает, что для Лабзиной «средством самоидентификации становится слово “ангел”» [8, с. 200]. Стоит добавить, что окружающие постоянно называют ее еще другом, неоцененной, любезной, милой, кроткой, что вполне соответствует общесентименталистскому лексикону. При этом автогероиня Лабзиной еще несколько раз соотносит себя с принцессой. Существенно, что все эти номинации

используются у Ричардсона для презентации Памелы [9], в то время как в отношении Клариссы употребляются еще и другие маркеры – богиня, благородная душа, гордая [10], которых в тексте Лабзиной не находится.

А. Вачева и Е. Е. Приказчикова отмечают, что хотя Карамышев изображается «носителем темной силы в человеке, нечестивым искусствителем, постоянно испытывающим <...> христианские устои супруги», тем не менее мемуаристка «не отказывает ему в достоинствах, объясняя его пороки слабостью его природы» [1, с. 151]. В частности, Лабзина говорит, что Карамышев способен делиться последним с бедными; описывает, что он искренне переживает, когда она больна горячкою; доставляет ей удовольствие, за ночь устраивая сад перед новым домом; работая на Нерчинских рудниках, неизменно заботится о каторжниках [1, с. 151; 8, с. 201]. Схожим образом изображается у Ричардсона и господин Б., который несмотря на покушения на невинность Памелы и похищение все же любит ее и в конечном итоге решается на брак [9].

Сам способ повествования Лабзиной схож с сентиментальным эпистолярным романом, где повествование соседствует с большим количеством пересказанных диалогов, в которых смысловым завершением всегда остается мнение автора письма. Однако если в первом романе Ричардсона продуцируется единая точка зрения в сознаниях Памелы, ее родителей и любящей Памелу прислуги [9], то во втором романе Кларисса и Анна, а также Ловелас и Белфорд не всегда сходятся во мнениях по разным вопросам [10]. В воспоминаниях Лабзиной, как и в первом романе Ричардсона, все родственники и благодетели говорят одним языком – отец, мать, няня, тетушка, свекровь, племянник Хераскова, сам Херасков и губернатор Иркутска, которые в схожих выражениях и мыслях наставляют героиню в христианских добродетелях – смирении, терпении, непрекословии мужу, незлоречии, т.е. сокрытии от окружающих дурных поступков мужа. Так что даже если Лабзина и читала роман о Клариссе, перевод которого на русский язык вышел в 1792 году, она не использует его модель для своих воспоминаний, так же, как не использует сюжеты и поэтику «Юлии, или новой Элоизы» Руссо или романов мадам де Сталь о Дельфине и Коринне. На наш взгляд, это обусловлено тем, что сюжетные ситуации, характер и дискурс героини первого сентиментального романа, которым, по общему мнению, считается «Памела, или вознагражденная добродетель», в большей степени оказываются валентны агиографической модели повествования, которую Лабзина также использует для самопрезентации.

Многие люди в описании Лабзиной демонстрируют характерную сентименталистскую чувствительность: в тексте 51 раз встречаются словоформы глагола «плакать» в мужском или женском роде и 78 раз словоформы слова «слезы». В сентиментальных романах вообще, и в романах Ричардсона в частности,плачут, как правило, только герои, способные к подлинным душевным переживаниям, и которые тем самым демонстрируют сугубо положительные черты. И в мемуарах Лабзиной способность к слезоизлиянию присуща только ей самой и другим хорошим в ее описании людям, и даже временами мужу. Как Памела во время сильных душевных переживаний физически слабеет и находится на грани потери чувств, так и Лабзина описывает, как она занемогла после смерти матери, отъезда Херасковых в Москву и одного из предложений мужа завести любовника. Выражение глубины и остроты переживаний героев через физическую слабость и недуги также стало общим местом сентиментального романа, как и пролитие слез. Как отмечает Н. Д. Кочеткова, в сентиментализме «истинная чувствительность, неумело изображенная, тоже легко рисковала превратиться в ложную, поскольку в описаниях чувствительных сцен или характеров скоро появились

определенные стереотипы, штампы, включая знаменитые сентиментальные слезы и вздохи» [\[3, с. 255\]](#).

Е. Е. Приказчикова отмечает, что в воспоминаниях Лабзиной «“правда мемуарного факта” позволяет подкорректировать образ самой мемуаристки. Кроткая, несчастная, ангельски беззащитная в соответствии с “идеальной” заданностью своего характера, она часто допускает в тексте записок “проговорки”, благодаря которым становится очевидным, что она «хорошо разбирается в денежных расчетах и обладает решительным и твердым “уральским” характером» [\[8, с. 202\]](#). Добавим, что таких несоответствий еще достаточно много.

С одной стороны, декларируется, что Лабзина, следуя идеальному романному образу кроткой героини, всегда согласуется с чьей-то волей – матери, свекрови, мужа, наставников. С другой стороны, становится очевидным, что муж и свекровь предоставляют ей полную свободу действий, пользуясь которой героиня может заниматься, чем пожелает (читать, брать уроки рисования, гулять, наносить визиты, принимать гостей у себя), и даже проявлять своеволие, о чем свидетельствует обманный приезд на праздник в Петергоф вопреки запрету мужа и вовлечение в обманное оправдание старика Голынского и свекрови. При случае Лабзина, обращаясь к влиятельным людям, старается регулировать жизнь мужа в соответствии со своими интересами: просит окружение князя Потемкина задержать его (а вместе с ним и ее саму) подольше в Царском селе «под видом тем, что мне здесь очень весело, и для воздуху, а в самом-то деле чтоб отвести его от ненавистной мне и вредной для него компании» [\[4, с. 73\]](#). Узнав, что муж с девками поехал на Каменный остров в бани, сообщает об этом президенту берг-коллегии, который, встретив его там, отправил «мужа в корпус на две недели – делать разные пробы, куды сам ездил всякий день, но не в назначенное время – иногда поутру, иногда вечером, – то муж и не смел отлучиться» [\[4, с. 74\]](#), после чего Карамышев две недели с ней не разговаривал. В Иркутске Лабзина просит губернатора удержать мужа на целый день у себя, чтобы его племянник, предлагаемый ей в любовники, уехал. Оправдание этому поступку находится в словах губернатора, которому она все потом рассказывает: «Ты не согрешишь, ежели не будешь повиноваться воле мужа твоего в таковых случаях» [\[4, с. 100\]](#).

Также Лабзина, ориентируясь на образ пятнадцатилетней невинной Памелы, пытается представить свою героиню сходным образом. Если невинность тринадцатилетней автогероини, не понимающей, что у Карамышева связь с его племянницей, не вызывает сомнений, то «невинное» обхождение с двумя друзьями впоследствии выглядит несколько двусмысленно. «Два моих друга, один – племянник моих благодетелей, а другой – который дом купил нам, любили меня оба, <...> и сделали мне маленьнюю оранжерею, <...> словом, они старались мысли мои узнавать, только чтоб я была утешена. Я же по простоте моей не иначе их считала как братьями, – то, когда они приезжали ко мне, я с радостью бросалась к ним, обнимала их, целовала, называла самыми приятными именами, друзьями и утешителями. Они сами меня ласкали и часто, смотря на невинное мое обхождение с ними, плакали. Я же свои ласки не остерегалась им делать при свекрови и муже, когда он бывал дома, потому что они были самые чистые. Я тогда не знала другой любви и была с этой стороны счастлива и спокойна» [\[4, с. 78-79.\]](#). Невинность повзрослевшей героини в плане абсолютной непросвещенности в вопросах пола и соответствующего статусу замужней женщины поведения в этом описании не вполне согласуется с описанными ранее ситуациями выдворения Нартова из супружеской спальни, попыток отвращение мужа от общения с девками, преодоления

влюбленности в племянника Хераскова и предостережений самого Хераскова «ни с каким мужчиной не быть в тесной дружбе» [\[4, с. 48\]](#).

Несовпадения идеального романного образа кроткой и невинной героини с описанными жизненными ситуациями в мемуарах Лабзиной еще в большей степени обнаруживают само существование литературной модели, ее контуры, намеренную заданность и известную долю функциональности. Характерно, что в сохранившихся дневниковых записях за 1818 год [\[5\]](#) Лабзина, описывая события, свое физическое и душевное самочувствие, постоянно обращаясь к Богу, не использует романский дискурс. На наш взгляд, романский дискурс оказывается необходим автору мемуаров для концептуализации собственной личности и биографии. Как отмечает А. Л. Зорин, «во второй половине XVIII столетия производство “публичных образов чувствования” все в большей степени берет на себя литература. <...> Любая значимая составляющая душевной жизни образованного человека была охвачена тем или иным “образцовым” писателем, задававшим модус соответствующего эмоционального переживания и вытекающего из него поведения» [\[2, с. 44\]](#). Только в мемуарах Лабзиной осуществляется попытка соотнести уже прожитые события с литературным образцом.

Неизвестно, почему Лабзина не осуществила свой замысел полностью, хотя до смерти она еще прожила восемнадцать лет. А. Вачева полагает, что «описание “счастливого” настоящего и не входило в ее задачи. Оно противоречило бы агиографическому дискурсу» [\[1, с. 147\]](#). Однако можно предположить, что для мемуаристки брак с Александром Федоровичем Лабзиным и участие в его масонской деятельности мыслились согласно сюжету романа Ричардсона как «награждение добродетели». К тому же в судьбе Памелы и Анны Евдокимовны обнаруживается еще одно сходство: будучи замужем, Памела берет на воспитание внебрачную дочь господина Б. и Салли Годвин, а Лабзина в замужестве берет на воспитание Екатерину Микулину и Софью Мудрову [\[7, с. XVIII-XIX\]](#). На наш взгляд, в мемуарах Лабзиной осуществляется контаминация стилизаций как агиографического дискурса, так и дискурса сентиментального романа. Только с развертыванием повествования жизнь и характер автогероини все больше не укладываются в заданную литературную модель романа Ричардсона, что, возможно, и послужило одной из причин прерывания Лабзиной своих воспоминаний.

Как отмечает В. И. Тюпа, «богатый литературоведческий опыт, будучи экстаполирован на нехудожественные нарративные тексты, открывает перед их исследователями принципиально новые эвристические возможности» [\[12, с. 11\]](#). Анализ нарративного дискурса мемуаров Лабзиной позволяет выявить еще один вектор в процессе беллетризации автобиографического повествования в литературном процессе русской литературы второй половины XVIII – начала XIX века – самоотождествление автора мемуаров с литературным героями и стилизацию романного дискурса – наряду с перенесением структуры сюжетов эпических жанров в мемуарное повествование [\[11\]](#).

Библиография

1. Вачева А. Мемуары Анны Евдокимовны Лабзиной: между житием и нравоучительным трактатом // Аониды. Сборник статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2013. С. 145-153.
2. Зорин А. Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
3. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994.

4. Лабзина А. Е. Воспоминания А. Е. Лабзиной // Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1914. С. 1-109.
5. Лабзина А. Е. Дневник // Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1914. С. 113-150.
6. Лотман Ю. М. Две женщины // Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. С. 287-313.
7. Модзалевский Б. Л. Предисловие // Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1914. С. VII-XXIV.
8. Приказчикова Е. Е. Уральская масонка – «История жизни одной благородной женщины» А. Е. Лабзиной в контексте традиции русской женской мемуаристики XVIII века // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург: АМБ, 2006. С. 190-203.
9. Ричардсон С. Памела, или награжденная добродетель. Аглинская нравоучительная повесть. СПб., 1787.
10. Ричардсон С. Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов, истинная повесть. СПб., 1792.
11. Рошина О. С., Фарафонова О. А. Беллетризация сюжета автобиографии в русской мемуаристике XVIII века // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 113-122.
12. Тюпа В. И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021.
13. Тюпа В. И. Дискурс нарративный (нarrатив) // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. С. 147-148.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Воображаясь героиней...»: романный дискурс в мемуарах А. Е. Лабзиной, предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению различных видов дискурса и их языковых особенностей, в данном случае авторского биографического дискурса.

В данном исследовании автор обращается к изучению наследия Анны Евдокимовны Лабзиной (1758–1828), которая начинает писать в 1810 году свои мемуары.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основной методологией явились: интерпретативный анализ отобранного материала и др.

К сожалению, в работе автор не указывает объем практического материала отобранного для проведения исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинаящейся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что

заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что исследования на иностранных языках по данной и/ или смежной тематике, несомненно, обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории дискурса, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Воображаясь героиней...»: романский дискурс в мемуарах А. Е. Лабзиной» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зотова С.В. Прагматические возможности креолизованных текстов на примере календарей Сухопутных войск Италии // Филология: научные исследования. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71199 EDN: OSPBEY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71199

Прагматические возможности креолизованных текстов на примере календарей Сухопутных войск Италии

Зотова София Витальевна

аспирант; Кафедра итальянского языка Переводческого факультета; Московский Государственный Лингвистический Университет

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38

✉ sofiya_arsenteva@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.7.71199

EDN:

OSPBEY

Дата направления статьи в редакцию:

05-07-2024

Аннотация: В статье исследуются прагматические возможности креолизованных текстов ежегодных календарей Сухопутных войск Италии. Автор анализирует 11 номеров и около двухсот креолизованных текстов календарей за период с 2010 по 2021 гг. Объектом исследования являются ежегодные календари Сухопутных войск с креолизованным наполнением. Предметом исследования являются вербальные и иконические компоненты текста календарей. Основной целью исследования является выявление прагматических функций вербальных и иконических компонентов текста военных календарей, отражающих совокупность материальных и духовных ценностей общества. Мы рассматриваем текст календарей с позиции теории речевых актов и анализируем локутивный и иллокутивный уровни для того, чтобы сделать вывод о перлокутивном уровне, а именно достигает ли автор перлокутивного эффекта, и если да, то с помощью каких вербальных и невербальных средств происходит изменение сознания, мыслей и чувств адресата. Методологической базой исследования послужили работы по лингвопрагматике (Дж. Остин, И. М. Кобозева), теории поликодового и креолизованного текста (Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, А. А. Анисимова), мультимодального текста (Г.

Кресс, М. Палермо, М. Прада). Методы исследования включают: метод сплошной выборки, лексический анализ, сравнение и синтез результатов анализа. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые осуществляется изучение итальянского креолизованного текста в военном подъязыке. Материал исследования, корпус ежегодных печатных календарей Сухопутных войск Италии, ранее не подвергался лингвопрагматическому анализу. Лингвопрагматический анализ материала исследования, позволил изучить содержание и семантическую целостность креолизованного текста календарей Сухопутных войск Италии, а синтез – сделать общие выводы о прагматической функции его семиотически гетерогенных составляющих. И хотя сами по себе иконические и вербальные компоненты не осуществляют функцию создания имиджа, исходя из нашего исследования, мы можем сделать вывод, что в календарях с креолизованным наполнением происходит распределение прагматических функций между сообщением и картинкой, которое, в совокупном восприятии способствует созданию положительного образа армии Италии.

Ключевые слова:

итальянский язык, лингвопрагматика, креолизованный текст, поликодовый текст, мультимодальный текст, Вооруженные силы Италии, календари, прагматические возможности, вербальный компонент, иконический компонент

Введение

В условиях технологического прогресса, нестабильной внешне- и внутриполитической обстановки и развития новых каналов средств массовой информации изучение «слова как действия» становится актуальным. Сегодня информацию уже невозможно представить без визуальной составляющей. Если раньше внимание читателя мог зацепить броский заголовок газеты, то сегодня во многих источниках средств массовой информации текст сопровождается изображением, и основное внимание адресата сосредотачивается на нем.

По наблюдению Е. Н. Пищерской, именно такие тексты «отражают тенденции развития современного общества и культуры, которые характеризуются глобализацией, медиатизацией, интерактивностью, мультимодальностью» [Пищерская, 2023, с. 60]. В связи с этим, проводимые исследования в области лингвистики фокусируются не на простом, а на гетерогенном тексте. Это подразумевает, что особое внимание уделяется взаимодействию его верbalного и иконического компонентов. Следовательно, их изучение в качестве инструмента эффективного речевого воздействия на реципиента в контексте таких процессов как усовершенствование современных технологий, изменение принципов восприятия информации, включая обращение к малой форме и визуальному сопровождению, обуславливают **актуальность** исследования.

Основной целью исследования является установление прагматических функций вербальных и иконических компонентов текста военных календарей в их взаимодействии, направленном на улучшение образа итальянской армии для ее популяризации среди граждан.

Материалом исследования послужили издания за период с 2010 по 2021 год, около двухсот креолизованных текстов календарей Сухопутных войск Италии. **Методы** исследования включают: метод сплошной выборки, лексический анализ, сравнение и

синтез результатов анализа.

Вариативность номинации гетерогенных текстов

Ввиду терминологического разнообразия определений гетерогенных текстов предлагаем рассмотреть самые популярные из них и объяснить причину выбора термина *креолизованный текст*.

В связи с упором на изучение прагматического аспекта, а именно отношений взаимовлияния и взаимодополнения в тексте, мы вслед за Е. Е. Анисимовой, А. А. Бернацкой, Л. С. Большияновой, Н. С. Валгиной, И. В. Вашуниной, Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым будем использовать понятие *креолизованный*. Этот термин появился в отечественной лингвистике в 90-е годы XX века как обозначение соединения «двух разнородных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 180]. Позднее исследователями были предложены и другие определения, более точные и распространенные, но основной фокус был направлен на изучение прагматического аспекта «лингвовизуального феномена» [Анисимова, 2003, с. 17].

Однако первым в научной литературе появился термин *поликодовый* текст, авторами которого стали Г. В. Ейгер и В. Л. Юхт. Нужно отметить, что в предложенном учеными определении внимание акцентируется на множественности кодов, а не на их степени участия в тексте: «К поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка, и т.п.)» [Ейгер, Юхт, 1974, с. 107].

В подтверждение идеи о первостепенности количества кодов, приведем пример из монографии М. Б. Ворошиловой, где автор пишет, что термин *поликодовый* примиряет разнящиеся научные взгляды благодаря индифферентности понятия. При этом, по мнению ученой, он «отражает только один, центральный и основообразующий признак анализируемых текстов – поликодовость» [Ворошилова, 2007, с. 18].

В коллективной монографии Российской академии наук Института языкоznания «Креолизованный текст: Смыслоzное восприятие» термины *креолизованный* и *поликодовый* рассматриваются как синонимичные: «Называя текст “креолизованным”, мы констатируем наличие в нем разных знаковых систем, образующих неразрывное единство, сплав. [Вашунина, 2020, с. 23].

Важно отметить рассуждение М. А. Беловой, которая считает, что между понятием *креолизованный* и *поликодовый* возникают родовидовые отношения: *креолизованный* текст – это вид поликодового текста «с интерпретативной или комплементарной корреляцией элементов разной знаковой природы» [Белова, 2022, с. 6]. Таким образом, с ее точки зрения, креолизация отвечает за процесс участия гетерогенных элементов в тексте, а поликодовость – за процесс восприятия информации.

В зарубежной лингвистике распространен термин *мультимодальный*. Англоязычные авторы рассматривают его в своих трудах по социальной семиотике как визуальный, письменный, устный, жестовый или другой текст, передающий информацию с помощью разных ресурсов, которые кроме языка содержат изображения, звуки, анимацию и др. [Kress & Van Leeuwen, 1996].

Итальянские лингвисты вслед за англо-американскими исследователями используют термин *мультимодальный*. Например, исследователь из Туинского университета С.

Вердиани пишет, что для определения гибридных речевых актов, которые используют несколько знаковых систем одновременно, таких как язык, изображение, музыка и др., лингвистика прибегает к термину *мультимодальность*. Она также говорит о необходимости наличия так называемой мультимодальной компетенции у читателя для восприятия текстов данного типа, а именно «использование не только лингвистических, но и семиотических факторов в широком смысле, которые, в зависимости от обстоятельств, влияют на управление языковыми и визуальными элементами»^[1] [Verdiani, 2019, p. 264]. Следовательно, по мнению С. Вердиани, для понимания сообщения необходимо учитывать неизбежную взаимосвязь письменного текста и изображения, а также одновременно использовать многочисленные каналы восприятия.

В своей работе, посвященной традициям и инновациям изучения когнитивной лингвистики, другой итальянский исследователь К. Баццанелла вводит прагматические и функциональные принципы мультимодальной коммуникации, которые включают: принцип символичности, индексальности и иконичности. Принцип символичности относится к традиционной ассоциации формы и значения. Принцип индексальности позволяет «указывать» и ссылаться на объекты, присутствующие в нашем внимании. Принцип иконичности дает возможность представить в вербальном компоненте порядок, расстояние или количество, где порядок касается временных событий, расстояние объясняет тот факт, что концептуально связанные вещи имеют тенденцию быть схоже объяснены с лингвистической точки зрения, а понятие количества демонстрирует склонность людей ассоциировать больше формы с большим значением. Например, продление гласного *Iuuuunga storia* «предупреждает» слушателя о готовности к долгой истории. [Bazzanella 2014, p. 20].

Лингвист М. Палермо, изучая не только письменную, но и устную речь, говорит о «многослойной мультимодальности», возникающей в результате интеграции просодических или интонационных (тон, интенсивность, паузы, ритм, скорость элокуции т. е. выбора языкового выражения) и телесных или жестовых (движения различных частей тела, используемых в семиотической функции, такие как движения головы, взгляд, мимика, поза и т. д.) компонентов. Интересно отметить размышления М. Палермо о форме, размерах, ориентации в пространстве графических знаков, их расположении, портативности или неподвижности и других материальных характеристиках, которые, по мнению исследователя, представляют собой *модальности*, совместно образующие смысл высказывания [Palermo, 2022, p. 560].

М. Прада, пишет о сложных модальных текстах, которые приобретают новые формы гипертекстуальности и отличаются не столько бинарной оппозицией между мономодальностью и мультимодальностью, сколько степенью интеграции различных каналов и семиотических кодов в одном тексте [Prada, 2021, p. 231].

Таким образом, перечисленные нами авторы понимают модальность как канал восприятия информации (аудиальный, зрительный и т. д.).

Несмотря на то, что в среде отечественных исследователей отмечается тенденция применения термина *мультимодальный*, при этом подходе, текст, состоящий из письменной информации и изображения, который подлежит изучению в нашей работе, является мономодальным, так как читатель воспринимает информацию только визуально. Разные способы восприятия информации (визуальный, аудиальный каналы и т. д.) не составляют предмет данного исследования, следовательно, концепция *мультимодальности* нам не подходит.

Подробно рассмотрев приведенные выше работы, мы пришли к выводу, что при изучении степени спаянности компонентов и отношений их взаимовлияния, нам следует пользоваться термином **креолизованный текст**, в котором раскрывается степень участия разнородных элементов в сообщении.

Вербальные компоненты *CalendEsercito* как речевые акты

В соответствии с теорией речевых актов Дж. Остина (1911 – 1960), которую общепризнанно считают основополагающей теоретической концепцией лингвистической прагматики, единый речевой акт (РА) состоит из трех уровней: локутивный (в отношении к используемым средствам языка), иллокутивный (в отношении к обозначенной говорящим цели и условиям его осуществления) и перлокутивный (в отношении к воздействию, которое он оказывает на реципиента) [Кобозева, 2008, с. 222].

Представим трехуровневую структуру РА в календарях в виде таблицы:

Таблица 1

Структура речевого акта в *CalendEsercito*

Уровень РА	Чем представлен
Локутивный акт	Текстовое сообщение
Иллокутивный акт	Цель: <ul style="list-style-type: none"> - показать состояние Вооруженных сил Италии и Сухопутных войск; - способствовать улучшению отношения к Вооруженным силам Италии; - призывать молодых кандидатов на службу в Вооруженные силы Италии
Перлокутивный акт	Ожидаемое воздействие: <ul style="list-style-type: none"> - улучшение отношения к Вооруженным силам Италии и рост доверия к ним; - желание служить или выполнять альтернативные задачи на благо Вооруженных сил Италии и государства в целом

Из таблицы видно, что язык календарей решает важные задачи: сообщает о прошлом и современном состоянии Сухопутных войск и Вооруженных сил Италии в целом, побуждает адресата к знакомству с армией, уважению традиций, выражению положительного отношения к деятельности Сухопутных войск и Вооруженных сил Италии.

В нашем исследовании мы анализируем локутивный и иллокутивный уровни для того, чтобы сделать вывод о перлокутивном уровне, а именно достигает ли автор перлокутивного эффекта, и если да, то с помощью каких вербальных и невербальных средств происходит изменение сознания, мыслей и чувств адресата. Для этого рассмотрим несколько примеров из календарей Сухопутных войск Италии.

Функции вербального и иконического компонента в *CalendEsercito*

Вербальный компонент календарей выполняет несколько функций с прагматической

точки зрения: аттрактивную, информативную, нормативную, символическую и экспрессивную. Рассмотрим ниже, как реализуется каждая из этих функций.

Читатель *CalendEsercito* может получить сведения о днях недели, месяцах, праздниках, событиях, планируемых мероприятиях и других временных параметрах. Так реализуется информативная функция.

Аттрактивная функция позволяет привлечь внимание читателя, вызвать в нем интерес к прочтению текста.

Нормативная функция устанавливает порядок и правила, например, в календарях указываются государственные праздники, выходные дни, рабочие часы и т. д.

За счет символической функции вербальные компоненты могут передавать отвлеченные образы, такие как любовь к родине, патриотические настроения, гордость за свою страну и ее жителей.

С помощью экспрессивной функции автор может выразить личное отношение к предмету сообщения и воздействовать на чувства читателя. Задача адресанта – сделать так, чтобы адресат понял его эмоции, перенял и прочувствовал их, разделил их с ним.

Некоторые из приведенных выше функций реализуются и в иконическом компоненте. Е. Е. Анисимова выделяет четыре основные (аттрактивную, информативную, экспрессивную и эстетическую) и семь частных функций (символическую, иллюстративную, аргументирующую, создания имиджа, характерологическую, эвфемистическую и сатирическую) иконического компонента. [Анисимова, 2003, с. 51].

Аттрактивная функция реализуется, когда изображение становится «сильным зрительным возбудителем» и «притягивает к себе внимание адресата, вызывая в нем готовность вступить в коммуникативный акт с отправителем текста» [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 183].

Символическая функция – это возможность передать абстрактные идеи с помощью изображения. Символы календарей Сухопутных войск Италии, в большинстве случаев, несут конвенциональный характер: гербы, эмблемы, знаки отличия и различия военнослужащих. Например, голубь – это символ связи, атомный гриб – обозначение ядерного оружия.

Иллюстративная функция присуща всем изображениям календарей, кроме фоновых. Поэтому вербально переданная информация дополняется наглядными и понятными читателю образами.

Эвфемистическая функция означает, что изображение выступает в качестве эвфемизма, а именно передает визуально то, что нельзя с той же экспрессией передать в верbalной форме.

Аргументирующая функция подтверждает словесную информацию и служит визуальным доказательством.

На нескольких показательных примерах попробуем рассмотреть, какие функции реализуются в материале нашего исследования, креолизованном тексте *CalendEsercito*.

Рис.1

Первый пример взят из календаря 2018 года, посвященного столетию со дня окончания Первой мировой войны [2]. На фоне флага Королевства Италии мы видим надписи, выполненные разным кеглем. Именно так выглядели листовки, сброшенные итальянскими летчиками по инициативе известного поэта и политика Габриеле д'Аннуноцио на столицу Австро-Венгерской империи, город Вену, в 1918 г.

Красная разорванная часть напоминает языки пламени, и, в совокупности с тремя подчеркнутыми призывами увеличенного кегля, формирует иконическое выражение призыва к действию, что привлекает внимание и заставляет задуматься о временной эпохе, об образе, который порождает изображение, и о причинах его использования в тексте. Триколор, как элемент государственности, символизирует единство, грозно устремленные красные разрезы полотна говорят о готовности побороться за целостность страны.

Вербальный компонент выражен обращениями и призывами, иллокутивной функцией которых является выражение солидарности, единства и сплочения:

VIENNESI! Imparate a conoscere gli italiani. Noi volammo su Vienna, potremmo lanciare bombe a tonnellate. Non vi lanciamo che un saluto a tre colori: i tre colori della libertà. Noi italiani non facciamo la guerra ai bambini, ai vecchi, alle donne. Noi facciamo la guerra al vostro governo nemico delle libertà nazionali... VIENNESI! Voi avete fama d'essere intelligenti. Ma perché vi siete messa l'uniforme prussiana? Volete continuare la guerra? Continuatela. È il vostro suicidio. Che sperate? POPOLO DI VIENNA, pensa ai tuoi casi. Svegliati! VIVA LA LIBERTÀ! VIVA L'ITALIA! VIVA L'INTESA!

ВЕНЦЫ! Познакомьтесь с итальянским народом. Мы летим над Веной. Мы могли бы сбросить тонны бомб, но мы приветствуем вас тремя цветами: тремя цветами свободы. Мы, итальянцы, не ведем войну против детей, стариков, женщин. Мы ведем войну с твоим правительством, врагом национальной свободы... ВЕНЦЫ! Ваш народ славится умом. Но почему вы надели прусский мундир? Хотите продолжать войну? Продолжайте. Это самоубийство. На что вы надеетесь?.. НАРОД ВЕНЫ, подумай о своих делаах. Проснись! ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИТАЛИЯ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ АНТАНТА!

Восклицательные предложения с оптативной модальностью создают экспрессивный

синтаксис, который привлекает внимание читателя не только графическим оформлением, но и лексическим содержанием.

Таким образом, в данном примере мы видим сочетание аттрактивной, экспрессивной, символической и иллюстративной функции. Государственная символика, исторический образ единства и сплоченности народа в годы войны также выполняют функцию создания положительного образа Вооруженных сил Италии.

Во втором примере мы видим детский рисунок и пояснительную надпись к нему^[3]: «Мой папа всегда обо мне думает, особенно когда он далеко. Мы с братом всегда в его сердце, и я его очень люблю».

Рис. 2

Подпись к Рис.2

Лексическая и синтаксическая простота детской речи, ассиндeton, характерный для устного высказывания, дополняется такими же незатейливыми, но семантически наполненными изображениями флага, сердца, папы-военнослужащего, неба и травы. В пояснительном комментарии мы также видим наклон букв в разные стороны, имитирующий шрифт школьника.

Внутри сердца находится автор рисунка со своим братом и, благодаря пояснительному комментарию, читатель воспринимает военнослужащего как достойного семьянина, отца двоих детей с большим и любящим сердцем, а флаг Италии, нарисованный детской рукой, подтверждает принадлежность бойца к Вооруженным силам Италии. Трава и небо часто выражают идею свободы, радости и равновесия в детских изображениях.

В нашем примере символическую функцию реализуют рисунки сердец, улыбки детей и триколор, которые передают любовь и уважительное отношение детей к людям в форме, ожидание их скорейшего возвращения домой. Функцию создания имиджа реализует представление службы в Вооруженных силах детскими глазами, а также образ примерного семьянина, любящего отца и мужа, который стоит в строю и выполняет боевые задачи на благо родины.

Соответственно, мы видим сочетание аттрактивной, экспрессивной, иллюстративной и символической функции.

Заключение

Лингвопрагматический анализ материала исследования, позволил изучить содержание и семантическую целостность креолизованного текста календарей Сухопутных войск Италии, а синтез – сделать общие выводы о прагматической функции его семиотически гетерогенных составляющих.

В проанализированных примерах мы увидели сочетание аттрактивной, экспрессивной, символической и иллюстративной функций. И хотя сами по себе иконические и

вербальные компоненты не осуществляют функцию создания имиджа, исходя из нашего исследования, мы можем сделать вывод, что в календарях с креолизованным наполнением происходит распределение прагматических функций между сообщением и картинкой, которое, в совокупном восприятии способствует созданию положительного образа армии Италии, что и является основной задачей авторов текста.

[1] Здесь и далее перевод наш – С. З.

[2] CalendEsercito, 2018, р. 15.

[3] CalendEsercito, 2014, р. 5.

Библиография

1. Пищерская Е.Н. Креолизованный текст как объект изучения в лингвистике // Litera. 2023. № 5. С. 55-65. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40748 EDN: ZHCUAD URL: https://e-notabene.ru/fil/article_40748.html
2. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180-186.
3. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учебное пособие для студентов факультетов иностранных языков. М.: Академия, 2003. 128 с.
4. Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: Материалы научной конференции при МГПИИ им. М. Тореза. М., 1974. С. 24-27.
5. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. 194 с.
6. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
7. Белова М. А. Вербальные средства выражения иронии в русских креолизованных текстах: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2022. 21 с.
8. Kress, G., & Van Leeuwen, T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. New York: Routledge, 1996.
9. Verdiani, S. *Fra lingua e immagini*. Torino: Comparative Studies in Modernism, 2019.
10. Bazzanella C. *Linguistica cognitiva: un'introduzione*. Roma: Laterza, 2014.
11. Palermo M. *Testualità digitale e multimodale: osservazioni sulla struttura dei reel*. Siena: Italiano LinguaDue, 2022.
12. Prada M. *Non solo parole. Percorsi di didattica della scrittura. Dai testi funzionali a quelli multimodali*. Milano: FrancoAngeli, 2021.
13. Кобозева И. М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2008. 760 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Прагматические возможности креолизованных текстов на примере календарей Сухопутных войск Италии», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной,

ввиду рассмотрения понятия креолизации, а именно изучения текстов, которые сочетают в себе разные знаковые системы: языковые и неязыковые на материале итальянского языка.

Креолизованные тексты широко распространены в разных сферах общественной жизни, они обладают особыми свойствами и функциями, которые требуют комплексного лингвистического анализа. Данный феномен изучается на протяжение последних десятилетий в языкознании, однако существую неисследованные лакуны.

Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики на материале профессионально-ориентированного итальянского языка.

В работе автор пытается систематизировать различные научные точки зрения на исследуемую проблему как в российском, существующих так и зарубежном языкознании, а также провести классификацию креолизованных текстов.

Основной целью исследования является установление прагматических функций вербальных и иконических компонентов текста военных календарей в их взаимодействии, направленном на улучшение образа итальянской армии для ее популяризации среди граждан.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: метод сплошной выборки, лексический анализ, сравнение и синтез результатов анализа и др.

Материалом исследования послужили издания за период с 2010 по 2021 год, около двухсот креолизованных текстов календарей Сухопутных войск Италии.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. К недостаткам работы можно отнести малое количество практического языкового материала исследования, которым можно было бы проиллюстрировать выдвигаемые положения, а также отсутствие статистических данных о распространенности того или иного типа креолизованного текста. Библиография статьи насчитывает 13 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на иностранных языках. В библиографическом списке присутствуют фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по стилистике и теории языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Прагматические возможности креолизованных текстов на примере календарей Сухопутных войск Италии» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Самсонова Е.М. Редупликация образных и звукоподражательных глаголов как средство выражения кратности в якутском языке (на материале романа Н.Е. Мордина-Амма Аччыгыйа «Весенняя пора») // Филология: научные исследования. 2024. № 7. С. 117-124. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71185 EDN: OKSXON URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71185

Редупликация образных и звукоподражательных глаголов как средство выражения кратности в якутском языке (на материале романа Н.Е. Мордина-Амма Аччыгыйа «Весенняя пора»)**Самсонова Екатерина Максимовна**

ORCID: 0000-0001-7870-3097

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

677027, Россия, республика Саха (якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 301

✉ samsonova_em@mail.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.7.71185

EDN:

OKSXON

Дата направления статьи в редакцию:

03-07-2024

Дата публикации:

01-08-2024

Аннотация: Объектом исследования в данной статье являются редуплицированные формы якутских изобразительных слов и глаголов, а предметом – функциональные особенности проявления в их семантике различных оттенков кратности и повторяемости. На материале известного романа якутского писателя-классика Н.Е. Мордина – Амма Аччыгыйа «Весенняя пора» (1944) рассматриваются случаи употребления подобной лексики в художественном тексте. Структура статьи выстроена таким образом, что анализ удвоенных образных и звукоподражательных глаголов проводится по

отдельности, что вполне согласуется с принятым в якутской лингвистической традиции разграничением этих двух разрядов слов. Особое внимание при этом уделяется примерам редупликации в аналитических конструкциях, образованных путем сочетания образных (звукоподражательных) слов со служебными глаголами, и аффиксальным акциональным формам со значением кратности. Применение функционально-семантического подхода, основанного преимущественно на принципе «от формы к значению», «от средств к функциям» позволило определиться с перечнем значений кратности, выражаемых удвоенными образными и ззвукоподражательными глаголами. Практический материал извлечен путем сплошной выборки, а представлен в тексте с помощью метода поморфемного глоссирования. Новизна данного исследования заключается в рассмотрении удвоенных образных и ззвукоподражательных слов в качестве одного из основных репрезентантов функционально-семантического поля кратности. Установлено, что данные глаголы при употреблении в редуплицированном виде имеют схожие структурные и семантические характеристики. Если однократность выражается аналитическими образованиями типа «звукоподражательный (образный) корень + гын- ‘делать’ (также диэ- ‘говорить’ со ззвукоподражательными)», то редупликация компонентов данной конструкции передает значение мультипликативной множественности. В отличие от аналитических средств, семантика повторяемости у аффиксальных акциональных форм образных и ззвукоподражательных глаголов при редупликации приобретает более учащенный и интенсивный характер. Анализ текста показал, что в зависимости от объекта описания данные средства могут выполнять либо художественно-описательную функцию, либо передавать эмоциональную оценку.

Ключевые слова:

якутский язык, глагол, аспектуальность, кратность, редупликация, мультипликативность, образное слово, ззвукоподражание, аффиксация, аналитическая форма

Многие языки мира имеют специализированные или совмещенные средства для выражения количественных аспектуальных значений. Категория кратности, по аналогии с функционально-семантическим полем аспектуальности, обладает обширным планом выражения, который в зависимости от строя языка, может иметь различную структуру. Так, в тюркских языках одним из специфических репрезентантов семантики кратности является группа изобразительных (звуково-образных) глаголов, которые «...уже своей формой выражают единичное или множественное действие» [10, с. 111]. Согласно устоявшейся якутской лингвистической традиции, подобную лексику принято подразделять на два самостоятельных разряда слов. Здесь под образными словами (*дъүһүннүүр тыллар*) подразумеваются «неизменяемые слова, выражающие чувственные представления о движении, признаках предмета и внутреннем состоянии организма» [21, с. 200], ззвукоподражательные же (*тылаһы үтүктэр тыллар*) представляют собой «условное приблизительное обозначение средствами языка звуков окружающей среды» [7, с. 366]. Такая группировка, основанная на существенных отличиях их семантического содержания и морфологической структуры, лежит в основе современных научных изысканий якутоведов. Несмотря на то, что в последнее время подавляющее большинство исследований ззвукоподражательной и образной лексики являются работами сопоставительного характера [6, 9, 12, 23 и др.], другим немаловажным аспектом изучения остается рассмотрение особенностей их функционирования в качестве репрезентантов тех или иных категорий (8,14,16 и др.).

Семантический признак кратности, как отмечает В. С. Храковский, реализуется как совокупность значений однократности (единичности) и неоднократности (множественности) [17, с. 126]. Образные и звукоподражательные глаголы якутского языка являются наиболее выраженными с точки зрения соотнесенности этих двух значений. Согласно классификации семантических типов, данные средства могут считаться одним из основных лексических репрезентантов мультиплексивной множественности, состоящей из серии повторяющихся единичных квантов – семельфактивов.

Якутский язык относится к языкам, обладающим формально выраженным семельфактивом. Для обозначения единичных актов используются аналитические образования типа «звукоподражательный (образный) корень + гын- ‘делать’ (также диэ-‘говорить’ со звукоподражательными)», например, дук гын- ‘сделать резкое угрожающее движение, резко замахнуться’, хап гын- ‘моментально и энергично схватить, поймать что-л.’, даах диэ- ‘крик вороны’, лис гын- ‘однократный стук, стук падения тяжелого предмета’.

Сопряженное с ним значение мультиплексивной множественности передается практически при всех способах образования звукоподражательных и образных глаголов (аффиксация, редупликация, парные формы). Среди них в якутском языке одним из наиболее выразительных и широко используемых средств является редупликация или удвоение. Данная семантическая универсальность обладает, по мнению исследователей, наибольшей продуктивностью в агглютинативных языках, для которых «характерны полная и дивергентная редупликация корней-основ, основанная на повторении звуковой оболочки языкового знака и выступающая в качестве средства, эксплицирующего синтаксические отношения» [13, с. 71]. В якутском языке удвоение и повторение основы, как отмечает Е. И. Убрятова, главным образом используется для усиления лексического значения слова, что проявляется в виде выражения дополнительных грамматических значений [20, с. 212].

Рассмотрим подробнее структурные и семантические особенности функционирования редуплицированных слов, относящихся к каждой из указанных групп. В качестве практического материала в данной статье используется текст известного романа якутского писателя Н. Е. Мордина – Амма Аччыгыйа «Сааскы кэм» (Весенняя пора) (1944). Выбор произведения обусловлен тем, что он может считаться одним из образцовых источников для изучения указанного явления, поскольку, по мнению исследователей, характеризуется «умелым использованием образно-изобразительных средств фольклорной поэтики и устной народной речи» [1, с. 179].

1. В тексте романа представлено несколько разновидностей **редупликации образных глаголов**. Так, неоднократность образного действия выражается аналитическими глаголами, образуемыми от неизменяемых образных слов с помощью служебного глагола гын- (удвоению подвергается либо образное слово, либо служебный глагол), редупликацией моментально-однократных форм образных слов с аффиксами -с, -х, -к и акциональных форм образных глаголов.

Если конструкция «образное слово + служебный глагол гын-» служит для выражения представления о моментальном однократном движении (ибир гын- ‘слегка шевельнуться, дрогнуть’, дылыс гын- ‘прошмыгнуть, юркнуть во что-л.’ и т.п.), то при повторе собственно образных слов проявляется значение неоднократного повторения (ибир-ибир гын- ‘судорожно дергаться’) либо его выполнения множеством субъектов (дылыс-дылыс

гын- 'поочередно прошмыгнуть куда-л.'). Подобная редупликация образных слов, по мнению Л. Н. Харитонова, «представляет собой переходную ступень к понятию многократности или длительной повторяемости действия» [22, с. 152], поскольку сохраняет в себе как моментально-однократное значение, так и выражает кратковременное повторение действия.

В данной модели аналитической конструкции удвоению может подвергаться не только образное слово, но и деепричастная форма служебного глагола *гын* 'делать'. В рассматриваемом тексте преимущественно употребляется редупликация вспомогательного глагола в конструкции с неизменяемым образным словом, например, *дъик гын*, обозначающей 'вздрогнуть (от неожиданности, испуга и т.п.)' [19, с. 339].

(1)	<i>Дъахтар</i>	<i>дъик</i>	<i>гына-гына,</i>	<i>олбуорга</i>	<i>сыһынна</i> [15, с. 164]
	женщина	IMAG	AUX.V-CVB-	забор-DAT	прижаться-PAST-3SG
RED					
'Женщина, то и дело вздрагивая, прижалась к забору'.					

Удвоение служебного глагола в представленном примере, на наш взгляд, позволяет подчеркнуть длительность интервалов между актами и продолжительность всего действия, по сравнению с редупликацией самого образного слова (ср. форма *дъик-дъик гын-* подразумевает более учащенное, кратковременное движение).

Схожей семантикой обладают и случаи удвоения служебного глагола в сочетаниях с моментально-однократной формой образных глаголов, образованной при помощи аффиксов *-с*, *-х*, *-к*. Моментально-однократная форма образует семельфактив от образных глаголов, основа которых выражает нейтральные в видовом отношении признак, состояние или движение. Например, *мэтэс* от *мэтэй-* 'выдаватьсь вперед, выступать, выпячиваться (о груди)' [3, с. 420], *ыттах* от *ыттай-* (*ыртай-*) 'приподнимать уголки губ, растягивая их и слегка обнажая зубы' [5, с. 487]:

(2)	<i>Синнигэс</i>	<i>биил-инэн</i>	<i>булгуруй-уох-</i>	<i>мэтэ-с</i>	<i>гын-а-</i>
			<i>туу</i>		<i>гын-а, ...</i>
Тонкий		<i>талия-POSS3SG-</i>	<i>ломаться-</i>	<i>IMAG</i>	<i>AUX.V-</i>
		<i>INSTR</i>	<i>PCP.FUT-</i>		<i>CVB-RED</i>
			<i>ADVLZ</i>		
<i>Булочкин</i>	<i>ким-иэхэ</i>	<i>эрэ</i>	<i>утар-да</i>	[15, с. 316]	
Булочкин	кто-DAT	PRTC	возражать-PAST-3SG		
'То и дело резко подаваясь вперед, что казалось вот-вот
переломится в талии, Булочкин возразил кому-то';					

(3)	Бэхижэлэйэп	анар	дъабадыы-тын	ытта-x	гын-нар-а-
					гын-нар-а,
Веселов	половина	угол	rta-	IMAG	AUX.V-CAUS-
			POSS3SG-ACC		CVB-RED
санар-ан		дъабадыыгыра-т-ар	[15, с. 50]		
говорить-CVB		тараторить-CAUS-AOR-3SG			
'Веселов тараторит, то и дело приподнимая уголок рта'.					

Но наиболее часто удвоению подвергаются различные акциональные формы образных глаголов. Хотя аффиксальные формы подвижности (-рый, -ный), замедленности (-аарый), раздельной (-лдый, -рдаа), учащенной (-хаччый, -кыччый, - \square алдый, -гылдый)

и равномерной кратности (-*алаа*, -*халаа*) сами по себе в той или иной степени являются выразителями многократности действия, их редупликация позволяет придать более учащенный и интенсивный характер повторяющемуся действию. В тексте выступают исключительно в виде редуплицированных деепричастий на *-а/-ы*, иногда в сочетании с каузативными аффиксами.

Наиболее употребительной является удвоенная форма равномерной кратности с аффиксом *-ннаа*, обозначающая «обычную или постоянную небыструю повторяемость действия, носящую равномерный, ритмичный характер» [22, с. 156; 7, с. 298]. Например, редупликация деепричастной формы глаголов, характеризующих не только внешний вид, но и походку или выражение глаз, взгляд: *байааттанныы-байааттанныы* от *байаатта-ннаа-* (производное от *байаатын-* 'пошатываться, покачиваться от каких-л. повреждений' [18, с. 130], *чылаары-нны-чылаары-нны* от *чылаары-нна-* 'плавно водить головой, глядя по сторонам (о худощавом, небольшого роста человеке' [5, с. 258]):

(5) <i>Обус</i>	<i>утуөр-дэ</i>	<i>да,</i>	<i>байаатта-нн-ыы-</i>	<i>араччи</i>	<i>хаам-ар</i>
			<i>байаатта-нн-ыы</i>		[15, с.
138]
Бык	<i>выздороветь-</i>	CONJ	IMAG-ITER-CVB-	еле-еле	ходить-
	PAST-3SG		RED		AOR-3SG
'Бык выздоровел, но еле ходит, пошатываясь';					
(8) <i>Миитэрэй</i>	...	<i>үөр-э-</i>	<i>чылаары-нн-ыы-</i>	<i>сыгыннъахта-н-ар</i>	
		<i>көт-ө</i>	<i>чылаары-нн-ыы</i>	[15, с. 25]	
Дмитрий	<i>радоваться-</i>	CVB	IMAG-ITER-CVB-RED	раздеваться-REFL-	
				AOR-3SG	
'Дмитрий, радостно поглядывая по сторонам, начинает снимать верхнюю одежду'.					

Употребление образных глаголов, в зависимости от объекта описания, может иметь либо художественно-описательный характер, либо выражать эмоциональную оценку [14, с. 93-94]. Оба представленных примера имеют описательный характер и передают интенсивную повторяемость действия без эмоциональной оценки. Но если в примере (5) это просто характеристика походки, то в случае (6) данная глагольная форма участвует в создании портрета одного из положительных героев романа Дмитрия Эрдэлиира, «приземистого паренька со смуглым лицом и смеющимися, озорными глазами», который показан «человеком доброго нрава, веселым и умным, с врожденным артистическим дарованием» [11, с. 110].

Но чаще всего при употреблении относительно человека присутствует экспрессивный компонент «эмоциональная оценка», который обычно проявляется при изображении не очень эстетичной внешности или движений.

Подобная семантика проявляется при использовании некоторых равномерно-кратных форм в сочетании с аффиксами побудительного залога. Данная форма образных глаголов имеет, по мнению исследователей, своеобразное каузативно-переходное значение, заметно отличающееся от значения глаголов действия-состояния [7, с. 258]. Представленные ниже примеры редуплицированных образных глаголов в побудительной форме представляют собой конструкции с прямым дополнением (преимущественно наименованиями частей тела самого субъекта в притяжательной форме). Например, *уоһун* *былла-ннат-* от *быллай-* 'сильно вытягиваться, отвисать (о нижней губе)' [18, с. 708],

харабын түрүлүннат- 'смотреть, врашая белками глаз, таращить глаза' и т.п.

старик отвислый нижний губа- IMAG-ITER- думать-
POSS3SG- CAUS-CVB-RED AOR-3SG
ACC

‘Выпячивая отвислую нижнюю губу, старик раздумывает’;

- (10) Сыбаайап чан курдук харах-тарын түрүлү-нна-т-а- эт-тэ...
түрүлү-нна-т-а [15, с. 237]

Сыгаев	бронза	PRTC	глаз-	IMAG-ITER-	сказать-
			POSS3PL-ACC	CAUS-CVB-RED	PAST- 3SG

‘Тараща свои словно бронза глаза, Сыгаев сказал...’

Широко употребительны в рассмотренном тексте образные глаголы в сочетании с аффиксами совместно-взаимного залога. В данном случае, помимо выражения учащейной повторяемости, передается значение совокупной множественности с «дополнительным оттенком усиления и эмоциональной окрашенности» [7, с. 270].

(11) <i>Харах-тар-ыттан икки сурдээх бөдөн таммах-тар күн уот-угар</i>	глаз-POSS3PL-	два	очень	крупный	капля-PL	солнце	свет-
	ABL						POSS3SG-
							DAT
<i>чабылы-нна-h-a-</i>				<i>таңнары</i>	<i>мөлбөрү-h-эн</i>		<i>түс-тү-лэр</i>
<i>чабылы-нна-h-a</i>							

IMAG-ITER-COM-CVB-RED вниз течь плавно-COM-падать-PAST-
CVB 3PL
'Из глаз выкатились две огромные слезы и, переливаясь на солнце,
плавно стекли вниз'.

В передаче значений многократности участвуют также формы со значением раздельной кратности, обозначающие «повторяемость действия, при которой каждый повторяющийся элемент действия получает некоторую самостоятельность, а действие в целом представляет цепь отдельно фиксированных элементов» [22, с. 152]. Среди них своеобразной семантикой обладает форма с аффиксом -лдъый, которая придает образному глаголу значение «небыстро повторяющегося движения с оттенком особой акцентации на каждом такте или периоде повторения» [7, с. 300]. Раздельность повторения отдельных моментов движения подчеркивается, по мнению исследователей, присутствием в его составе элемента л, который придает значению моментально-однократный оттенок [22, с. 155]. Например, *куобалдъый-* от *куобай-* 'плавно наклоняться, склоняться, сгибаться' [2, с. 484]:

- (12) Эмээхсин куоба-лдыйй-а- сүрдээх эрчимнээх- чачыгыраачы күл-лэ
куоба-лдыйй-а ТИК [15, с. 160]

старуха **IMAG-ITER-** чрезвычайно энергично пронзительно смеялась:

Старуха покачивая головой, чрезвычайно энергично и пронзительно захохотала.

CVB-RED чайно PAST-3SG

‘Старуха, покачивая головой, чрезвычайно энергично и пронзительно захохотала’.

В зависимости от контекста и значения основы данные глаголы могут выражать и различные сопутствующие экспрессивные оттенки. В романе Н. Е. Мордниковым часто используется редуплицированное деепричастие *куөгэлдьийә-куөгэлдьийә* от *куөгэй* – ‘плавно качаться из стороны в сторону, колыхаться (о зыбкой поверхности чего-л.)

[\[2, с. 659\]](#):

(13)	...	куөгэ-	уу	урдээ-тэр	урдэ-эн	билгэний-эр	
		льдьий-ә-куөгэ-					[15, с. 348]
		льдьий-ә					
	IMAG-ITER-	вода	подниматься-	подниматься-	быть		
	CVB-RED	COND	CVB		наполненным		
					до краев-AOR-		
					3SG		

‘...плавно качаясь и поднимаясь все выше, вода начала заполнять до краев плотину’;

(14)	Балабан	урд-ә	куөгэ-	намта-ан	иһ-эр-гә	дылы	
			льдьий-ә-				[15, с. 66]
			куөгэ-				
			льдьий-ә				
	юрта	потолок-	IMAG-ITER-	опускаться-	AUX.V-	POSTP	
	POSS3SG	CVB-RED	CVB		PCP.PRS.-		
					DAT		

‘Показалось, что потолок юрты, плавно качаясь, начал опускаться все ниже’.

Если в примере (13) редуплицированная форма образного глагола просто характеризует более учащенное движение, то в примере (14) оно выступает как один из приемов описания внутренних переживаний главного героя романа (из-за нахождения в безвыходном положении ему кажется, что на него давит даже потолок дома и ему хочется выбежать оттуда).

2. По сравнению с образными словами, **редуплицированные звукоподражательные глаголы** в тексте рассматриваемого романа представлены менее разнообразно.

Значение однократности звукового явления, как отмечает Л. Н. Харитонов, прослеживается во всех аналитических формах, «образованных от непроизводных корневых звукоподражательных слов, воспроизводящих простейшее одиночное звучание – единицу звукового восприятия», в сочетании со служебным глаголом *гын-* и *диә-*

[\[22, с. 108\]](#): лис *гын-* ‘стукнуть, произвести однократный тяжелый стук’ (сделать лис!), *ньа* *диә-* ‘тявкнуть (сказать *ньян!*)’. Семельфактивное значение сохраняется и при формировании звукоподражательных глаголов от производных основ типа *ла* *кыр* *гын-* (от *лан*) ‘подражание звуку, возникающему при ударе твердых предметов (например, металлической посуды) друг о друга’ [\[3, с. 78\]](#), *лиһигир* *гын-* (от *лис*) ‘грохот, производимый падением тяжелого предмета на что-л. твердое’ [\[3, с. 105\]](#), поскольку «данний комплекс звуков также воспринимается как целостная единица восприятия» [\[22,](#)

[c. 108\]](#)

Как и у образных глаголов, редупликации подвергаются как аналитические формы звукоподражательного глагола, так и глаголы аффиксального образования. Удвоение (двукратное употребление одного и того же самостоятельного звукоподражательного слова) является одним из основных способов передачи повторяемости звукового явления. Например, *лис-лис* 'подражание повторному глухому тяжелому стуку', *лиһигири-лиһигир* 'повторяющийся тяжелый стук, сопровождающийся грохотом' и т.п. Семантика редуплицированных звукоподражательных слов подразумевает кратность, ограниченную в количественном отношении (звуковое явление повторяется два или несколько раз). В данном случае значение многократности становится контекстуально зависимым.

В тексте романа писателем чаще всего употребляется удвоение звукоподражательного слова в конструкциях со служебным глаголом *гын-*, например:

(15)	<i>Ийэ-лэр-э</i>	<i>уол-ун</i>	<i>көхс-үгэ,</i>	<i>санн-ыга</i>	<i>топ-</i>	<i>гын-а</i>	<i>охс-</i>
						<i>топ</i>	<i>уолаа-та</i>
[15, с. 122]							
матъ-	сын-	спина-	плечо-	SS-	AUX.V-	ударять-	
POSS3PL	POSS3SG-	DAT	DAT	RED	CVB	ITER-	
		ACC					PAST-3SG

'Их мать похлопала сына по спине и плечам'.

Редупликации подвергаются и звукоподражательные глаголы, образованные аффиксальным способом (раздельно-кратного и длительного звучания). При этом в паре семельфактив – мультиплектив у звукоподражательных глаголов семельфактивное значение первично, а мультиплективная форма производна. Так, значение однократности наиболее отчетливо прослеживается у глаголов раздельно-кратного звучания с аффиксами *-лаа(-ырбаа)*, например, *лабырлаа-*'издавать хлопающие звуки лап-лап-лап', *чыбырлаа-*'попискивать, щебетать', у которых данное значение заложено в семантике самого звукоподражательного слова, воспроизводящего простейшее одиночное звучание – единицу звукового восприятия (*лап* 'подражание звуку однократного хлопания'; *чыыл* 'подражание однократному писку' и т.п.).

Главное отличие редупликации указанных глаголов от аналитических удвоенных форм заключается в том, что здесь подразумеваются более многочисленные повторения звукового явления, производимые в течение более или менее длительного времени. В тексте чаще всего употребляются в виде деепричастий в форме побудительного или совместно-взаимного залога.

Форма раздельно-кратного звучания, служащая для обозначения «повторения одного и того же раздельно воспринимаемого звукового явления, происходящего в течение более или менее длительного времени» [\[22, с. 114\]](#), по значению более близка к глаголам повторного звучания, образуемым от удвоенных звукоподражательных слов. Например, *чаллырбаа-* 'громко, звонко чавкать' [\[5, с. 100\]](#); издавать звуки *чалк-чалк* (о падении капель жидкости или слизистой массы)' [\[21, с. 281\]](#); *тоһурбаа-* 'производить легкий отрывистый звук *тос-тос*' [Там же, с. 277]; *куллурбаа-* 'издавать глухие гортанные звуки (напр., о курах, тетеревах), токовать' [\[2, с. 459\]](#).

(16)	<i>айаб-ын</i>	<i>чаллырба-т-а-</i>	<i>ыста-ан</i>	<i>кәби-лдьий-</i>
		<i>чаллырба-т-а,</i>		э р [15. с. 101]

рот-POSS3SG- SS-ITER-CAUS-CVB-RED жевать- кивать-ITER-
 ACC CVB AOR
 'Он активно жует, громко чавкая';

(17) Бороскуобуйа холумтан-на этэрбэс-тэр-ин тумс-унан тоhурба-т-а- ...эт-тэ
 тоhурба-т-а [15, с. 121]

Прасковья шесток-DAT торбаза- носок- SS-ITER- сказать-
 POSS3PL-ACC POSS3SG- CAUS-CVB- PAST-
 INSTR RED 3SG

'Прасковья говорит, то и дело постукивая носками своих торбазов о шесток камелька (очага)';

(18) Куртуйах-тар кёт-өн тахс-ан-нар, куллурба-х-а- тыа-ба ...туh-
 куллурба-х-а эл-лэр [15, с. 143]

тетерев-PL летать- AUX.V-CVB- SS-ITER-COM- лес- падать-
 CVB 3PL CVB-RED DAT AOR-
 3PL

'Тетерева взлетают и, токуя, направляются к лесу'.

В зависимости от лексической основы и количественной характеристики актантов, может проявляться как собственно мультиплективное значение (16), так и поочередность выполнения многократного действия (17). В примере (18) множественность субъекта и употребление формы совместно-вазимного залога приводит к преобладанию в данном предложении дистрибутивной семантики.

Несмотря на то, что глаголы длительного звучания подразумевают непрерывное или слитное воспроизведение звукового явления, формы равномерно-длительного звучания с аффиксом *-кынаа* имеют некоторое семантическое своеобразие. В глаголах типа *ланкынаа-* длительность звучания может рассматриваться как мультиплективная множественность, поскольку представляет собой «слитную, волнообразную непрерывность повторяющихся длительных звуков (*лан-лан-лан...*) » [22, с. 126]. Например, повторение звука удара по металлу *тан* в глаголе *танкынаа-* 'издавать гулкий звон' [4, с. 214].

(19) Микиитэ чаанныиг- соруйан илг-иэлэ- танкына-т- ... сүүр-дэ
 ы эн а-танкына- т-а [15, с. 309]
 Никита чайник- нарочно дернуть- SS-ITER- бежать-
 ACC ITER-CVB CAUS-CVB- PAST-3SG
 RED

'Никита побежал, нарочно размахивая и звяня (пустым) чайником'.

В данном примере звукоподражательное слово выполняет не просто описательную функцию, а используется для передачи эмоционального состояния героя (он в приподнятом настроении, с живостью, свойственной молодым бежит за водой). Контекстуально продолжительность данного звукового явления ограничивается временем, необходимым для достижения конечного пункта движения – озера.

Таким образом, редупликация образных и звукоподражательных глаголов в якутском

языке представляет собой одно из специфических средств выражения семантики кратности, точнее ее мультиплекативной разновидности. Установлено, что у образной и звукоподражательной лексики соотносительность мультиплекативов с семельфактивами имеет свои особенности. Для якутского языка характерна четкая формальная выраженность семельфактивного значения: для выражения единичных актов используются такие аналитические образования как «образное (звукоподражательное) слово + гын- 'делать' (также диэ- 'говорить' со звукоподражательными)». Если редупликация первого компонента в данной конструкции передает семантику кратковременного учащенного повторения, то удвоение служебного глагола в деепричастной форме на *-а(-ы)* позволяет подчеркнуть длительность интервалов между актами и продолжительность всего действия. Наиболее часто удвоению подвергаются различные акциональные формы образных и звукоподражательных глаголов, уже сами по себе являющиеся выразителями мультиплекатива. Выступая исключительно в виде редуплицированных деепричастий на *-а/-ы*, иногда в сочетании с каузативными аффиксами, они употребляются для придания учащенного и интенсивного характера многоактному событию. При этом во всех указанных средствах прослеживается сохранение отчетливого оттенка однократности.

В художественном тексте редупликация изобразительных глаголов, в зависимости от контекста и объекта описания, может выполнять художественно-описательную функцию, либо передавать эмоциональную оценку. Так, по отношению к предметам или явлениям подобная лексика выполняет скорее описательную функцию (выделяется интенсивная повторяемость действия без эмоциональной оценки), тогда как при употреблении относительно человека чаще всего приобретает эмоционально-экспрессивный характер.

Условные обозначения в глоссах

1,2,3 – показатели первого, второго, третьего лица

ABL – исходный падеж

ACC – винительный падеж

ADVLZ – адвербиализатор

AOR – аорист, настояще-будущее время

AUX.V – вспомогательный глагол

CAUS – каузатив, побудительный залог

COM – совместно-взаимный залог; совместный падеж

COND – условное наклонение

CONJ – союз

CVB – деепричастие

DAT – дательный падеж

IMAG – образное слово

INSTR – творительный падеж

ITER – итератив, многократность

PAST – недавнопрошедшее время, прошедшее категорическое время

PCP.FUT – причастие будущего времени

PCP.PRS – причастие настояще-будущего времени

PL – множественное число

POSS – показатель принадлежности

POSTP – послелог

PRTC – частица

RED – редупликация

REFL – рефлексив, возвратный залог

SG – единственное число

SS – звукоподражательное слово

Библиография

1. Боецоров Г. К. Мастерство Н. Е. Мордина. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1973. 236 с.
2. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытыа: в 15 т. Т. IV / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытыа: в 15 т. Т. VI / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009. 518 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытыа: в 15 т. Т. X / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013. 576 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытыа: в 15 т. Т. XIV / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. 591 с.
6. Герасимова Л. Н. Особенности употребления изобразительных глаголов в якутском и алтайском эпосах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. №2(36). 9-21.
7. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.
8. Ефремов Н. Н. Образные глаголы, формирующие пространственные предложения, в якутском языке (структурно-семантический анализ) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. №3(20). С. 112-118.
9. Жиркова Е. Е. Структурные особенности образной и ономатопоэтической лексики якутского и японского языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т.6. №4. С. 51-60.
10. Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Рассадин В. И. Выражение множественности ситуаций в тюркских языках // Типология итеративных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. Л.: Наука, 1989. С. 110-122.
11. Канаев Н. П. Творчество Н. Е. Мордина. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1964. 175 с.
12. Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками): колл. монография / отв. ред. С. М. Прокопьева. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. 196 с.
13. Крючкова О. Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкоznания. 2000. №4. С. 68-84.

14. Николаева А. М. Средства выражения экспрессивности в якутском языке. Новосибирск: Наука, 2014. 132 с.
15. Мординов Н. Е.-Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм (Весенняя пора). Якутск: Бичик, 1994. 368 с.
16. Сивцева Н. А. Аффиксальные формы звукоподражательных глаголов как средства выражения категории определенности-неопределенности в якутском языке // Вопросы гуманитарных наук. 2015. №3(78). С. 74-75.
17. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Под ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 348 с.
18. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быhaарылаах тылдытыа: в 15 т. Т. II / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. 910 с.
19. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быhaарылаах тылдытыа: в 15 т. Т. III / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. 841 с.
20. Убрытова Е. И. Удвоение основы слова в якутском языке // Вопросы грамматики: Сб. ст. к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 211-222.
21. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л.: АН СССР, 1954. 312 с.
22. Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.; Л.: АН СССР, 1960. 179 с.
23. Шамаева А. Е., Слепцова О. Д. Образные глаголы, характеризующие фигуру человека в якутском языке в сопоставлении с их параллелями из монгольского языка // Мир науки, культуры, образования. 2020. №6(85). С. 553-555.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область данной работы не так объемно представлена в массе критических источников. Тема исследования направлена на дешифровку редупликация образных и звукоподражательных глаголов в якутском языке. Считаю, что выбранный ракурс вполне научообразен, конструктивен, интересен. Как отмечает автор в начале своего труда, «многие языки мира имеют специализированные или совмещенные средства для выражения количественных аспектуальных значений. Категория кратности, по аналогии с функционально-семантическим полем аспектуальности, обладает обширным планом выражения, который в зависимости от строя языка, может иметь различную структуру. Так, в тюркских языках одним из специфических репрезентантов семантики кратности является группа изобразительных (звуково-образных) глаголов, которые «...уже своей формой выражают единичное или множественное действие», «якутский язык относится к языкам, обладающим формально выраженным семельфактивом. Для обозначения единичных актов используются аналитические образования типа «звукоподражательный (образный) корень + гын- 'делать' (также диэ- 'говорить' со звукоподражательными)», например, дук гын- 'сделать резкое угрожающее движение, резко замахнуться', хап гын- 'моментально и энергично схватить, поймать что-л.', даах диэ- 'крик вороны', лис гын- 'однократный стук, стук падения тяжелого предмета」. То есть рассмотрение представленной темы вполне закономерно и оправдано. Работа имеет цельно организованный вид, ее структурные компоненты выверены, серьезных фактических неточностей не выявлено. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом, например, «рассмотрим подробнее структурные и семантические особенности функционирования редуплицированных слов, относящихся к каждой из указанных групп.

В качестве практического материала в данной статье используется текст известного романа якутского писателя Н. Е. Мординова - Амма Аччыгыйа «Сааскы кэм» (Весенняя пора) (1944). Выбор произведения обусловлен тем, что он может считаться одним из образцовых источников для изучения указанного явления, поскольку, по мнению исследователей, характеризуется «умелым использованием образно-изобразительных средств фольклорной поэтики и устной народной речи» и т.д. Иллюстративный фон достаточен, расширение этого уровня излишне. Например, «но наиболее часто удвоению подвергаются различные акциональные формы образных глаголов. Хотя аффиксальные формы подвижности (-рый, -ный), замедленности (-аарый), раздельной (-лдый, -рдаа), учащенной (-хаччый, -кыччый, - \square алдый, -гылдый) и равномерной кратности (- \square алаа, - \square халаа) сами по себе в той или иной степени являются выразителями многократности действия, их редупликация позволяет придать более учащенный и интенсивный характер повторяющемуся действию. В тексте выступают исключительно в виде редуплицированных деепричастий на -а/-ы, иногда в сочетании с каузативными аффиксами» и т.д. Считаю, что стиль имеет явные приметы аналитики: «В данном примере звукоподражательное слово выполняет не просто описательную функцию, а используется для передачи эмоционального состояния героя (он в приподнятом настроении, с живостью, свойственной молодым бежит за водой). Контекстуально продолжительность данного звукового явления ограничивается временем, необходимым для достижения конечного пункта движения – озера». Тема работы раскрыта, цель достигнута. Итогом автор тезириует, что «В художественном тексте редупликация изобразительных глаголов, в зависимости от контекста и объекта описания, может выполнять художественно-описательную функцию, либо передавать эмоциональную оценку. Так, по отношению к предметам или явлениям подобная лексика выполняет скорее описательную функцию (выделяется интенсивная повторяемость действия без эмоциональной оценки), тогда как при употреблении относительно человека чаще всего приобретает эмоционально-экспрессивный характер». Основные требования издания учтены, список источников достаточен. Считаю, что статью «Редупликация образных и звукоподражательных глаголов как средство выражения кратности в якутском языке (на материале романа Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа «Весенняя пора»)» можно рекомендовать к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Зенков А.В., Зенков М.А., Зенков Н.А. Пелевин vs Сорокин: опыт стилометрического сопоставления // Филология: научные исследования. 2024. № 7. С. 130-136. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71169 EDN: OLBCPG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71169

Пелевин vs Сорокин: опыт стилометрического сопоставления**Зенков Андрей Вячеславович**

ORCID: 0000-0002-1233-9082

кандидат физико-математических наук

доцент; кафедра "Моделирование управляемых систем"; Уральский федеральный университет
620002, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, оф. 434

zenkow@mail.ru**Зенков Мирослав Андреевич**

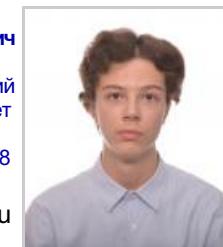
магистр; институт Радиотехники и информационных технологий; Уральский федеральный
университет

620100, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, 88

zenkow@mail.ru**Зенков Николай Андреевич**

бакалавр; институт цифровых технологий управления и информационной безопасности; Уральский
государственный экономический университет

620100, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, 88

zenkow@mail.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.7.71169

EDN:

OLBCPG

Дата направления статьи в редакцию:

30-06-2024

Дата публикации:

01-08-2024

Аннотация: Настоящее исследование относится к квантитативной лингвистике. Рассмотрено применение нового количественного метода изучения авторского стиля литературных текстов. Метод основан на компьютерном анализе статистики числительных, встречающихся в текстах. Среди знаменательных частей речи именно числительные по своей природе наиболее легко поддаются количественному учёту. Применительно к художественному тексту, порожденному свободной фантазией, естественно предположить, что употребление числительных связано с психологическими особенностями автора, влияющими на результат творчества. Следовательно, манера использования числительных – это авторская особенность, позволяющая решать проблему авторства текста, изучать жанровые и стилистические особенности. Результаты анализа статистики числительных инвариантны относительно перевода текста на другой язык. Это позволяет при недоступности оригинального текста на данном языке воспользоваться его доступным переводом, а также количественно сопоставлять тексты авторов, творивших на нескольких языках. В нашем анализе учитываются количественные и порядковые числительные, выраженные как цифрами, так и словесно в разных словоформах. Компьютерная программа автоматически убирала из текста фразеологизмы и устойчивые сочетания, случайно содержащие числительные. Предварительно текст вручную очищается от числительных, не связанных с авторским художественным замыслом (пагинация, номера глав и т.п.). Впервые выполнен формальный количественный стилометрический анализ художественных произведений В.О. Пелевина и В.Г. Сорокина, в литературном стиле которых в рамках традиционного описательного филологического подхода находят немало общего. Для проверки методологии дополнительно включены в рассмотрение тексты четырёх подставных авторов. Обнаружено, что тексты Пелевина и Сорокина существенно различаются по использованию числительных. Полученные данные о встречаемости числительных в текстах подвергнуты иерархической кластеризации, правильно разделившей тексты в соответствии с авторством. Поскольку результаты применения кластерного анализа могут существенно зависеть от выбора метрики и метода кластеризации, а строго обосновать их выбор невозможно, испробованы различные разумные комбинации метрики и метода кластеризации. Оказалось, что при этом дендрограмма меняется лишь незначительно. Таким образом, результаты кластеризации оказались достаточно устойчивыми. Предложенный новый метод квантитативной лингвистики, основанный на анализе встречаемости числительных в (авторских) литературных текстах, способен успешно решать задачи стилометрии, связанные, в частности, с атрибуцией текстов.

Ключевые слова:

стилометрия, квантитативная лингвистика, атрибуция текстов, авторство текстов, числительные в тексте, Виктор Пелевин, Владимир Сорокин, иерархический кластерный анализ, дендрограмма, манхэттенская метрика

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-28-00750, <https://rscf.ru/project/23-28-00750/>, проект «Разработка нового метода стилометрии на основе статистики использования числительных в авторских текстах».

1. Введение

Неизменное на протяжении многих лет ежегодное появление очередного романа Виктора Пелевина (к настоящему времени это *Путешествие в Элевсин*, 2023) стимулирует внимание читающей публики и литературной критики [1–6] к этому своеобразному типу социально-метафизического фэнтези, в котором смешное и пародийное соседствуют с черным юмором и абсурдистскими сюжетными поворотами, а меткие бытовые наблюдения – с элементами оккультизма и сюрреализма. Пелевина сравнивали с такими мастерами социально-метафизического фантастического жанра, как Гоголь, Кафка и Борхес, а в последние десятилетия многие ценят его как писателя, уловившего дух времени и обладающего даром предвидения. Интерес к личности Пелевина подогревается практически полной закрытостью его частной жизни, подобно «великим затворникам» Д. Сэлинджеру и Т. Пинчону. Это даже порождало слухи о том, что писателя вообще не существует, а под маркой «Пелевин» работает группа авторов; с другой стороны, в текстах других авторов видят скрытое авторство Пелевина (см. ниже).

Перечисленные художнические особенности в значительной степени свойственны и творчеству Владимира Сорокина, которого, наряду с Пелевиным, считают одной из двух звезд русской постмодернистской литературы, находящихся в непрерывном негласном противостоянии [6–11]. Не только на низовом читательском уровне, но и в литературной критике тексты этих двух авторов нередко рассматриваются совместно.

Не претендуя на литературно-критический анализ творчества Пелевина и Сорокина, мы в настоящей работе применим формальный квантиативный подход к их текстам, что, насколько нам известно, ещё ни кем не делалось.

Стилометрия (и более широко понимаемая квантиативная лингвистика) – количественное изучение авторских особенностей текстов, в т.ч. для их атрибуции – до настоящего времени не имеет вполне удовлетворительного универсального рабочего метода [12, 13]: анализируются частоты встречаемости в текстах знаменательных частей речи и служебных слов (предлоги, союзы), средние длины слов и предложений; в паре анализируемых текстов сравниваются самые часто встречающиеся слова и даже буквосочетания (как ни странно, последний подход часто даёт неплохие результаты). К сожалению, разные методы часто приводят к противоречивым выводам, поэтому более надёжно совместное использование нескольких методов.

Перспективные результаты получены с помощью нейронных сетей, а вскоре, по-видимому, искусственный интеллект сможет успешно решать задачи квантиативной лингвистики [14], но содержательная интерпретация результатов при таком подходе затруднительна, поскольку сам метод является «чёрным ящиком».

Нами разработан оригинальный стилометрический метод анализа авторских текстов, основанный на учёте использования авторами числительных в их текстах [15, 16]. Среди знаменательных частей речи именно числительные по своей природе наиболее легко поддаются количественному учёту. Применительно к художественному (не жёстко фактографическому) тексту, порожденному свободной фантазией, естественно предположить, что употребление числительных связано с психологическими особенностями автора, незаметно для него самого влияющими на результат творчества. Следовательно, манера использования числительных – это авторская особенность (*fingerprint*), позволяющая при определённых обстоятельствах решить проблему авторства текста.

Заметим также, что, в отличие от всех перечисленных выше методов, именно статистика использования числительных инвариантна относительно перевода текста на другой язык.

Это позволяет при недоступности оригинального текста на данном языке воспользоваться его доступным переводом, а также количественно сопоставлять тексты авторов, творивших на нескольких языках (А. Стриндберг, С. Беккет, В. В. Набоков, ...).

Анализ произведений нескольких десятков авторов на русском, чешском, английском языках обнаружил ощущимые авторские особенности употребления числительных в текстах, влияние на них жанра, стиля, художественного направления [17–22]. Таким образом, результаты анализа допускают содержательное филологическое истолкование.

В данной работе мы проанализируем с точки зрения использования числительных основные литературные произведения В. О. Пелевина и В. Г. Сорокина, а также некоторые другие тексты, которые будут привлечены к рассмотрению ради надёжности получаемых результатов.

2. Метод и объекты исследования

Использовалась компьютерная программа, отыскивающая в русскоязычном тексте числительные, выраженные как цифрами (числа), так и словесно в разных словоформах [22]. Поиск основан на сличении слов текста со словарной базой из словаря *M. Хаген – Полная парадигма. Морфология. Частотный словарь. Совмещенный словарь* (<http://speakrus.ru/dict2/#morph-paradigm>). Программа автоматически убирала из текста фразеологизмы и устойчивые сочетания, случайно (без авторского замысла) содержащие числительные (как свои пять пальцев, за семью замками, ...).

Предварительно из текста вручную удалялись номера страниц, глав, перечисления 1), 2), 3), ... и т.п.

Мы проанализировали некоторые наиболее объёмные произведения Пелевина и Сорокина, представленные в табл. 1. На выбор авторских текстов для анализа повлияла их доступность для свободного скачивания в сети Интернет, а также их непринадлежность (на момент подготовки настоящей работы) к проскрипционным спискам.

3. Результаты

Для каждого текста вычислена обратная плотность числительных как результат деления объёма текста на количество найденных в нём числительных. Чем меньше обратная плотность, тем чаще в тексте встречаются числительные.

Уже сравнение обратных плотностей числительных обнаруживает существенное различие между произведениями Пелевина (№1–15 в табл. 1) и Сорокина (№16–22): средние обратные плотности различаются на треть; в текстах Сорокина числительные используются чаще (детализация больше). При этом по размаху колебаний обратной плотности в проанализированных текстах (отношение максимальной и минимальной плотности: в 1,6 и 2,2 раза в текстах Пелевина и Сорокина, соответственно) манера использования числительных более единообразна у Пелевина.

Ещё определённее различие в употреблении числительных двумя авторами видно при использовании иерархического кластерного анализа [23], объединяющего объекты (здесь: тексты) в кластеры по принципу подобия – в нашем случае схожести абсолютных частот встречаемости числительных 1, 2, 3, ..., 10 в текстах (эти числительные присутствуют без исключения во всех проанализированных текстах). Поскольку тексты существенно различаются по объёму (см. табл. 1), для сопоставимости частот мы ввели

поправочные коэффициенты, выбрав в качестве эталонного текста для сравнения *S.N.U.F.F.* Пелевина. Поэтому, например, частоты для *Generation П* пришлось умножить на $1\ 285\ 434 / 832\ 755 = 1,54$, а для *Дня опричника* – на $1\ 285\ 434 / 414\ 628 = 3,10$.

Как известно, мерой сходства в кластерном анализе является метрика ρ («расстояние»): чем меньше «расстояние» между объектами, тем больше сходство между ними. Мы применили манхэттенскую метрику

$$\rho(\mathbf{x}, \mathbf{y}) = \sum_i^n |x_i - y_i| , \quad (1)$$

где \mathbf{x} и \mathbf{y} – n -мерные векторы, компонентами которых являются исправленные абсолютные частоты первых n натуральных чисел в двух анализируемых текстах (здесь $n = 10$).

В процессе кластеризации использован метод дальнего соседа (Complete linkage method) [24], который приводит к образованию компактных, чётко очерченных кластеров.

Исследованные тексты идеально распределились по кластерам в соответствии с авторством (рис. 1). Суперкластеры текстов Пелевина и Сорокина сливаются на большой высоте, что снова подтверждает большие различия между текстами двух авторов. Заметим, что это делает сомнительной маргинальную точку зрения о группе авторов, пишущих под маркой «Пелевин».

В современной стилометрии принята точка зрения, что при сравнении текстов двух конкретных авторов доказательную силу об их сходстве/различии будет иметь лишь анализ, в котором изучаемые тексты «разбавлены» текстами подставных авторов (т.н. *impostors* – «самозванцы») [25]. Следуя этим идеям, мы ввели в рассмотрение добавочные литературные тексты (см. табл. 2) и заново провели кластеризацию (рис. 2).

Несколько выводов, следующих из табл. 2 и рис. 2:

- Добавочные тексты также кластеризовались в соответствии с авторством;
- Написание произведения совместно двумя авторами (О. Робски, К. Собчак – №4 в табл. 2) делает его непохожим на тексты только одного из авторов (О. Робски – №2, 3 в табл. 2) и заставляет кластеризоваться отдельно – дополнительный аргумент в пользу предположения о числительных как авторском инварианте;
- Тексты Пелевина и Сорокина по-прежнему никогда не попадают в один кластер низкого уровня, что подкрепляет сделанный выше вывод о существенных различиях между текстами двух авторов.

Отдельного рассмотрения требует произведение «Околоноля» – литературная мистификация, опубликованная в 2009г. под псевдонимом «Натан Дубовицкий». В спорах об авторстве в качестве возможных авторов назывались, в частности, В. Сорокин и В. Пелевин. В российских и зарубежных СМИ делалось предположение, что роман написан российским политическим деятелем Владиславом Сурковым. Сам он противоречиво высказывался по этому поводу. К настоящему времени его авторство считается признанным [26].

Что показывает наш анализ с точки зрения статистики числительных? Обратная плотность числительных для данного текста находится посередине между средними значениями для текстов Пелевина и Сорокина (табл. 2); на дендрограммах (рис. 2, 3) «Околоноля» не входит в кластер низкого уровня с каким-либо произведением этих авторов. Гипотезы о

Пелевине или Сорокине как предполагаемых авторах не принимаются. Разумеется, тем самым не доказывается авторство Суркова, но мы не располагаем каким-л. добавочным его литературным текстом для исследования этого вопроса.

Как известно, выбор метрики и метода кластеризации невозможно строго обосновать; между тем, они способны существенно повлиять на результаты кластеризации. Мы провели кластеризацию текстов тех же авторов, что и на рис. 2, но используя не метод дальнего соседа, как в предыдущей попытке, а метод межгрупповых связей (Group average method, Between-groups linkage) [24], по-прежнему с манхэттенской метрикой (рис. 3). В нашем случае результаты оказались достаточно устойчивыми; все выводы сохраняют свою силу. Другие разумные комбинации метрики и метода кластеризации также лишь незначительно меняют дендрограмму.

Таблица 1**Встречаемость числительных в исследованных произведениях**

№	Автор, текст, год публикации	Объём (байты, кодировка UTF)	Количество числительных	Обратная плотность числительных
1	Пелевин, <i>Синий фонарь</i> (рассказы), 1991	1 245 806	1152	1081
2	Пелевин, <i>Чапаев и Пустота</i> (роман), 1996	1 075 941	665	1618
3	Пелевин, <i>Generation П</i> (роман), 1999	832 755	753	1106
4	Пелевин, <i>Македонская критика французской мысли</i> (повесть), 2007	675 550	582	1161
5	Пелевин, <i>Зал поющих кариатид</i> (сочинения), 2008	230 693	218	1058
6	Пелевин, <i>t</i> (роман), 2009	1 110 851	706	1573
7	Пелевин, <i>Ananasная вода для прекрасной дамы</i> (сочинения), 2010	795 699	583	1365
8	Пелевин, <i>S.N.U.F.F.</i> (роман), 2011	1 285 434	893	1439
9	Пелевин, <i>Любовь к трём цукербринам</i> (роман), 2014	1 059 056	698	1517
10	Пелевин, <i>Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами</i> (роман), 2016	1 002 303	762	1315
11	Пелевин, <i>iPhuck 10</i> (роман), 2017	1 007 765	909	1109
12	Пелевин, <i>Тайные виды на гору Фудзи</i> (роман), 2018	986 624	844	1169
13	Пелевин, <i>Непобедимое Солнце. Книга I</i> (роман),	670 911	477	1407

2020				
14	Пелевин, <i>Transhumanism Inc.</i> (роман), 2021	1 217 515	887	1373
15	Пелевин, <i>Путешествие в Элевсин</i> (роман), 2023	909 633	541	1681
Средняя обратная плотность числительных по пятнадцати текстам Пелевина:			1322	
16	Сорокин, <i>Сердца четырех</i> (роман), 1991	448 680	681	659
17	Сорокин, <i>Пир</i> (Сб. рассказов), 2000	932 711	1242	751
18	Сорокин, <i>Лёд</i> (роман), 2002	697 517	818	852
19	Сорокин, <i>День опричника</i> (повесть), 2006	414 628	381	1088
20	Сорокин, <i>Метель</i> (повесть), 2010	430 967	296	1456
21	Сорокин, <i>Теллурания</i> (роман), 2013	868 261	829	1047
22	Сорокин, <i>Доктор Гарин</i> (роман), 2021	1 295 466	981	1320
Средняя обратная плотность числительных по семи текстам Сорокина:			973	

Таблица 2

Встречаемость числительных в текстах подставных авторов

№	Автор, текст	Объём (байты, кодировка UTF)	Количество числительных	Обратная плотность числительных
1	«Натан Дубовицкий», <i>Околоноля</i>	573 376	505	1135
2	О. Робски, <i>Casual</i>	649 060	608	1068
3	О. Робски, <i>Про ЛЮБOff /оп</i>	502 168	490	1025
4	О. Робски, К. Собчак, <i>Zамуж за миллионера или брак высшего сорта</i>	381 724	342	1116
5	Э. Веркин, <i>Облачный полк</i>	741 749	584	1270
6	Э. Веркин, <i>Друг апрель</i>	758 194	715	1060

4. Выводы

Разрабатываемый нами новый подход к задачам стилометрии, основанный на анализе статистики числительных в текстах, при всей его простоте, демонстрирует высокую эффективность и чувствительность. Тексты В. О. Пелевина и В. Г. Сорокина, сравнительный анализ которых выполнялся до сих пор лишь в рамках традиционного описательного филологического подхода, впервые подвергнуты формальному количественному анализу, правильно распределившему тексты согласно авторству. Обнаружены значимые авторские различия в манере использования числительных.

Привлечение для анализа текстов сторонних авторов (*impostors*) усиливает значимость полученного результата и подтверждает его неслучайный характер. Метод пригоден для атрибуции текстов.

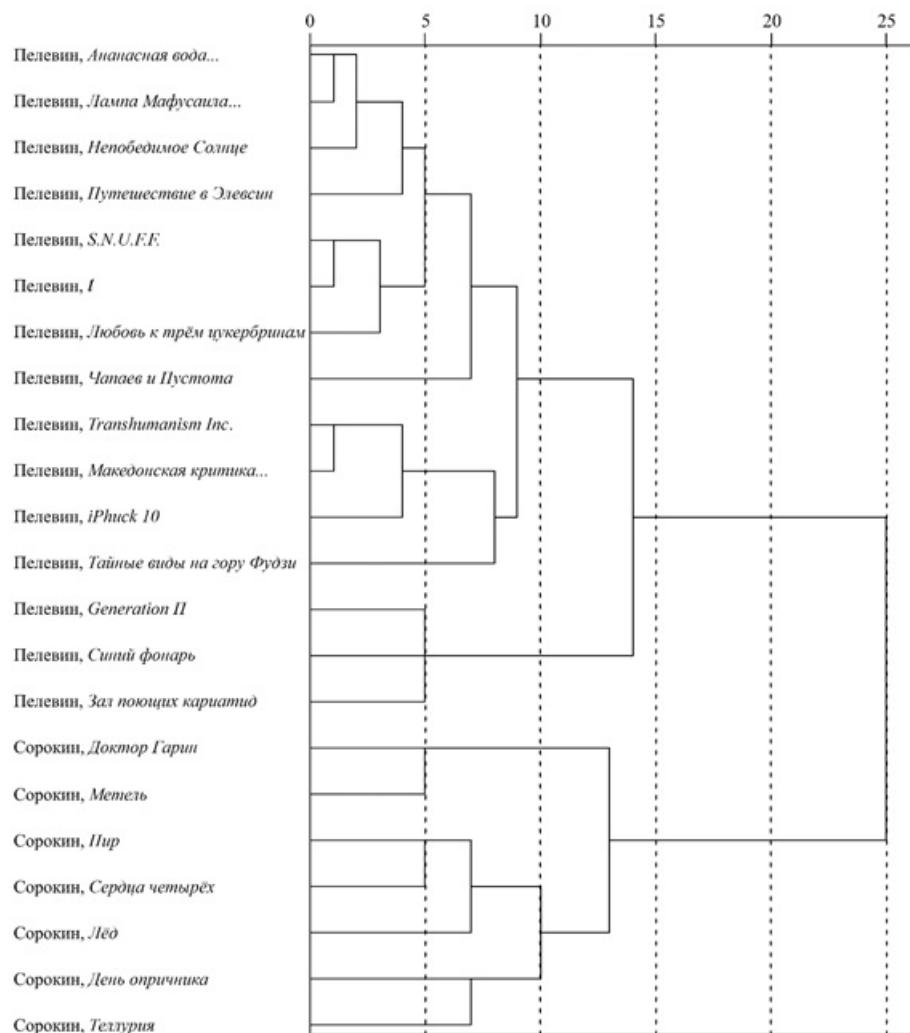

Рисунок 1 – Результат применения иерархического кластерного анализа к текстам В. О. Пелевина и В. Г. Сорокина (при кластеризации использованы метод дальнего соседа, манхэттенская метрика). По горизонтальной оси указано «расстояние» в произвольных единицах

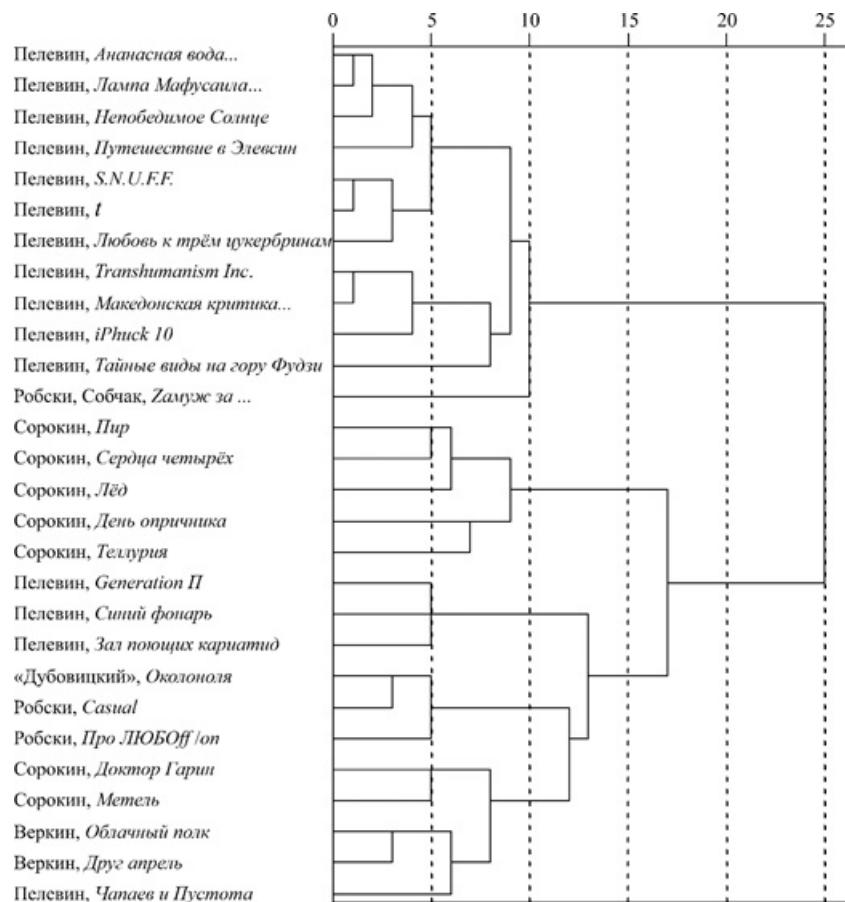

Рисунок 2 – Результат применения иерархического кластерного анализа к текстам В. О. Пелевина и В. Г. Сорокина с добавлением текстов посторонних авторов (при кластеризации использованы метод дальнего соседа, манхэттенская метрика). По горизонтальной оси указано «расстояние» в произвольных единицах

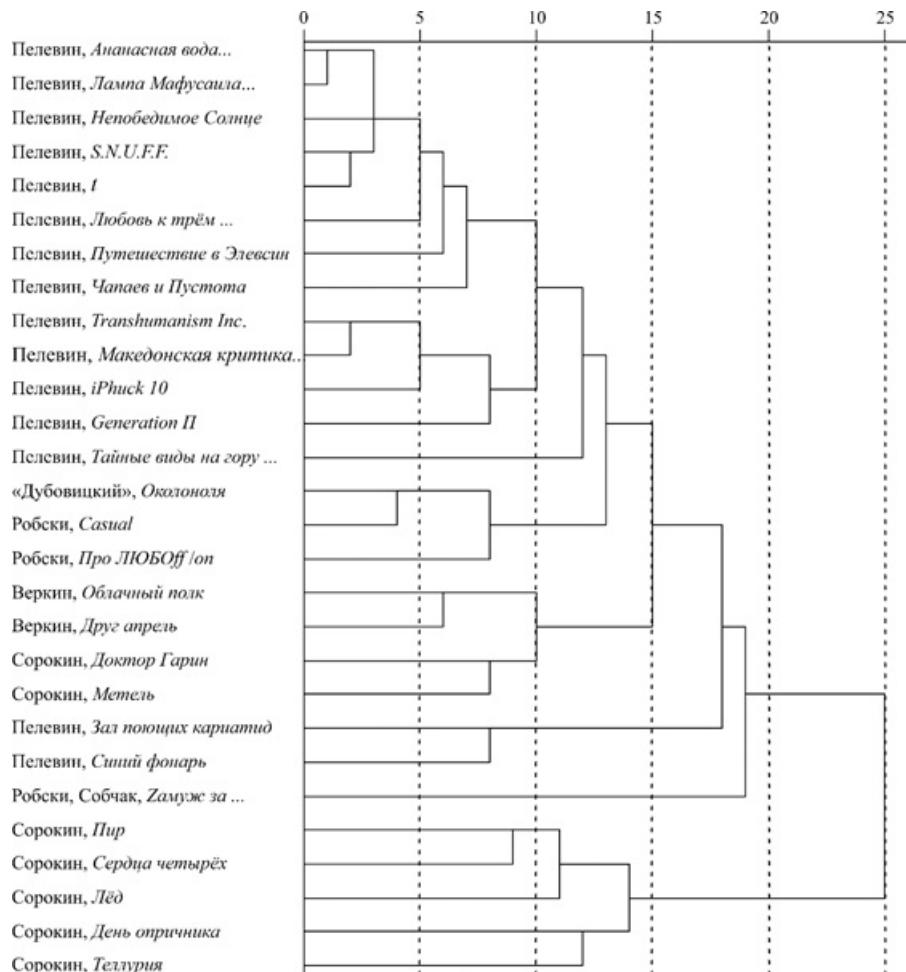

Рисунок 3 – Результат применения иерархического кластерного анализа к текстам В. О. Пелевина и В. Г. Сорокина с добавлением текстов посторонних авторов (при кластеризации использованы метод межгрупповых связей, манхэттенская метрика). По горизонтальной оси указано «расстояние» в произвольных единицах

Библиография

1. Богданова О.В. Литературные стратегии Виктора Пелевина / О.В. Богданова, С.А. Кибальник, Л.В. Сафонова. СПб.: Петрополис, 2008.
2. Полотовский С. Пелевин и поколение пустоты / С.А. Полотовский, Р.В. Козак. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012.
3. Шилова Н.Л. Визионерские мотивы в постмодернистской прозе 1960–1990-х годов (Вен. Ерофеев, А. Битов, Т. Толстая, В. Пелевин) / Н.Л. Шилова. Петрозаводск: Изд-во Карельской гос. пед. академии, 2011.
4. Khagi S. Alternative Historical Imagination in Viktor Pelevin // Slavic and Eastern European Journal. 2018. No. 62(3). Pp. 483–502.
5. Хаги С. Пелевин и несвобода: Поэтика, политика, метафизика. М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 392 с. ISBN: 978-5-4448-1967-8.
6. Ланин Б.А. Новая старая литературократия: Сорокин и Пелевин в борьбе с традициями // Ценности и смыслы. 2015. № 40(6). С. 110–123.
7. Богданова О.В. Концептуалист, писатель и художник Владимир Сорокин. СПб.: СПбГУ, 2005.
8. Андреева Н.Н., Биберган Е.С. Игры и тексты Владимира Сорокина / Н.Н. Андреева, Е.С. Биберган. СПб.: Петрополис, 2012.
9. Марусенков М.П. Абсурдопедия русской жизни Владимира Сорокина: Заумь, гротеск и абсурд / М.П. Марусенков. СПб.: Алетейя, 2012.

10. Биберган Е.С. Рыцарь без страха и упрёка: Художественное своеобразие прозы Владимира Сорокина / Е.С. Биберган. СПб.: Петрополис, 2014.
11. «Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы / И.А. Калинин; М.Н. Липовецкий; Е.А. Добренко и др. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
12. Stamatatos E. A survey of modern authorship attribution methods // J. Amer. Soc. for Information Science and Technology. 2009. No. 60(3). Pp. 538–556.
13. Tempesta N., Kalaivani S., Aneez F., Yiming Y., Yingfei X., and Damon W. Surveying Stylometry Techniques and Applications // ACM Comput. Surv. 2017, No. 50(6), Article 86, 36 pages.
14. La Inteligencia Artificial ayuda a descubrir una obra desconocida de Lope de Vega en los fondos de la BNE, Biblioteca Nacional de España, <https://www.bne.es/es/noticias/inteligencia-artificial-ayuda-descubrir-obra-desconocida-lope-vega-fondos-bne> (Accessed: June 30, 2024).
15. Зенков А.В. Новый метод стилеметрии на основе статистики числительных, Компьютерные исследования и моделирование, 2017, Т. 9, № 5, С. 837–850.
16. Zenkov A.V. A Method of Text Attribution Based on the Statistics of Numerals // J. of Quantitative Linguistics. 2018. No. 25(3). Pp. 256–270.
17. Zenkov A.V., Místecký M. The Romantic Clash: Influence of Karel Sabina over Macha's Cikani from the Perspective of the Numerals Usage Statistics // Glottometrics. 2019, No. 46, Pp. 12–28.
18. Zenkov A.V. Stylometry and Numerals Usage: Benford's Law and Beyond // Stats 2021. No. 4. Pp. 1051–1068.
19. Zenkov A., Místecký M. Young Vladimír Vašek? – A Numerals Analysis Contribution to the Bezruč–Hrzánský Identity Issue // Naše řeč, 2022. No. 105(3). Pp. 151–161.
20. Зенков А.В. Литературные мистификации и авторское использование числительных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 16(11). С. 3696–3709. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20230568>.
21. Zenkov A.V. Under a False Flag: Literary Hoaxes and the Use of Numerals // Litera. 2023. № 10. С. 86–109. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.68743 EDN: TYDRFD URL: https://e-notabene.ru/fil/article_68743.html
22. Зенков А.В., Ермаков Н.Е. Числительные в текстах как характерная особенность авторского стиля // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 45(9). URL: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.45.28>.
23. Moisl H. Cluster Analysis for Corpus Linguistics. De Gruyter Mouton, 2015.
24. Gan G., Ma C., Wu J., Data Clustering: Theory, Algorithms, and Applications. Society for Industrial and Applied Mathematics, 2007.
25. Koppel M., Winter Y. Determining if two documents are written by the same author // J. of the Association for Information Science and Technology. 2014. No. 65(1). Pp. 178–187.
26. Плеханова И.И. Внутрилитературная полемика начала XXI века: мотивы и содержание («Околоноля» Н. Дубовицкого и «S.N.U.F.F.» В. Пелевина) // Филологический класс. 2013. № 33(3). С. 26–32.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации материал ориентирован на манифестацию формального подхода в изучении литературных текстов. На это ориентирует сам автор, полученные

данные также свидетельствуют об этом. На мой взгляд, имеющийся формат допустим как альтернатива, вероятно, что работу / алгоритм (программу) можно использовать при изучении не только текстов Виктора Пелевина и Владимира Сорокина, но и других. Суждения по ходу работы объективны, выверены, системы: например, «перечисленные художнические особенности в значительной степени свойственны и творчеству Владимира Сорокина, которого, наряду с Пелевиным, считают одной из двух звезд русской постмодернистской литературы, находящихся в непрерывном негласном противостоянии [6–11]. Не только на низовом читательском уровне, но и в литературной критике тексты этих двух авторов нередко рассматриваются совместно», или «для каждого текста вычислена обратная плотность числительных как результат деления объема текста на количество найденных в нем числительных. Чем меньше обратная плотность, тем чаще в тексте встречаются числительные. Уже сравнение обратных плотностей числительных обнаруживает существенное различие между произведениями Пелевина (№1–15 в табл. 1) и Сорокина (№16–22): средние обратные плотности различаются на треть; в текстах Сорокина числительные используются чаще (детализация больше). При этом по размаху колебаний обратной плотности в проанализированных текстах (отношение максимальной и минимальной плотности: в 1,6 и 2,2 раза в текстах Пелевина и Сорокина, соответственно) манера использования числительных более единообразна у Пелевина» и т.д. Текст дробится на смысловые блоки, это вполне уместно, полученные результаты обобщены в таблично-схематичном формате. В целом концепция автора изложена убедительно, но некоторые моменты могли быть прописаны точнее. Например, не очень понятна связь «использования в стиле того или иного автора числительных с психологическими особенностями»: «применительно к художественному (не жестко фактографическому) тексту, порожденному свободной фантазией, естественно предположить, что употребление числительных связано с психологическими особенностями автора, незаметно для него самого влияющими на результат творчества. Следовательно, манера использования числительных – это авторская особенность (*fingerprint*), позволяющая при определенных обстоятельствах решить проблему авторства текста». Вполне удачно выбрана литературная база сравнения: думаю, что данный вариант все же доказывает «авторство» того или иного текста. Хотя проблема, на мой взгляд, должна решаться и в других исследовательских плоскостях. В итоге автор приходит к следующему выводу: «разрабатываемый нами новый подход к задачам стилометрии, основанный на анализе статистики числительных в текстах, при всей его простоте, демонстрирует высокую эффективность и чувствительность. Тексты В. О. Пелевина и В. Г. Сорокина, сравнительный анализ которых выполнялся до сих пор лишь в рамках традиционного описательного филологического подхода, впервые подвергнуты формальному количественному анализу, правильно распределившему тексты согласно авторству. Обнаружены значимые авторские различия в манере использования числительных. Привлечение для анализа текстов сторонних авторов (*impostors*) усиливает значимость полученного результата и подтверждает его неслучайный характер. Метод пригоден для атрибуции текстов». Считаю, что можно скорректировать список источников: некоторые формальные моменты желательно устраниТЬ. Например, «Хаги С. Пелевин и несвобода: Поэтика, политика, метафизика. М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 392 с. ISBN: 978-5-4448-1967-8» и т.д. В целом же тема данной работы раскрыта, цель достигнута, результат наличен. Рекомендую статью «Пелевин vs Сорокин: опыт стилометрического сопоставления» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Баребина Н.С., Зибров Д.А. Логико-языковые особенности кондуктивных аргументов в экологическом медиадискурсе // Филология: научные исследования. 2024. № 7. С. 142-151. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.7.71218 EDN: OMTZSG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71218

**Логико-языковые особенности кондуктивных аргументов
в экологическом медиадискурсе****Баребина Наталья Сергеевна**

ORCID: 0000-0001-5883-6773

доктор филологических наук

доцент; кафедра "Иностранные языки"; Иркутский государственный университет путей сообщения

664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15

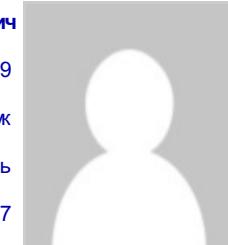
[✉ svirel23@rambler.ru](mailto:svirel23@rambler.ru)**Зибров Дмитрий Анатольевич**

ORCID: 0000-0002-9986-2369

кандидат филологических наук

независимый исследователь

664007, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Карла Либкнехта, 45а, кв. 17

[✉ matou45@yandex.ru](mailto:matou45@yandex.ru)[Статья из рубрики "Дискурс"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.7.71218

EDN:

OMTZSG

Дата направления статьи в редакцию:

08-07-2024

Дата публикации:

01-08-2024

Аннотация: Предметом исследования является логико-грамматическая структура умозаключений. Объектом исследования являются кондуктивные аргументы. Авторы

статьи рассматривают реализацию таких аргументов в экологическом медиадискурсе. В отличие от формальной логики, естественноязыковая аргументация чаще основана на примерах, аналогиях и рассуждениях, которые не обеспечивают полную истинность выводов, так как они могут быть верными лишь с определенной степенью вероятности. Вероятностные аргументы могут иметь различные интерпретации и приводить к различным выводам. Разновидностью таких аргументов является класс кондуктивных аргументов. Это аргументы, которые противоречат другим доводам, представленным в поддержку определенного заключения. Исследование кондуктивных аргументов актуально, поскольку их роль в аргументации мало изучена. Кроме того, экологическая тематика в медиа придает аргументации контекстуальные характеристики, что позволяет проследить изменение логических канонов в рассуждении. В работе применялся метод реконструкции аргументативного дискурса с использованием аналитического инструмента «Аргументативный Шаг». Элементы аргументации анализировались в соответствии с моделью аргументативных функций. Теоретический анализ литературы показал, что кондуктивные элементы в процессе аргументации не получает достаточного освещения в отечественной аргументологии. При анализе эмпирического материала было выявлено значительное количество недедуктивных умозаключений в аргументации. В результате исследования были сделаны следующие выводы. 1. Кондуктивные аргументы являются имманентной частью структуры доказательства. 2. Текстовые конструкции, соответствующие кондуктивным аргументам, отражают семантику контртезиса, баланса между доводами, оговорки, а также экстенсии тезиса, то есть расширения области применимости тезиса. В проанализированных текстах на английском языке были обнаружены маркеры противопоставления и ограничения, такие как союзы, частицы, предлоги *but*, *even*, *although*, *even if*, *in spite of*, *despite of*, *even if*, *unless*. Эти маркеры указывают на наличие кондуктивных аргументов в тексте.

Ключевые слова:

аргументация, кондуктивный аргумент, заключение, тезис, инференция, контртезис, оговорка, экстенсия, ограничение, баланс

Проблема умозаключений в языке давно привлекает внимание ученых и, как показывает анализ литературы, рассматривается чрезвычайно широко. Даже небольшой обзор вопросов, связанных с теоретико-методологической трактовкой понятия умозаключения в проекции на лингвистику требует обширной публикации монографического характера. Поэтому в настоящей статье мы сфокусируемся лишь на одной стороне этого вопроса, связанной со структурой одного из типов умозаключений недедуктивного свойства. Новизна работы заключается в том, что объект нашего исследования в виде кондуктивных аргументов практически не изучается в отечественных лингвистических и аргументологических работах, или изучается, но в других терминах. При этом, как показывает языковой материал, элементы кондукции не являются редким явлением в рассуждении на естественном языке, а в некоторых типах дискурсов их роль требует особого внимания с точки зрения коммуникативного и прагматического смысла. В применении к нашему объекту исследования это потребовало решения некоторых частных задач: 1) провести анализ термина «кондуктивный аргумент», 2) осуществить методологическую адаптацию понятия кондуктивных аргументов в логике к рассуждению на естественном языке, 3) рассмотреть языковую реализацию кондуктивных аргументов.

Содержание термина «кондуктивный аргумент». Для того чтобы раскрыть смысл

кондуктивных аргументов представим необходимый логический базис.

Умозаключение представляет собой мыслительную процедуру, при которой выводы делаются на основе представленных посылок или аргументов. Посылки и аргументы имеют вид высказываний фактуального типа. Заключение представлено высказыванием, которое выводится из посылок. В умозаключении происходит логический переход от посылок к заключению в один шаг, что делает его простейшей формой рассуждения (пример 1):

(1) *Christmas is always Dec. 25th* (Большая посылка)

Today is Dec. 25th (Меньшая посылка)

Therefore it's Christmas (Заключение)

Считается, что умозаключение эксплицирует способность человека использовать логические методы для обоснования утверждений или получения новой информации из имеющихся данных. Умозаключение в естественном языке позволяет видеть причинно-следственные связи и анализировать языковые средства для логического вывода и обоснования утверждений. Заключения из посылок подразделяются на демонстративные (как в примере (1), где вывод из истинных посылок неизбежно является истинным, что именуется дедукцией) и недемонстративные. Во втором случае речь идет о недедуктивных умозаключениях, где истинность посылок не гарантирует истинности умозаключения, как, например, в индуктивном рассуждении (пример 2).

(2) *This cat is black.*

That cat is black.

A third cat is black.

Therefore all cats are black.

Вместе с тем, в недемонстративных рассуждениях имеет место приращение информации: в примере (2) такое приращение реализуется в возможных контраргументах о серых, рыжих и других кошках. Недемонстративные рассуждения также представлены в абдукции, аналогии, статистических выводах.

Исследователи, по большей части зарубежные, говорят еще об одном классе аргументов, которые в корне отличаются от таковых в демонстративных и недемонстративных умозаключениях [9; 10; 15; 17; 18; 19; 20]. Речь идет о том, что посылки в умозаключении могут быть одновременно истинными и ложными по отношению к заключению. На первый взгляд это положение парадоксально, но с другой стороны оно очень точно отражает небинарность человеческого мышления. Действительно, с точки зрения логики суждение может быть или ложным, или истинным. Однако при этом исключается целый ряд промежуточных доводов, которые могут дать разумный взвешенный вывод. Таким образом, кондуктивные аргументы имеют иную диалектическую роль, нежели чем аргументы в демонстративном рассуждении. Их смысл состоит в том, чтобы рассмотреть множество аргументов «за» и «против» со скалярностью признаков. Такое положение возможно в режиме аргументации, которая, как известно, представляет собой операционализацию логики в естественном языке [11; 12]. Если в логике существует принудительность доказательства из посылок, то в практике аргументации существует некоторый зазор для несогласия и диалога.

Рассмотрим трактовки и примеры кондуктивных аргументов в словаре аргументации [4]. К. Плантин демонстрирует их на следующих образцах.

1. Рассуждение содержит единичный аргумент для заключения:

(3) *You ought to help him because he has been very kind to you.*

2. В рассуждении дается несколько аргументов для заключения:

(4) *You ought to take your son to the movie, because you promised to do so, it is a good movie, and you have nothing better to do this afternoon.*

3. Рассуждение организовано таким образом, что заключение рассматривается с утвердительной и отрицательной сторон. В этом случае доводы «против» включены в рассуждение и комбинируются с доводами в пользу заключения.

(5) *Although your lawn needs cutting, you ought to take your son to the movie because the picture is ideal for children and will be gone by tomorrow.*

С понятием кондуктивного аргумента соотносится третий образец в примере (5). Первый образец – это пример единичного аргумента, а второй – пример множественной аргументации в поддержку заключения.

Функции кондуктивного аргумента. Как видим, кондуктивные аргументы – это конкурирующие аргументы, входящие в противоречие с другими аргументами в поддержку заключения. Можно сказать, что кондуктивный аргумент представляет собой контраргумент, встроенный в структуру доказательства.

Поэтому актуально рассмотреть его функцию. Некоторые исследователи отмечают особую роль кондуктивных аргументов в формировании гипотез. Так, Д. Гурден и Т. Фишер видят в них функцию «лучшего объяснения», говоря о том, что кондуктивное рассуждение дает возможность провести своеобразный мысленный эксперимент, взвесив все «за» и «против» [5]. Д. А. Бокмельдер подчеркивает диалектическую функцию кондуктивных аргументов, считая, что они оставляют аргумент оппонента в силе, но указывает на некоторую отрицательную (или противоположную) характеристику тезиса [2, с. 63]. Х. Хансен обращает внимание на то, что кондуктивные аргументы в виде контрдоводов обозначают баланс встречных соображений [6]. Р. Х. Джонсон обозначает сущность таких аргументов относительно траектории вывода умозаключения и говорит о том, что это не обязательно отрицание, но также и упреждающий ответ на предполагаемое возражение [8]. Р. С. Пинто определяет значимой идею взвешивания риска в кондуктивных рассуждениях, ученый говорит о том, что в соответствующих аргументах содержится потенциал градации признаков в пользу более весомого заключения [13]. Некоторые исследователи, например, Д. Хичкок и Х. Вольрапп [7], указывают на то, что кондуктивные аргументы относятся к системе ценностей практической аргументации и показывают не логичность, но приемлемость доводов в ходе принятия решений.

Структура кондуктивного аргумента. Рассмотрим примеры кондуктивных аргументов. Известно несколько вариантов рассуждений с кондуктивными аргументами вида «A, хотя B», «несмотря на A, B», «A, но B».

(6) *In spite of a certain dissonance, that piece of music is beautiful because of its dynamic quality and its final conclusion.* В данном примере кондуктивный аргумент стоит в препозиции и представляет собой довод «против», который затем перевешивают два

довода в пользу ценности музыкального произведения – музыка красивая, финал динамичный.

(7) *I use waste making energy, because I travel 350 miles a week, even though I write on both sides of a paper.* В этом примере формируется заключение в пользу использования энергии от производства отходов. Кондуктивный аргумент маркируется противопоставлением *even though* и находится после основной конструкции вывода, которая включает довод о том, что говорящий много передвигается, значит, портит экологию. Но зато он пишет на двух сторонах листа, внося вклад в сохранение ресурсов.

(8) *You should take your son to the movies, even though your lawn needs cutting and you don't feel like it.* В примере аргументируемое заключение о том, что сына необходимо сводить в кино находится в начале, далее даны два аргумента, предвосхищающие возражения. Очевидно, что говорящий хорошо знает и о том, что лужайку надо подстричь, и о том, что адресат не хочет идти с сыном в кино.

(9) *I know, the movie is ideal for children and won't be showing in the cinema after tomorrow, but you ought to cut your lawn.* В этом примере мы видим обратную структуру рассуждения, где заключение находится в прогрессии, а аргументы предшествуют ему. Причем, как видим аргументы содержат контроображения не в пользу заключения.

В примерах (6) и (7) мы можем говорить о балансирующих кондуктивных аргументах. В примерах (8) и (9) содержится опровержение предполагаемых возражений адресата.

Семантика аргументов позволяет уточнить запись:

пример (6) «несмотря на – A, заключение, потому что + A»,

пример (7) «заключение, потому что +A, хотя – A»,

пример (8) «заключение, хотя – A»,

пример (9) «– A, хотя заключение».

Экспликация кондуктивных аргументов в дискурсе. Обратимся теперь к примерам кондуктивных аргументов в экологическом медиадискурсе. Экологический медиадискурс представляет собой обсуждение экологических проблем, вопросов и решений в средствах массовой информации [16]. Он охватывает широкий спектр тем, связанных с окружающей средой, изменением климата, сохранением природных ресурсов, влиянием человеческой деятельности на экосистемы, а также другие аспекты экологии. Наш выбор этого языкового материала обусловлен тем, что указанный дискурс представляет собой динамичную языковую практику, в которой логическая рациональная аргументация сочетается с риторическими стратегиями [1]. А в целом семиосфера экологического дискурса, как отмечает А. А. Леонтьев, имеет «концепты универсальных ценностей экологического мировоззрения», которые, однако, используются не только в природоохранных целях, но и в целях, связанных с политикой, рекламой, спектром вопросов, продвигаемых в рамках радикальных социальных движений [4, с. 231]. То есть аргументы в этом типе дискурса могут быть не только логически универсальными, но и прагматически приемлемыми.

Для экспликации кондуктивных аргументов мы воспользуемся моделью аргументативных функций, которая представляет собой технику реконструкции аргументативного типа дискурса. В соответствии с этой моделью, в тексте возможно выделить минимальный

элемент аргументации, который, по мысли Л. Г. Васильева, представляет собой высказывание с определенной аргументной функцией [3, с. 140]. В рамках еще одной единицы анализа – Аргументативного Шага, который представляет собой совокупность аргументативных функций, – далее выявляются элементы, обладающие способностью функционировать в качестве аргумента и быть распознаваемыми в этом качестве [там же]. Схематично Аргументативный Шаг можно представить как пропозицию «аргумент→инференция→тезис». Суждение в рамках Аргументативного Шага можно идентифицировать как элемент, выполняющий функцию довода или аргумента, а также как элемент, выполняющий функцию тезиса или заключения. Так, в рассмотренном ранее примере (2), три элемента *This cat is black*, *That cat is black*, *A third cat is black* являются аргументами, а суждение *Therefore all cats are black* является заключением или тезисом. Идентификационная самостоятельность этих элементов как компонента аргументации, как видим, может быть правильно интерпретирована только в рамках Аргументативного Шага. Иначе они могут функционировать, например, в качестве высказываний и не иметь аргументативных функций довода или тезиса.

Проанализировав примеры экологического медиадискурса с применением модели аргументативных функций, мы выявили несколько наиболее часто встречающихся случаев кондуктивных аргументов, которые мы проиллюстрируем следующими примерами.

(10) “*We particularly wanted to organise gen Z and millennials because it felt like it was a generation that had a shared story and a shared experience of the world. Like whether you're 31 like me or you're 16, we have something in common, which is we've only known crisis – we were born into a climate crisis, there's been economic crashes, work is becoming increasingly precarious, our communities are changing for the worse in many ways – and that could bind our our generations together to fight for an alternative.*”

Тезис этого фрагмента эксплицитен: *We particularly wanted to organise gen Z and millennials* (автор призывает организовать поколение Z и поколение миллениалов). Суждение *it felt like it was a generation that had a shared story and a shared experience of the world* (это поколение имеет общую историю и общий опыт мира) представляет собой инференцию, то есть базу, иллюстрирующую связь между тезисом и аргументами.

Далее в примере находим аргумент: *we have something in common* (у нас есть что-то общее). Этот аргумент сам нуждается в подтверждении, что содержит следующий фрагмент текста: *Like whether you're 31 like me or you're 16, we were born into a climate crisis, there's been economic crashes, work is becoming increasingly precarious, our communities are changing for the worse in many ways* (Например, независимо от того, 31 ли вам, как мне, или 16, у нас есть что-то общее: мы знаем только кризис – мы родились в условиях климатического кризиса, были экономические катастрофы, работа становится все более нестабильной, наши сообщества во многих отношениях меняются к худшему). В препозиции аргумента мы находим подчинительную конструкцию *Like whether you're 31 like me or you're 16*, которая относится к возможному возражению, касающемуся вопроса возрастных границ поколений Z и миллениалов, а также того, почему автор причисляет себя к этим поколениям. В структурном смысле эта конструкция представляет собой оговорку-котрагумент в которой представлено опровержение возможного возражения. Этот элемент представляет собой пример кондуктивного аргумента, так как он относится к области аргументов против заключения.

Рассмотрим еще пример (11).

(11) "*I hope the judgment is a tipping point and will make it much harder for any new oil and gas sector to be exploited both in the UK and in other countries with similar legislation. But there's already more than enough oil and gas and coal in production to wreck the climate, even if we stopped all new production today, so I just don't see us weaning ourselves off it fast enough.*"

В примере представлено два противоположных элемента: тезис о том, что решение по климату станет переломным моментом и затруднит эксплуатацию нефтегазового комплекса (*I hope the judgment is a tipping point and will make it much harder for any new oil and gas sector to be exploited*). То есть в этом речении дана положительная оценка решения + А. Имплицитный контртезис указывает на бесполезность обсуждаемого решения (*I just don't see us weaning ourselves off it fast enough*). К нему относится группа аргументов в поддержку – А: *But there's already more than enough oil and gas and coal in production to wreck the climate; even if we stopped all new production today*. В этом примере кондуктивные аргументы служат в качестве доводов для обоснования контртезиса.

В следующем примере (12) представлен фрагмент аргументации против строительства атомной электростанции на одной из прибрежных зон в Кении.

(12) "*This is a tourist town. People swim in the ocean, they scuba-dive and water ski. There would [certainly] be fear of going into the ocean a few miles down the road from the nuclear power station ... And if tourism dies then people who own properties will not be able to afford to maintain them. Ultimately, people won't want to buy a property here, they'll look elsewhere.*"

В примере представлен тезис о том, что туристический город не подходит для строительства атомного объекта. В качестве аргументов выступают речения, где говорится о том, что люди плавают, ныряют, катаются на водных лыжах. Связь между аргументами и тезисом выражена эксплицитно и состоит в том, что люди не смогут больше там отдыхать: *There would [certainly] be fear of going into the ocean a few miles down the road from the nuclear power station*. Далее в примере обнаруживается фрагмент, не связанный с экологией и только косвенно связанный с туризмом: *people won't want to buy a property here*. К нему относится группа аргумента, поддерживающего утверждение относительно покупки недвижимости в городе. Однако эта группа не входит в противоречие с основным тезисом, но представляет собой более расширенное рассмотрение темы и указывает на то, какие объекты или ситуации охватывает это утверждение, что позволяет говорить об экстенсии тезиса.

Выводы. В настоящей статье мы проанализировали один из разновидностей экологического дискурса. Ожидаемо, что для обоснования экологической тематики в медиа широко используется аргументативный способ представления информации. Анализ аргументативной составляющей экологических топосов по модели аргументативных функций позволяет выявить структуру аргументации. Данная модель показывает, что в рассуждениях используются кондуктивные элементы. Структурно они относятся к группе аргументов, поддерживающих контртезис, частотны кондуктивные аргументы в виде оговорки, предупреждающей возможные возражения.

В проанализированных текстах на английском языке исследуемые разновидности аргументов имеют маркеры противопоставления и ограничения в виде союзов, частиц, предлогов *but, even, although, even if, in spite of, despite of, even if, unless*. Семантика кондуктивных аргументов внутри Аргументативного Шага состоит в передаче значения

баланса, взвешивания доводов, ограничения возражения, экстенсии.

Перспективу исследования мы видим в изучении коммуникативного потенциала кондуктивных умозаключений в разных дискурсивных практиках.

Список иллюстративного материала

(1–2) Авторская картотека

(3–9) Plantin C. Conductive Argument // Dictionnaire de l'argumentation 2021. URL: <https://icar.cnrs.fr/dicoplantin/conductive-argument-e/>

(10) Gayle D. You're letting our generation down: the green activists warning of a bad deal for young people under Labour // The Guardian Wed 26 Jun 2024. URL: <https://www.theguardian.com/environment/article/2024/jun/26/green-new-deal-rising-climate-group-young-people-labour>

(11) Kaminski I. Sarah Finch: climate activism 'early adopter' behind supreme court win // The Guardian. Wed 26 Jun 2024. URL: <https://www.theguardian.com/environment/article/2024/jun/26/sarah-finch-climate-activism-uk-supreme-court-win>

(12) Kenya's first nuclear plant: why plans face fierce opposition in country's coastal paradise // The Guardian. Mon 17 Jun 2024. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/article/2024/jun/17/kenya-plans-first-nuclear-power-plant-kilifi-opposition-activists>

Библиография

1. Баребина Н.С., Глызина В.Е., Леонтьев А.А., Максимова Н.В. Изучение способов и средств интенсивности в алармистских дискурсах // Litera. 2023. № 1. С. 69–77. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.1.39578 EDN: HPFKOT URL: https://e-notabene.ru/fil/article_39578.html
2. Бокмельдер Д. А. Обоснование разумных решений. Saarbrucken : LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 294 с.
3. Васильев Л. Г. Аргументация и ее понимание: Логико-лингвистический подход. Калуга: Калужск. гос. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2014. 331 с.
4. Леонтьев А. А. К вопросу о реконфигурации экологического дискурса (на примере взаимодействия научного и экологического дискурса в медиа) // Глобальный научный потенциал. 2023. № 5 (146). С. 230–232.
5. Goorden D., Fischer Th. Conductive arguments and the 'inference to the best explanation' // OSSA Conference Archive. 2001. 26. <https://scholar.uwindsor.ca/ossaarchive/OSSA9/papersandcommentaries/26>
6. Hansen H. V. Notes on Balance-of-Considerations Arguments // An Overlooked Type of Defeasible Reasoning. London: College Publications. 2011. Pp. 30–51.
7. Hitchcock D., Wohlraup H. R. The Concept of Argument: A Philosophical Foundation. Logic, Argumentation and Reasoning 4 // Argumentation 30. 2016. Pp. 353–363. URL: <https://doi.org/10.1007/s10503-015-9365-3>
8. Johnson R.H. Manifest Rationality. Lawrence Erlbaum Associates, Mahwah, NJ. 2000. 391 p.
9. Laar J. van. Arguments that Take Considerations into Account // Informal Logic. 2014. 34(3). Pp. 240–275.
10. Liao Y. The Legitimacy of Conductive Arguments: What Are the Logical Roles of Negative Considerations? // From Argument Schemes to Argumentative Relations in the

- Wild / F. van Eemeren, B. Garssen (eds). Argumentation Library. 2020. Vol. 35. Springer, Cham. Pp. 255–267. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-28367-4_16
11. Lisanyuk E. Hinges, Deep Disagreement and Fixed Points in the Argumentation Logic // Логико-философские штудии. 2021. Т. 19. № 1. С. 112–116. DOI: 10.52119/LPHS.2021.92.34.008.
12. Pandžić S. A Logic of Defeasible Argumentation: Constructing Arguments in Justification Logic // Argument and Computation. 2022. Т. 13. № 1. С. 3–47.
13. Pinto R. Weighing evidence in the context of conductive reasoning // Conductive Argumentation / R. H. Johnson, T. A. Blair (eds). London: College Publications. 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/238714035_Weighing_Evidence_in_the_Context_of_Conductive_Reasoning
14. Plantin C. Conductive Argument // Dictionnaire de l'argumentation 2021. URL: <https://icar.cnrs.fr/dicoplantin/conductive-argument-e/>
15. Possin K. Conductive Arguments: Why is This Still a Thing? // Informal Logic. 2016. Vol. 36, No. 4. Pp. 563–593.
16. Roberts J. "Political ecology" / The Open Encyclopedia of Anthropology / F. Stein (ed.). 2023. URL: <http://doi.org/10.29164/20polieco>
17. Shiyang Yu Sh., Zenker F. A Dialectical View on Conduction: Reasons, Warrants, and Normal Suasory Inclinations // Informal Logic. 2019. Vol. 39. No. 1. Pp. 32–69. DOI: 10.22329/il.v39i1.5080
18. Xie Y. Argument by Analogy in Ancient China // Argumentation. 2019. Volume 33, Pp. 323–347. DOI: 10.1007/S10503-018-09475-7.
19. Xie Y. Conductive Argument as a Mode of Strategic Maneuvering // Informal Logic. 2017. 37(1). Pp. 2–22.
20. Xie Y. On the Logical Reconstruction of Conductive Arguments // From Argument Schemes to Argumentative Relations in the Wild / F. van Eemeren, B. Garssen (eds). Argumentation Library. 2020. Vol 35. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-28367-4_15

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Логико-языковые особенности кондуктивных аргументов в экологическом медиадискурсе», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей приведения аргументации в англоязычном дискурсе.

Ввиду того, что экологическая повестка становится все острее, а число людей, которые задумываются над сохранением окружающей среды увеличивается, что вызывает необходимость изучения специфики дискурса в этой области.

Как известно СМИ являются инструментом влияния на умы людей, кроме того, благодаря современным средствам связи информация быстро распространяется, а часть контента становится вирусным.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкоznании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. Так, новизна работы заключается в том, что объект исследования в виде кондуктивных аргументов практически не изучается в отечественных лингвистических и аргументологических работах, или изучается, но в других терминах.

Работа выполнена на материале английского языка.

Из текста статьи не совсем ясен практический материал исследования, а именно автор не указывает объем отобранного языкового корпуса, методологию выборки и принципы обора. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Кроме того, не совсем понятны задачи и цель исследования, что не позволяет соотнести их с полученными выводами.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены теоретические работы как на русском языке, так и на иностранном. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории дискурса, теории и практики публичных выступлений, практике английского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Логико-языковые особенности кондуктивных аргументов в экологическом медиадискурсе» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

The composition of the protocol in the official religious language style

LUO DI

Postgraduate student; Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication; Ural Federal University

40 Vostochnaya str., Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620000, Russia

✉ luodi574@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the specificity of composition in a religious style. The object of the study is the protocols in the official religious language. The author examines in detail such aspects as the composition of various parts of the protocol genre in a religious style as stated and final, or certification (decided) parts. Special attention is paid to the part "listened to" and "resolved". In the ascertaining or substantive part (listened to), the participants of the meeting of the Holy Synod use various documents, including a report, a message, a petition and a proposal. Verb infinitives, derived nominative and adverbial prepositions, and conjunctions in phrases with nouns are often used in the final or certifying (resolved) part of the documents in order to show the accuracy and rigor of the content of decision-making. The article analyzes the uniqueness of the protocol genre using the categorical-textual method developed at the Ural scientific School of Linguoculturology and stylistics. The main conclusion of the study is that a protocol in a religious style usually has the following compositional blocks: a title fixing the genre and date of the meeting, the chairman, the full name of the meeting, the venue of the meeting, a detailed list of permanent members of the Holy Synod and a complete list of those invited to the meeting; the number of the journal (protocol); the "listened to" block, which contains the agenda of the meeting; the block "decided", which contains the decisions taken on a specific issue. The composition of the protocol in a religious style is generally similar to the traditional composition of the protocol in a secular environment, as it includes parts "listened to" and "decided upon". The difference is in absence of the "conclusion" block in the religious protocol, as well as the presence of a variable "stating" part of the judgment. For a deeper understanding of this genre, the perspective is to study the linguistic features of the protocol genre.

Keywords: protocol, genre, composition category, text category, text, official-business substyle, religious functional style, journal, compositional block, linguistic features of the protocol

References (transliterated)

1. Aleksandriya O. M. Problema yadernogo nasledstva SSSR: k 20-letiyu podpisaniya Lissabonskogo protokola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2012. №4. S. 144–161.
2. Biryukova Yu. A. O neobkhodimosti organizatsii na territorii Vooruzhennykh sil Yuga Rossii vysshei bogoslovskoi shkoly: Protokol zasedaniya VVTsU na Yugo-Vostoke Rossii Vstupitel'naya stat'ya i kommentarii // Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta. 2024. №1 (49). S. 204–216.
3. Bobyreva E. V. Religioznyi diskurs: tsennosti, zhanry, strategii: na materiale

- pravoslavnogo veroucheniya: dis. ... dok-ra filol. nauk. Volgograd, 2007. S. 389–450.
4. Bortnikov V. I. O plotnosti kategorii tematicheskoi tsepochki v kompozitsionnom elemente poemy Dzh. Mil'tona "Poteryannyi rai" – monologakh sobesednika Satany // Inostrannye yazyki v kontekste kul'tury: Mezhvuzovskii sbornik statei po materialam konferentsii. Perm', 2012. S. 23–27.
 5. Brandenberger D. Rol' nasiliya i fal'sifikatsii pri podgotovke protokolov doprosov epokhi stalinizma // NIR. 2023. №2. S. 376–399.
 6. Bugaeva I. V. Yazyk pravoslavnoi sfery: sovremennoe sostoyanie, tendentsii razvitiya: avtoref. dis. doktora filol. nauk. Moskva, 2010.
 7. Itskovich T. V. Zhitie strastoterpta: osobennosti kompozitsii // Tserkov'. Bogoslovie. Istorya. 2020. № 1. S. 18–23.
 8. Itskovich T. V. Kompozitsiya zhitija svyatykh Tsarstvennykh strastoterptsev // Tserkov'. Bogoslovie. Istorya: materialy VII Vserossiiskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu muchenicheskoi konchiny svyatykh Tsarstvennykh strastoterptsev i ikh vernykh sputnikov. Ekaterinburg, 2019. S. 35–41.
 9. Itskovich T. V. Religioznyi funktsional'nyi stil' v zhanrovom aspekte: k postanovke problemy // Zhanry rechi. 2016. №1 (13). S. 87–93.
 10. Itskovich T. V. Religioznyi funktsional'nyi stil' russkoi rechi // Stilistika slavyanskikh stran na rubezhe XX-XXI vekov. Moskva, 2023. S. 86–101.
 11. Itskovich T. V. Semeinye tsennosti v sovremennoi pravoslavnoi propovedi // Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovanii: Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 2022. S. 37–38.
 12. Itskovich T. V. Yazyk i stil' sovremennykh pravoslavnnykh SMI (na materiale SMI Ekaterinburgskoi eparkhii) // Medi@l'manakh. 2011. № 4 (45). S. 44–48.
 13. Kazhenova Zh. S., Kenzhebaeva Zh. E. Bezopasnost' v protokolakh i tekhnologiyakh IOT: obzor // International Journal of Open Information Technologies. 2022. №3. S. 10–16.
 14. Keler A. I. Kategoriya adresanta v novoapostol'skoi molitve: kategorial'no-tekstovoi i aksiologicheskii aspekty // Nauchnyi dialog. 2024. T. 13, № 1. S. 26–44.
 15. Keler A.I. Kategoriya kompozitsii v molitvennom tekste // Litera. 2021. № 7. S.37-46. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.7.36019 URL: https://e-notabene.ru/fil/article_36019.html
 16. Kozhina M. N. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka. Moskva, 2011.
 17. Krylova O. A. Sushchestvuet li tserkovno-religioznyi funktsional'nyi stil' v sovremennom russkom literaturnom yazyke? // Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoi Rossii. Ekaterinburg, 2000.
 18. Krysin L. P. Tserkovno-religioznyi stil' // Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): Slovar'-spravochnik. Elektronnoe izdanie. Krasnoyarsk, 2014. S. 732–733.
 19. Lebedeva M. Yu. Strategii raboty s tsifrovym tekstom dlya resheniya uchebnykh chitatel'skikh zadach: issledovanie metodom verbal'nykh protokolov // Voprosy obrazovaniya. 2022. №1. S. 244–270.
 20. Maier E. A. Protokol i gender // Vlast'. 2022. №1. S. 152–156.
 21. Matveeva T. V. Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov. Rostov-na-Donu, 2010.
 22. Matveeva T. V. Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorii: sinkronno-sopostavitel'nyi ocherk. Sverdlovsk, 1990.
 23. Minasyan G. M. Nezavisimaya garantiya kak sposob obespecheniya ispolneniya

- obyazatel'stv i protokol soveshchaniya: dopustimo li rassmotrenie protokola v kachestve nezavisimoi garantii // Obrazovanie i pravo. 2023. № 6. S. 257–259.
24. Minasyan G. M. Pravovoe znachenie protokola soveshchaniya sub"ektor predprinimatel'skikh pravootnoshenii: sootnoshenie protokola i grazhdansko-pravovogo dogovora // Obrazovanie i pravo. 2022. № 2. S. 239–242.
 25. Mishankina N. A., Chernysh O. A. Leksika delovogo protokola v diskursivnom aspekte (na materiale protokolov 1918–1933 gg.) // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2018. № 434. S. 30–39.
 26. Nesterenko A. Yu., Semenov A. M. Metodika otsenki bezopasnosti kriptograficheskikh protokolov // PDM. 2022. № 56. S. 33–82.
 27. Popova M. O., Rogacheva Yu. A., Sinyaev A. A., Fomina Zh. G., Pinegina O. N., Spiridonova A. A., Goloshchapov O. V., Vlasova Yu. Yu., Morozova E. V., Vladovskaya M. D., Bondarenko S. N., Moiseev I. S., Kulagin A. D. Protokol empiricheskoi antibakterial'noi terapii, osnovannyi na kolonizatsii v period do prizhivleniya pri allogravitsii: rezul'taty prospektivnogo issledovaniya // Gematologiya i transfuziologiya. 2022. № S2. S. 69.
 28. Prokhvatilova O. A. Ekstralingvisticheskie parametry i yazykovye kharakteristiki religioznogo stilya // Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie. 2006. № 5. S. 19–25.
 29. Ryadovykh N. A. Aksiologema chistota v zhanre akafista (bilingval'naya spetsifika eksplikatsii) // Aksiologicheskie aspekty sovremennoy filologicheskikh issledovanii: Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 2021. S. 75–76.
 30. Ryadovykh N. A. Osobennosti kompozitsii zhanra akafista (na materiale "Akafista svyatym Tsarstvennym strastoterptsam") // Tserkov'. Bogoslovie. Istorija. 2020. № 1. S. 56–62.
 31. Simonova A. Yu., Potskhveriya M. M., Il'yashenko K. K., Belova M. V., Klyuev A. E., Kareva M. V., Kurilkin Yu. A. Sravnitel'naya effektivnost' 12-chasovogo i 21-chasovogo protokolov vnutrivennogo vvedeniya atsetiltsisteina pri otravlenii paratsetamolom // KVTP. 2023. № S6. S. 142–143.
 32. Chesterton G. K. Chelovek s zolotym klyuchom. Moskva, 2003.
 33. Yarmul'skaya I. Yu. Lingvisticheskii aspekt izucheniya sovremennoy tserkovnoy poslaniya // Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie. 2006. № 5. S. 27–32.
 34. Alshammari, H. H. (2023). The internet of things healthcare monitoring system based on MQTT protocol. *Alexandria Engineering Journal*, 69, 275–287.
 35. Azimjon, A., & Hojiakbar, M. (2023). International etiquette and diplomatic protocol. Diplomatic conversation and correspondence. *Education science and innovative ideas in the world*, 24 (1), 65–67.
 36. Bektoshev, O., Nishanova, S., Maxsudova, U., Hoshimova, D., & Mahmudjonova, H. (2022). Formation of religious style in linguistics. *Journal of Positive School Psychology*, 12 (6), 118–124.
 37. Galperin, I. R. (1981). *Stylistics*. Moscow: «Vyssaja skola».
 38. Grapard, A. G. (2023). *The protocol of the gods: a study of the Kasuga cult in Japanese history*. Univ of California Press.
 39. Itskovich, T. V. (2018). Composition and Subject Structure of Minutes Genre in Religious Style. *SHS Web of Conferences*, 50 (58):01207. doi:10.1051/shsconf/20185001207
 40. Streib, H. (2001). Faith Development Theory Revisited: The Religious Styles Perspective. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 11 (3), 143–158.

doi: 10.1207/S15327582IJPR110302

41. Streib, H., & Klein, C. (2014). Religious Styles Predict Interreligious Prejudice: A Study of German Adolescents with the Religious Schema Scale. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 24 (2), 151–163. doi:10.1080/10508619.2013.808869
42. Streib, H., Hood, R. W., & Klein, C. (2010). The Religious Schema Scale: Construction and Initial Validation of a Quantitative Measure for Religious Styles. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 20 (3), 151–172. doi: 10.1080/10508619.2010.481223

Vocabulary of the lexeme "memory" in the works of V.M. Garshin

Sun Yao

Doctor of Philology

Professor; Faculty of Russian Language; Northeastern Agricultural University

150038, China, Heilongjiang Province, Harbin, Changjianglu str., 600

 netservice@bk.ru

Abstract. The author studies the fiction prose of V.M. Garshin, who was a vivid exponent of the painful issues of his epoch. The main attention is paid to the word "memory" - one of the key words in the writer's works. We find out whether the lexeme "memory" can be attributed to one of the fundamental bases in the prose of Vsevolod Mihailovich Garshin; and whether it is important to take into account the peculiarities of its use in translations of the Russian writer's texts into Chinese, taking into account that in China the interest to Russian literature is only increasing, and translations of Russian writers' works into Chinese have acquired a systematic character. Following the current processes of intercultural dialog, the question of the adequacy of text translation from one language into another arises in parallel. The article uses formal (statistical) analysis, as the work is just a precursor to a serious analysis of semantic variants and hermeneutic possibilities of a word. The analysis of scientific publications, as well as personal experience of reading Garshin's works convinces that such a phenomenon of the writer's artistic world as "word-accent" expressed by lexical forms of the noun "memory" remains outside the circle of study. It is concluded that Garshin's works are mostly built on memories with the key word "memory" and its derivatives. The using of this sign word is subject to the author's intention, it is intensional, characterizes the most important aspects of the writer's artistic world. As for the issue of translational interpretation of the writer's texts, special attention should be paid to the semantic shades of the word, its contextual sounding.

Keywords: Chinese language, statistical analysis, hermeneutic index, frequency, semantics, repeat, memory, word, prose, Garshin

References (transliterated)

1. Vasina S.N. Poetika prozy V.M. Garshina: psikhologizm i povestvovanie. Avtoreferat diss. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M.: MGPU, 2011. 18 s.
2. Garshin V.M. Sochineniya. Rasskazy. Ocherki. Stat'i. Pis'ma. M.: Sovetskaya Rossiya, 1984. 433 s.
3. Golovan' O.V. Semantika-assotsiativnaya struktura kontsepta «voina». Avtoreferat

- diss. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Barnaul: AGU, 2003. 19 s.
4. Dal' V.I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. M.: Lazarevskii institut vostochnykh yazykov, 1865. Chast' 2. 509 s.
 5. Dal' V.I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 1. M.; SPb.: M.O. Vol'f, 1880. 808 s.
 6. Darenetskii V.Yu. Ispytanie smert'yu kak nравственная Golgotha geroya v proze Vs. Garshina // Problemy istoricheskoi poetiki. Petrozavodsk: PGU, 2016. S. 276–296.
 7. Dedyukhina O.V. Ispytanie smert'yu v povedi L.N. Tolstogo «Smert' Ivana Il'icha» i rasskaze V.M. Garshina «Noch'» // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2022. № 6 (97). S. 502–504.
 8. Deneko A.V. «Skazanie o gordom Aggee» V.M. Garshina: istochniki, kontekst // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 10-1. S. 199–207.
 9. Kochukova O.V. Voennaya proza V.M. Garshina: istoriko-kul'turnyi kontekst russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. // Istorya i istoricheskaya pamiat'. 2023. № 27. S. 132–159.
 10. Loshakov A.G. Rasskaz V.M. Garshina «Trus» v kontekste avtorskogo sverkh teksta // Russkii yazyk v shkole. 2008. № 2. S. 42–46.
 11. Mezenina A.A. Psichologizm kak stilevaya dominanta rasskaza V.M. Garshina «Proisshestvie // Litteraterra. Materialy IV Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh. Ekaterinburg: UGPU, 2015. S. 137–143.
 12. Mel'nikova N.N. Kul'turnyi kod v izobrazhenii «padshei zhenshchiny» v proze V.M. Garshina i A.P. Chekhova // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2010. № 1. S. 167–173.
 13. Porudominskii V.I. Grustnyi soldat, ili zhizn' Vsevoloda Garshina. M.: Kniga, 1986. 289 s.
 14. Porudominskii VI. Garshin. M.: Molodaya gvardiya, 1962. (ZhZL). 304 s.
 15. Tolkovy onlain-slovar' russkogo yazyka T.F. Efremovo // URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova> (provereno: 12.06.2024).
 16. Frolova O.V. Motiv bezumiya v rasskaze V.M. Garshina «Krasnyi tsvetok» // Kul'tura i tekst. 2019. № 1 (36). S. 19–25.
 17. Shorina E.V. Intertekstual'nyi diskurs temy bezumiya v rasskaze V.M. Garshina «Krasnyi tsvetok» // Filologicheskii aspekt. 2015. № 3 (3). Iyul'. S. 1.

Transposition of prepositional forms of the instrumental case of nouns into spatial adverbs: steps, signs, limit

Shigurov Viktor Vasil'evich □

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

✉ shigurov@mail.ru

Shigurova Tat'yana Alekseevna □

Doctor of Cultural Studies

Abstract. The article presents the experience of describing the mechanism of transposition of instrumental case forms of nouns without prepositions into the subclass of adverbial adverbs. The relevance of the work is determined by the need to study transition zones in the grammatical structure of the Russian language. The purpose of the work is to describe the stages, features and limits of transposition of substantive word forms into adverbs used for different types of localization of objects in the form of a point, line and circle (sphere). The novelty of the approach is determined by the use of the oppositional analysis technique. The object of analysis are word forms that represent, on the one hand, typical nouns, and on the other, peripheral nouns or peripheral and nuclear substantive adverbs with spatial meaning. The subject of consideration is the stages (stages), their characteristics and the limit of categorical transformation of prepositional forms of nouns into local adverbs. In solving the assigned problems, general scientific and special methods were used (comparison, generalization; structural-semantic analysis, oppositional method, linguistic experiment, elements of distributive and component analysis). Groups of nouns have been identified and characterized, representing in instrumental case forms an unequal number of steps (stages) of transposition into local adverbs. The specific features of functional and functional-semantic adverbialization of substantive vocabulary are determined. Their participation in the localization of designated objects is shown. Adverbialized forms of the instrumental case of nouns have been established, representing four categories of spatial adverbs: 1) abstract or indefinite adverbs; 2) deictic adverbs; 3) relative adverbs; 4) evaluative adverbs.

Keywords: zone of transition, spatial adverb, noun, adverbialization, transposition, grammar, Russian language, core, periphery, syncretism

References (transliterated)

1. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. M.: Izd-vo inostrannoi literatury, 1955. 416 s.
2. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka / RAN, In-t lingv. issled.; gl. red. K.S. Gorbachevich. – M.; SPb.: Nauka, T. 5. 2006. 694 s.
3. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
4. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) / Pod. red. G.A. Zolotovoi. 4-e izd. M.: Russkii yazyk., 2001. 720 s.
5. Gak V.G. Funktsional'no-semanticheskoe pole predikatov lokalizatsii // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'yu Bytiinost'. Posessivnost'. Obuslovленnost'. SPb.: Nauka, 1996. S. 6–26.
6. Gak V.G., Roizenblit E.B. Ocherki po sopostavitel'nomu izucheniyu frantsuzskogo i russkogo yazykov. M.: Vysshaya shkola, 1965. 377 s.
7. Evtyukhin V.B. Narechie // Morfologiya sovremennoego russkogo yazyka: Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii Rossiiskoi Federatsii / S.I. Bogdanov, V.B. Evtyukhin, Yu.P. Knyazev i dr. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2013. S. 499–538.
8. Efremova T.F. Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. M.: Astrel': AST, 2004. 814 s.

9. Zaliznyak A.A. Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie. M.: Russkii yazyk, 1980. 880 s.
10. Zaliznyak Anna A. Russkoe razve: ot predloga k voprositel'noi chasitse // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2020. T. 79. № 4. S. 5–11.
11. Kalechits E.P. Perekhodnye yavleniya v oblasti chastei rechi / Ural. gos. un-t. Sverdlovsk, 1977. 78 s.
12. Kim O.M., Ostrovkina I.E. Slovar' grammaticeskikh omonimov russkogo yazyka. M.: Astrel'; AST; Ermak, 2004. 842 s.
13. Kurilovich E. Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya // Kurilovich E. Ocherki po lingvistike. M., 1962. S. 57–71.
14. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanii o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira / Ros. akademiya nauk. In-t yazykoznaniya. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 560 s.
15. Mel'chuk I. Russkii yazyk v modeli «Smysl – Tekst». Moskva – Vena: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», Venskii slavisticheskii al'manakh, 1995. 682 s.
16. Mel'chuk I. Dve russkie leksemы: VOZ"MI [i Y-ni] i VZYaT" [i Y-nut'] // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2023. № 2. S. 9–25.
17. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya 15.07.2024).
18. Nedyalkova N. O sistemakh lokativnykh narechii v russkom i bolgarskom yazykakh // Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsiya, vzaimodeistvie. Materialy mezdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Gl. red. M.N. Rusetskaya. 2019. S. 486–490.
19. Orlova O.S. Formirovanie narechii, sootnositel'nykh s tvoritel'nym padezhom imeni v russkom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ryazan', 1961. 272 s.
20. Pankov F.I. Funktsional'no-semanticeskaya kategoriya adverbial'noi lokativnosti i sistema znachenii prostranstvennykh narechii (fragment lingvodidakticheskoi modeli russkoi grammatiki) // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya. 2010. № 5. S. 7–31.
21. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. M.: Uchpedgiz, 1938. 452 s.
22. Rakhilina E.V. Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'. M.: Russkie slovari. 2008. 416 s.
23. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. M.: Progress, 1988. 656 s.
24. Uryson E.V. Sintaksicheskaya derivatsiya i «naivnaya» kartina mira // Voprosy yazykoznaniya. 1996. № 4. S. 25–38.
25. Shigurov V.V. «Sudya po» v kontekste modalyatsii i prepozitsionalizatsii: k ischisleniyu indeksov transpozitsii // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2020. T. 79. № 6. S. 42–55.
26. Shigurov V.V., Shigurova T. A. O modalyatsii glagol'nykh infinitivov v russkom yazyke // Mezdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii. 2014. № 8-3. S. 161–165.
27. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Modalyatsiya deeprichastnykh form glagolov v russkom yazyke: forma, prichina, predposylki // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 2-26. S. 5972–5976.
28. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. T. 3. № 1. Pp. 13–26.
29. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf-isch im heutigen Deutsch. Tu"bingen. 1982. 241 p.

30. Stekauer P.A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
31. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Sorrelative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. T. 97. № 25. S. 177–191.
32. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Functional Modulates Derived From Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Opción. 2019. T. 35. № 20. S. 1108–1123.

Documentaries: Voice-over Translation Algorithm

Filatova Ekaterina Alekseevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Advertising, Public Relations and Linguistics ; National Research University 'MPEI'

111250, Russia, Moscow, Krasnokazarmennaya str., 14, p. 1

 ekafilatova@mail.ru

Abstract. The object of this research is the documentary audiovisual translation. The subject of the study is the means of optimizing the voice-over translation of documentaries. The author examines the audiovisual translation, its specific features and the increased popularity at the present time. The features of voice-over translation and the reasons for its demand in Russia are precisely analyzed. Distinctive attention is focused on the specific features of the documentary audiovisual text, which cannot be translated without taking into consideration linguistic, psycho-emotional and audiovisual components. The documentary text is polycode by nature, which makes the translation process multifaceted. The purpose of the article is to develop an algorithm of actions by which the translator will be able to optimize the process of voice-over translation of audiovisual content, in particular, documentaries. To achieve this goal, general research methods and methods of linguistic: observation, comparison and description were applied. The result of the study was the systematization and algorithmization of the translator's actions in the process of translating audiovisual content such as documentaries. The scope of the results is wide, since the algorithm proposed in the article can be implemented in audiovisual translation by both practitioners and novice translators. The novelty of the research lies in the fact that for the first time an integrated approach to voiceover translation of documentaries was presented, which includes four stages: pre-translation analysis of the audiovisual text, analysis of the linguistic component, work with the psychoemotional component of the film and the stage of audiovisual synchronization. The conclusion of the article reflects the necessity to use a step-by-step approach in the process of transcoding the documentary audiovisual text from the original language into the recipient's language in order to optimize the translator's work and achieve high quality translation of a cinematic piece of art.

Keywords: terminology, analog texts, audiovisual synchronization, non-equivalent lexis, transformations in translation, psychoemotional component, pre-translation analysis, voice-over translation, documentary, audiovisual translation

References (transliterated)

- Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda). – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. – 275 s.

2. Golovina E. V. Osobennosti zakadrovoego perevoda fil'mov v pragmaticschem aspekte // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2023. № 1 (98). S. 272-274.
3. Ivanov A. O. Bezekvivalentnaya leksika / A. O. Ivanov. – SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Izd-vo S. – Peterb, un-ta, 2006. – 192 s.
4. Kozulyaev A. V. Audiovizual'nyi polisemanticheskii perevod kak osobaya forma perevodcheskoi deyatel'nosti i osobennosti obucheniya dannomu vidu perevoda // Tsarskosel'skie chteniya: materialy. SPb.: Leningr.gos. un-t im. A. S. Pushkina, 2013. T.I. № XVII. C. 374-381.
5. Kozulyaev A. V. Integrativnaya model' obucheniya audiovizual'nomu perevodu (angliiskii yazyk): Dis. ... kand. ped. nauk. Moskva, 2019. 234 s.
6. Kozulyaev A. V. Obuchenie dinamicheski ekvivalentnomu perevodu audiovizual'nykh proizvedenii: opyt razrabotki i osvoeniya innovatsionnykh metodik v ramkakh Shkoly audiovizual'nogo perevoda // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki, 2015. № 3 (13). C. 3-24.
7. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie / V. N. Komissarov. – 2-e izd., ispr. – M.: R. Valent, 2011. – 189 s.
8. Malenova E. D. Audiovizual'nyi perevod kak ob'ekt issledovaniya v sovremenном perevodovedenii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki, 2023. № 6 (874), 2023, S. 101-107.
9. Malenova E. D. Teoriya i praktika audiovizual'nogo perevoda: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt // Kommunikativnye issledovaniya, 2017. №2(12). S. 32-46.
10. Rabiger M. Rezhissura dokumental'nogo kino. 4-e izd. Iz-vo: M.: Gitr, 2006. 543 s.
11. Sapozhnikov I. Dublyazh i zakadrovoe ozvuchivanie fil'mov // Zvukorezhisser, 2004. № 3. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.xn--b1agadcjl6asejas6j.xn--p1ai/article_voice-over.html (data obrashcheniya: 07.06.2024).
12. Sergomanova A. A., Bogachenko N. G. Osobennosti perevoda kinofil'mov // Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleikhema. 2020. № 2 (39). S. 79-88.
13. Snetkova M. S. Lingvostilisticheskie aspekty perevoda испанских kinotekstov (na materiale russkikh perevodov khudozhestvennykh fil'mov L. Bunyuela «Viridiana» i P. Al'modovara «Zhenschiny na grani nervnogo sryva») Dissertation na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M., 2009.
14. Filatova E. A. Kompleksnaya model' analiza AVP dokumental'nykh fil'mov o zhivoi prirode // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2021, № 3. S. 136-147.
15. Shamilov R. M., Sdobnikov V. V. Kommunikativnaya situatsiya i lingvisticheskoe oformlenie teksta v spetsial'nom perevode: soderzhatel'no-smyslovoi aspekt // Nauchnyi dialog. 2019. № 1. S. 165-177.
16. Diaz Cintas J., Gunilla A. Audiovisual Translation Language Transfer on Screen. London: Palgrave Macmillan, 2009. 256 p.
17. Chaume F. An overview of audiovisual translation: Four methodological turns in a mature discipline // Journal of Audiovisual Translation, 2018. Vol. 1(1). P. 40-63.
18. Siki S. The Science of Film and Story: Emotions and Engagement [Elektronnyi resurs]. 2020. – Rezhim dostupa: <https://www.thehongkongfixer.com/thehkfixerblog/2020/08/the-science-of-film-and-story-emotions-and-engagement> (data obrashcheniya: 07.06.2024).

19. Smail B. Introduction: Representation and Documentary Emotion [Elektronnyi resurs]. 2010. – Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/304643277_Introduction_Representation_and_Documentary_Emotion (data obrashcheniya: 07.06.2024).
20. Szarkowska, A., & Wasylczyk, P. Five things you wanted to know about audiovisual translation research but were afraid to ask. *Journal of Audiovisual Translation*, 2018. 1(1). P. 8-25.

Peculiarities of the translation of idionyms in English and German gastronomic discourse

Lazutkina Elena Vladimirovna

PhD in Cultural Studies

Associate Professor; Institute of Philology and Language Communication; Siberian Federal University
660018, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Kuibyshev str., 97G, sq. 176

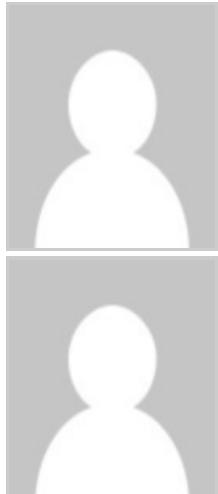
✉ helenal20@mail.ru

Zhbankova Nataliya Vazihovna

PhD in Psychology

Associate Professor; Institute of Philology and Language Communication; Siberian Federal University
660018, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Svobodny ave., 82A, office 250

✉ shbannat2000@mail.ru

Sidorova Nadezhda Aleksandrovna

Senior Lecturer; Institute of Philology and Language Communication; Siberian Federal University
660018, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Svobodny ave., 82A, office 250

✉ fransis2008@mail.ru

Abstract. The object of the research is the ways of transferring culinary idionyms of English and German (source languages) into Russian (recipient language), taking into account the realities of cultures. The article discusses the definition of idionyms, their connection with the culture of peoples, shows the main ways of transmitting idionyms using examples of real restaurant menus and culinary sites. The difficulties faced by a translator in the course of his work when working with idionyms of different languages are also considered. The application of methods of translating traditional English and German dishes into Russian is demonstrated using specific examples. It is shown how the same idiomatic name of a dish can be conveyed in different ways in the menus of restaurants, cafes and on various culinary sites. General scientific methods were used in the work: analysis and comparison. The linguistic method of continuous sampling was also used, with the help of which different names of the same traditional dish were identified in the recipient language, depending on the chosen method: transliteration, tracing paper, descriptive, combined. Conclusions are drawn about the most successful strategy for translating dish names is a combination approach: calcification and descriptive translation due to the fact that it preserves the cultural realities of the source language and allows the recipient to understand the composition of the dish. The main task in intercultural interaction is to prevent intercultural conflicts that may arise, including due to erroneous, inadequate translation of gastronomic idionyms. The translator or the menu

compiler is recommended to turn to additional sources to preserve the national and cultural coloring of the culinary idiom, at the same time conveying the composition of the dish and preventing distortion of its connotation.

Keywords: descriptive translation, calque, transliteration, translation method, idiom, reality, communicative failure, combined method, source language, recipient language

References (transliterated)

1. Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 328 s.
2. Kabakchi V.V., Proshina Z.G. Leksiko-semanticeskaya otnositel'nost' i adaptivnost' v perevode i mezhkul'turnoi kommunikatsii // Russian Journal of Linguistics. 2021. T. 25. № 1. S. 165–193.
3. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=savoury>
4. EnglishLib. URL: <https://englishlib.org/dictionary/en-ru/strawberry+fool.html>
5. VK.com. URL: <https://vk.com/@engl4you-menu-na-angliiskom-yazyke>
6. Cookery Daily. URL: <http://cookery-daily.ru/post/eton-mess>
7. OurFoods. URL: <https://www.ourfoods.ru/recipe/desert-itonskaya-meshanina>
8. Khlebopechka.ru. URL: <https://khlebopechka.ru/a/index.php?topic=533644.0>
9. Dzen. URL: <https://dzen.ru/a/Yq9tBHdXXAgRbJnD>
10. Dolce Vita. URL: <http://dolcevitablog.ru/2021/06/27/pastushij-pirog/>
11. Reverso. URL:
<https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/shepherd's+pie>
12. Povar.ru. URL: https://povar.ru/recipes/chernyi_puding-45376.html
13. Edim doma. URL: <https://www.edimdoma.ru/retsepty/106141-desert-vishnevyy-pustyak>
14. Dolce Vita. URL: <http://dolcevitablog.ru/2021/06/27/pastushij-pirog/>
15. Reverso. URL:
<https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/shepherd%27s+pie>
16. Edim doma. URL: <https://www.edimdoma.ru/retsepty/146881-angliyskiy-puding-zhaba-v-norke>
17. Kulinarnyi reaktor. URL: <https://cookreactor.com/post/4423870>
18. Cookorama.net. URL: <https://cookorama.net/ru/myasnye-vtorye-blyuda/toad-in-the-hole-with-red-onion-gravy-ili-lyagushka-v-norke-s-podlivkoj-iz-krasnogo-luka.html>
19. Bab.la. URL:
<https://www.babla.ru/%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/shepherd-s-pie>
20. Povarenok.ru. URL: <https://www.povarenok.ru/recipes/show/105688/>
21. Study-English.info. URL: <https://study-english.info/translation-fish-and-chips.php>

Linguistic regularities underlying translation correspondences between Russian and English official discourse noun phrases

Jurkovskaja Elena Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor Foreign Languages Department Irkutsk State Transport University

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Chernyshevsky str., 15

✉ eavur@mail.ru

Abstract. The article studies regularities determining lexical and grammatical transformations involved in translating noun phrases in Russian and English. The regularities were revealed while translating official Russian and English texts and comparing Russian and English noun phrases demonstrating equivalent meaning alongside with different lexical and grammatical forms. Translating such language units means having to search for adequate translation correspondences to adapt the translated text to the target language norms. The recurrence of a certain correspondence allows assuming its systemic nature and regularity. The revealed regularities are based on three contrasting characteristics of Russian and English noun phrases and formulated in the form of interlanguage oppositions. The study was conducted on the basis of empirical data and constitutes an inductive analysis. The methodological basis of the study was the translation theory by V.N. Komissarov, which substantiates the need for establishing adequate translation methods for certain linguistic units. The scientific novelty of the study consists in the attempt to systematize the essential differences between Russian and English noun phrases, which require adapting the translated text to the norms of the target language according to certain translation correspondences through appropriate translation transformations. It was found out that Russian demonstrates syntactic explicitness, whereas English syntax is implicit, which entails the need to reduce the Russian phrase and extensify the English one through translation transformations of omission and compensation. It was also discovered that unlike Russian, English displays a frequent use of verbal forms as noun phrase components, so there is a need to carry out part-of-speech transformations. Finally, Russian shows a tendency towards postposition, English towards

preposition of the attributive noun phrase component what demands the syntactic structure of a noun phrase to adapt.

Keywords: nominative attributive meaning, implicitness compensation, interlanguage opposition, compound noun, syntactic explicitness, syntactic implicitness, translation transformation, translation correspondence, noun phrase, adequate translation

References (transliterated)

1. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). Moskva: Vysshaya shkola, 1990.
2. Komissarov V. N. Obshchaya teoriya perevoda: Problemy perevodovedeniya v osveshchenii zarubezh. uchenykh. Moskva: CheRo; Yurait, 2000.
3. Osnovnye ponyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyi opyt). Terminologicheskii slovar'-spravochnik / Otv. redaktor M. B. Rarensko. Moskva, 2010.
4. Galeeva T. I., Kaziakhmedova S. Kh., Yanova E. A. Aktual'nye trebovaniya k adekvatnomu perevodu ofitsial'no-delovogo teksta // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2017. T. 27. №2. S. 304-314. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/1785>.
5. Baidavletov A. Yu. Implitsitnost' kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovanii // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2018. T. 23, № 4. S. 1156-1162. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36838328_48523232.pdf.
6. Kashichkin A. V. Implitsitnost' v kontekste perevoda: dis. ... kandidata filol. nauk: 10.02.20. Moskva, 2003.
7. Anikina O. E. Sintaksicheskaya implitsitnost' vo frantsuzskom yazyke v sopostavlenii s russkim: dis. ... kandidata filol. nauk: 10.02.20. Ekaterinburg, 2001.
8. Cherkashina L. P. Sootnoshenie eksplitsitnosti / implitsitnosti v perevode // Kommunikativnye issledovaniya. 2015. №2 (4). S. 169-174. URL: <http://com-studies.omsu.ru/images/magazine/2015/ki22015.pdf>.
9. Khaibulina G. N., Fatkullina F. G. Osnovnye napravleniya izucheniya terminologicheskoi leksiki // Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2012. №3(I). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18772060_84584481.
10. Russko-angliiskii slovar' tamozhennykh terminov. Russian-English dictionary of Customs Terms. URL: https://customsonline.ru/customs_terms.html.
11. Ryadinskaya A. I. Morphological features of official-business style // Vestnik KGPI. 2020. No. 1(57). P. 84-88. URL: <https://repo.kspi.kz/bitstream/handle/item/3571/14.MORPHOLOGICAL%20FEATURES%20OF%20OFFICIAL-BUSINESS%20STYLE.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
12. Lazarev V. A., Chigvintseva A. I. Osobennosti perevoda ofitsial'no-delovoi dokumentatsii // Privilzhskii nauchnyi vestnik. 2016. №5 (57). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26148707>.
13. Polyakov S. B., Bogdanova A. V. Grammar Rules for Determining a Set of Facts When Building Attributive-Nominative Word Combinations // Legal Concept, 2017. Vol. 16. No. 4, pp. 29-34. doi: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.4.4>.
14. Mignot E. The formation of compound nouns in English // Journée d'Étude «Le nom». Villetaneuse, France, 2018. URL: <https://hal.science/hal-03784191/document>.
15. Matchenko G. V. O nekotorykh mekhanizmakh sozdaniya angliiskikh substantivnykh kompaundov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya:

- Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2013. № 1. S. 44-48. URL:
<http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2013/01/2013-01-08.pdf>.
16. Yurkovskaya E. A., Shureeva A. S. Nominativnyi potentsial sostavnogo sushchestvit'nogo v angliiskom yazyke sfery tamozhennogo dela // Molodaya nauka Sibiri. 2022. № 2(16). S. 522-526. URL:
<https://ojs.irgups.ru/index.php/mns/article/view/730>.
17. Terenin A. V. Vzglyad na yazykovuyu interferentsiyu i stepeni ee proyavleniya // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13089>.

Landscape in the novel by Honore de Balzac "Letters of two brides": motifs of heaven and hell

Gainutdinova Dar'ya Aleksandrovna

Senior Lecturer; Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ajax, 10, room D411

✉ gaynutdinova.da@dvfu.ru

Abstract. This article research subject are features of landscape descriptions in the novel by Honore de Balzac «Letters of Two Brides». The novel was written in 1841 and is included in «Scenes of private life», which the writer dedicates it to Georges Sand. The author of the article bases the analysis of Balzac's book on the landscape descriptions given by L. N. Dmitrievskaya. She defines the landscape as an artistic image of nature, a «portrait» of the soul and person's worldview and an image of the world. The landscapes in the novel are multifaceted and include a love motive related to the development of one of the main themes of «Scenes from private life» - topics of women's happiness. It is manifested in two variations: amour spiritualis (spiritual love) and amour infernalis (love to oneself, love-passion). In the course of work we use historical-literary method, cultural-historical method and method of motive analysis. The relevance and novelty of research is related to the significance of the creativity of Honoré de Balzac in the history of world literature, the constant interest of foreign and domestic scientists to problems of writer's style and attention to modern literacy study to the ethics of descriptions as an important element of the artistic world and low knowledge of the characteristics of the Balzac's narrative technique. Landscape descriptions in the novel by Honore de Balzac «Letters of Two Brides» are considered as an important compositional element in the narrative structure. They serve as an exposure to each new stage of heroines' life. Nature descriptions become «portraits of soul», reflecting the difference in the natures of girls. And yet the landscape becomes one of the main image system components, forming the symbolic space of heaven or hell.

Keywords: Balzac, amor spiritualis, amor infernalis, woman's happiness, love, Swedenborg, The Human Comedy, landscape, hell, heaven

References (transliterated)

1. Reshetnyak N. V. «Misticheskaya kniga» Bal'zaka: ot istokov – k khudozhestvennomu voploscheniyu teosofskikh idei : dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.01.03 / N. V. Reshetnyak. Sankt-Peterburg, 2007. 218 s.
2. Svedenborg E. O nebesakh, o mire dukhov i ob ade / per. A.N. Aksakov. Spb.: Pal'mira

2018. 404 s.

3. Tamarchenko N. D. Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii / gl. nauch.red. N. D. Tamarchenko. M: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. 358 s.
4. Gusev V. I. Peizazh // Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. M.: Sov. entsikl., 1962–1978. T. 9: Abbaszade – Yakhut'. 1978. Stb. 602.
5. Mil'china V. Kommentarii // O. de Bal'zak. Vospominaniya dvukh yunykh zhen. SPb. : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. S. 268.
6. Bal'zak O. de. Vospominaniya dvukh yunykh zhen : izbrannye proizvedeniya : per. s fr. O. E. Grinberg. M.: Pressa, 1992. 543 s.
7. Balzac, H. de. Mémoires de deux jeunes mariées // Œuvres complètes de H. de Balzac. T. 2. Paris: A. Houssiaux. 1855. P. 1-194.

«The Englishman» by J. M. R. Lenz as an artistic reflection of the crisis in a «Sturm und Drang» movement

Gladilin Nikita Valer'evich □

Doctor of Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages; Gorky Literary Institute

123104, Russia, Moscow, Blvd. Tverskaya street, 25

✉ nikitagl@inbox.ru

Abstract. The subject of the article is the little-studied in Russian literary science dramatic fantasy «The Englishman» by a representative of Sturm und Drang («stormy geniuses») movement J. M. R. Lenz. The task is to discover the extent to which the short volume play reflects the whole complex of Lenz's personal problems to the end of the Strasbourg period of his life. At that time the writer is known to have realized the inability to live by writing and feared of returning to the homeland to his authoritarian father who predestined an entirely different way of life for him. Therefore, the situation similarity of the «Englishman» Robert Hot with the life circumstances of its creator is researched. Special attention is paid to typicality of the dramatic fantasy and its protagonist for the Sturm und Drang literature; its characteristic ideological and thematic constants are exposed. The research aims require reference to Lenz's biography and history of the literary epoch which determine the use of the biographical and historic cultural methods. It is established that both the author and his main character rebel against their birth fathers as well as against the Heavenly Father. Both Lenz and Hot experience love failures due to class barriers and excessive idealization of their beloved. They both suffer from melancholy and suicidal inclinations. Alike other «stormy geniuses» (Sturm und Drang) writers, Lenz advocates the cult of passionate love, liberated from social regulations; a revolt against «fathers'» wisdom; the combination of promethean ambitions of a powerful personality and the enforced «protean» mimicry to the social environment. The emancipation of the autonomous «stormy» personality is limited by boundaries, socially and psychologically preconditioned. Scientific novelty of the study appears in qualifying «The Englishman» as a document reflecting simultaneously Lenz's personality crisis and a crisis stage of the whole Sturm und Drang movement.

Keywords: crisis stage, emancipation boundaries, suicide, melancholy, cult of passionate love, revolt against fathers, autobiographical nature, sturm und drang, the englishman, jakob lenz

References (transliterated)

1. Rozanov M. N. Poet "burnykh stremlenii" Yakob Lents, ego zhizn' i proizvedeniya: Kritich. issledovanie. S pril. neizd. materialov. M.: Univ. tip., 1901.
2. Lenz J. M. R. Werke und Briefe in drei Bänden / Hrsg. von S. Damm. Leipzig: Insel; München: Hanser, 1987.
3. Kyuregyan T. S. Fantaziya // Muzykal'naya entsiklopediya v shesti tomakh / Glav. red. Yu. V. Keldysh. T. 5. Simon - Kheiler. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1981. S. 767-771.
4. Glarner H. "Diese willkürlichen Ausschweifungen der Phantasey". Das Schauspiel "Der Engländer" von Jakob Michael Reinhold Lenz. Bern [u. a.]: Lang, 1992.
5. Hoff D. von. Inszenierung des Leidens. Lektüre von J. M. R. Lenz' "Der Engländer" und Sophie Albrechts "Theresgen" // Stephan I., Winter H.-G. (Hg.). "Unaufhörlich Lenz gelesen...": Studien zu Leben und Werk von J. M. R. Lenz. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1994. S. 210-224.
6. Lozinskaya L. Ya., Moldavskaya N. D. Dvizhenie "Buri i natiska" // Istorya nemetskoi literatury v pyati tomakh / Pod obshch. red. N. I. Balashova, V. M. Zhirmunkogo (i dr.). M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963. T. II. S. 224-233.
7. Gladilin N. V. Metamorfozy "burnogo geniya". Tvorcheskii put' Fridrikha Maksimiliana Klingera. M.: Izd-vo Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo, 2020.
8. Stephan I. Verweigerte Männlichkeit. J. M. R. Lenz und sein Drama "Der Engländer" (1777) // Lenz-Jahrbuch. 2022. S. 8-25.
9. Mattenkrott G. Melancholie in der Dramatik des Sturm und Drang. Erweiterte und durchgesehene Auflage. Königstein: Athenäum, 1985.
10. Winter H.-G. Jakob Michael Reinhold Lenz. Zweite Auflage. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000.
11. Gol'bakh P. A. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. Tom 1 / perevod P. S. Yushkevicha, T. S. Batishchevoi, V. O. Polonskogo. M.: Mysl', 1963.
12. Schmidt S. F. "Behaltet euren Himmel für euch". Das Selbstmordverständnis in Lenz' Drama "Der Engländer" und Holbachs "System der Natur" // Lenz-Jahrbuch. 2009. S. 7-30.
13. Oberlin J. F. Der Dichter Lenz im Steinthale // Georg Büchner. Sämtliche Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe mit Kommentar. Hrsg. Werner R. Lehmann. München: Hanser, 1979. Bd. 1. S. 435-483.
14. Böcker H. Die Zerstörung der Persönlichkeit des Dichters J. M. R. Lenz durch beginnende Schizophrenie. Diss med. Bonn, 1969.

The poetics of F. G. Lorca's play "Yerma" translated by N. L. Trauberg and A. M. Geleskula

Sitnikova Inna

Senior Lecturer; Department of Romano-Germanic Philology of the Oriental Institute-School of Regional and International Studies; Far Eastern Federal University

690087, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, 52 Balyaeva str., sq. 65

 agur77@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the poetics of the translation of Federico Garcia Lorca's play "Yerma" (1934). The object of the study is the text of the original play in Spanish and its

translation into Russian, made by N. L. Trauberg (prose) and A.M. Geleskul (poetry) and published in the edition "Federico Garcia Lorca. Selected works in 2 volumes" in 1975. The article examines the features of the poetics of Garcia Lorca's play "Yerma": lyricism, basic motifs, traditions of the Spanish folk song art of Cante hondo. The points of view of researchers regarding the genre originality and poetics of the play, the position of translators are given. Special attention is paid to the peculiarities of the perception of the poetics of the play and their reconstruction in translation into Russian. To conduct the research, the method of structural and motivic analysis was used to identify the features of the structure of the play and its main motives. The use of the comparative method made it possible to identify the similarities and differences between the poetics of the original text and the translation. The main conclusions of the study are to identify the proximity of the poetics of translation to the poetics of the original, the preservation by translators of the poetics characteristic of drama, such as lyricism, elements of the stylistics of the folk art of kante hondo, the transfer of the expressivity of the original, the creation of a common atmosphere of the "tragic poem" and the "lyrical" image of the main character. The authors of the translation strive not only to preserve the national flavor of the Spanish text, but also to "bring" the play closer to the Russian reader and viewer. The novelty of the research lies in the fact that for the first time an attempt was made to conduct a comparative analysis of the original text and translation of Garcia Lorca's play "Yerma" and to identify the features of its reconstruction in Russian in connection with the problem of reception of folklore traditions peculiar to Lorca's dramaturgy and the realization of the author's idea.

Keywords: motif of death, cante jondo, lyricism, translation perception, translation, original, poetics, tragic poem, play, motif of fading

References (transliterated)

1. Garsia Lorka F. Samaya pechal'naya radost' / perevod s isp. / Sost., avtor predisl. i komment. N. R. Malinovskaya. M.: Progress, 1987. 512 s.
2. Dobrev Ch. Liricheskaya drama. M.: Iskusstvo, 1983. 322 s.
3. Garsia Lorka Fr. Federiko i ego mir. / per. s isp. / Posleslovie L. Ospovata; kommentarii N. R. Malinovskoi. M.: Raduga, 1987. 520 s.
4. Malinovskaya N. R. Samaya pechal'naya radost' // F. Garsiya Lorka. Izbrannoe. Per. s isp./Sost. N. R. Malinovskoi, A. B. Matveeva; Predisl. N. R. Malinoskaoi: Komment. A. B. Matveeva. M.: Prosvetshchenie, 1986. S. 5-20.
5. Tamarli G. I. Dramaturgiya Federiko Garsiya Lorki. Saarbryukken: LAP LAMBERT Academic, 2013. 340 s.
6. Salmati, E. (2015). Bodas de sangre, Yerma y Doña Rosita la soltera. In *La casa de Bernarda Alba* (26-30). Barcelona: Editorial Planeta, S.A.
7. Vankhanen N. Yu. Vsegda poeziya // Inostrannaya literatura. 2007. № 5. URL: 2007https://magazines.gorky.media/inostran/2007/5/vsegda-poeziya.html (data obrashcheniya: 16.07.2024).
8. Garsia Lorka F. Izbrannye proizvedeniya. V 2-kh t. T. 2. Stikhi, teatr, proza: per. s isp. / Redkol. A. Minin, L. Ospovat, G. Stepanov i dr.; sost. i primech. L. Ospovata. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. 479 s.
9. Yung K. G., Noimann E. Psikhoanaliz i iskusstvo. M.: Refl-buk, Vakler, 1998. 304 s.
10. Garsia Lorka F. Izbrannye proizvedeniya. V 2-kh t. T. 1. Stikhi, teatr, proza: per. s isp. / Redkol. A. Minin, L. Ospovat, G. Stepanov i dr.; sost. i primech. L. Ospovata. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. 478 s.

11. García Lorca F. (2017) *Yerma. Doña Rosita la soltera*. Barcelona: Olmak Trade S.L.
12. Zingerman B. I. Ocherki istorii dramy XX veka: Chekhov, Strindberg, Ibsen, Meterlink, Pirandello, Brekht, Gauptman, Lorka, Anui / Otvestv. red. A. A. Anikst. M.: Nauka, 1979. 392 s.
13. Morris Brian, C. (1995). Yerma, abandonada e incompleta. In C. Cuevas García, E. Buena (Eds.), *El Teatro de Lorca. Tragedía, drama y farsa* (15–41). Malaga: Universidad de Málaga.
14. Ispanskaya narodnaya poeziya: Sbornik. / Sost. N. R. Malinovskaya i A. M. Geleskul. M.: Raduga, 1987. 672 s.
15. Bensussan, A. Garsiya Lorka. M.: Molodaya gvardiya, 2014. 392 s.
16. Salatino de Zubiría, M. C. (2005). Yerma. Por qué poema trágico y no tragedia poética. *Revista de Literaturas Modernas*, 35, 143–161. Recuperado a partir de <https://bdigital.uncu.edu.ar/102>. (data obrashcheniya: 17.07.2024).
17. Pinto, V. P. (2017). El símbolo del agua y el motivo de la sed en "Yerma". *Boletín De Filología*, 23, 283–304. Recuperado a partir de <https://revistaestudiospoliticaspublicas.uchile.cl/index.php/BDF/article/view/46911> (data obrashcheniya: 16.07.2024).
18. Panova L. G. Ispanskaya kopla: mezhdu pogovorkami i knizhnymi poezdii // Kul'turnye sloi vo frazeologizmakh i v diskursivnykh praktikakh. Otv. red. V. N. Teliya. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. S. 299–307.
19. Silyunas V. Yu. Federiko Garsia Lorka. Drama Poeta. M.: Nauka, 1989. 328 s.
20. Ospovat L. S. Garsiya Lorka. M.: Molodaya gvardiya, 1965. 410 s.
21. Terteryan I. A. Federiko Garsia Lorka // Ispytanie istorie. Ocherki istorii literatury XX veka. M.: Nauka, 1973. S. 365–418.

"Imagining a character...": novel discourse in the memoirs of A. E. Labzina

Roshchina Olga Sergeevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Novosibirsk State Pedagogical University'

630126, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Vilyuyeskaya str., 28

roschina67@mail.ru

Abstract. The aim of the work is to study the narrative discourse in the memoirs of Labzina. Speaking about Labzina's memoirs, the researchers note completely different features of their architectonics. A. Vacheva, focusing on the depicted character, believes that the memoirist focuses primarily on hagiographic discourse. Yu. M. Lotman, paying attention to the writing author and his methods of text generation, fixes the making of Labzina's memoirs according to the laws of artistic creativity. This, according to the author of the article, is already connected with the stylization of the novelistic discourse. It is concluded that the pretext of the memoirs is S. Richardson's novel Pamela or Rewarded Virtue. The novelty of the work lies in the identification and research of novel discourse in the autobiographical narrative of Labzina. The imitation of the poetics of Richardson's first novel is due to the fact that his discourse, with its repeated description of the plot situation of the virtue's temptation and the presentation of the heroine as innocent, meek and pious, whom everyone around invariably loves, is best

able to combine with the hagiographic. However, the text of the memoirs reveals discrepancies in the character and actions of the real auto-heroine with the ideal novel's image. She is capable of self-will, seeks to control her husband with the help of his immediate superiors, her lack of education in matters of gender in dealing with other men is questionable. The analysis of the narrative discourse of Labzina's memoirs allows us to identify one of the vectors in the process of fictionalization of autobiographical narrative in the literary process of Russian literature in the second half of the XVIII – early XIX century – the self-identification of the author of memoirs with a literary hero and the stylization of novel discourse.

Keywords: self-presentation, sentimentalism, plot situation, stylization, Richardson, narrative discourse, pretext, auto heroine, Labzina, memoirs

References (transliterated)

1. Vacheva A. Memuary Anny Evdokimovny Labzinoi: mezhdu zhitiem i nra vouchitel'nym traktatom // Aonidy. Sbornik statei v chest' Natal'i Dmitrievny Kochetkovo i. M.-SPb.: Al'yans-Arkheo, 2013. S. 145-153.
2. Zorin A. L. Poyavlenie geroya: iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 568 s.
3. Kochetkova N. D. Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya). SPb.: Nauka, 1994.
4. Labzina A. E. Vospominaniya A. E. Labzinoi // Vospominaniya Anny Evdokimovny Labzinoi. SPb.: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1914. S. 1-109.
5. Labzina A. E. Dnevnik // Vospominaniya Anny Evdokimovny Labzinoi. SPb.: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1914. S. 113-150.
6. Lotman Yu. M. Dve zhenschchiny // Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). SPb.: Iskusstvo, 1994. S. 287-313.
7. Modzalevskii B. L. Predislovie // Vospominaniya Anny Evdokimovny Labzinoi. SPb.: Tipografiya B. M. Vol'fa, 1914. S. VII-XXIV.
8. Prikazchikova E. E. Ural'skaya masonka – «Istoriya zhizni odnoi blagorodnoi zhenschchiny» A. E. Labzinoi v kontekste traditsii russkoi zhenskoi memuaristiki XVIII veka // Literatura Urala: istoriya i sovremennost'. Ekaterinburg: AMB, 2006. S. 190-203.
9. Richardson S. Pamela, ili nagrazhdennaya dobrodetel'. Aglinskaya nra vouchitel'naya povest'. SPb., 1787.
10. Richardson S. Dostopamyatnaya zhizn' devitsy Klarissy Garlov, istinnaya povest'. SPb., 1792.
11. Roshchina O. S., Farafonova O. A. Belletrizatsiya syuzheta avtobiografii v russkoi memuaristike XVIII veka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. 2023. № 4. S. 113-122.
12. Tyupa V. I. Gorizonty istoricheskoi narratologii. SPB.: Aleteiya, 2021.
13. Tyupa V. I. Diskurs narrativnyi (narrativ) // Tezaurus istoricheskoi narratologii (na materiale russkoi literatury): eksperimental'nyi slovar' / pod red. V. I. Tyupy. M.: Editus, 2022. S. 147-148.

The pragmatic possibilities of the creolized texts in the Italian's Army yearbooks

Zotova Sofia

Postgraduate student; Department of Italian Language, Faculty of Translation; Moscow State Linguistic University

38 Ostozenka str., Moscow, 119034, Russia

✉ sofiya_arsenteva@mail.ru

Abstract. The article considers the pragmatic possibilities of the creolized texts of the yearbooks of the Italian Army. The author analyzes eleven yearbooks and about two hundred creolized texts for the period from 2010 to 2021. The object of the research is the yearbooks of the Army with creolized content. The subject of the research is the verbal and iconic components of the yearbooks' texts.

The main purpose of the study is to identify the pragmatic functions of verbal and iconic components of the text of military yearbooks, reflecting the main values of society.

The author considers the text of military yearbooks from the position of the speech acts theory and analyzes the locutionary and illocutionary levels in order to draw a conclusion about the perlocutionary level, namely, whether the author achieves a perlocutionary effect and with the help of what verbal and iconic means there is a change in the consciousness and feelings of the addressee.

The methodological basis of the study are the works on linguopragmatics, the theory of polycode, creolized text and multimodal text.

The research methods include: the method of continuous sampling, lexical analysis, comparison and synthesis of the analysis results. The scientific novelty of the research is the first time study of the Italian creolized text in the military sublanguage. The material of the study, printed yearbooks of the Italian Army, haven't been subjected to analysis before. The linguopragmatic analysis of research material allowed us to study the content and semantic integrity of the creolized text and the synthesis provided us with conclusions about the pragmatic function of its semiotically heterogeneous components. Although iconic and verbal components don't perform the function of image creation themselves, the distribution of pragmatic functions between the message and the picture contributes to the positive image of the Italian Army.

Keywords: iconic component, verbal component, pragmatic possibilities, yearbooks, the Italian Armed Forces, multimodal text, polycode text, creolized text, linguopragmatics, Italian language

References (transliterated)

- Pishcherskaya E.N. Kreolizovannyi tekst kak ob'ekt izucheniya v lingvistike // Litera. 2023. № 5. S. 55-65. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40748 EDN: ZHGUAD URL: https://e-notabene.ru/fil/article_40748.html
- Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovanne teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya. M.: Vysshaya shkola, 1990. S. 180-186.
- Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov): uchebnoe posobie dlya studentov fakul'tetov inostrannyykhazykov. M.: Akademiya, 2003. 128 c.
- Eiger G. V., Yukht V. L. K postroeniyu tipologii tekstov // Lingvistika teksta: Materialy nauchnoi konferentsii pri MGPIIYa im. M. Toreza. M., 1974. S. 24-27.
- Voroshilova M. B. Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu: monografiya. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 2013. 194 s.

6. Kreolizovannyi tekst: Smyslovoe vospriyatiye. Kollektivnaya monografiya / Otv. red. I.V. Vashunina. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2020. 206 s.
7. Belova M. A. Verbal'nye sredstva vyrazheniya ironii v russkikh kreolizovannykh tekstakh: lingvokulturologicheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2022. 21 s.
8. Kress, G., & Van Leeuwen, T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. New York: Routledge, 1996.
9. Verdiani, S. Fra lingua e immagini. Torino: Comparative Studies in Modernism, 2019.
10. Bazzanella S. Linguistica cognitiva: un'introduzione. Roma: Laterza, 2014.
11. Palermo M. Testualità digitale e multimodale: osservazioni sulla struttura dei reel. Siena: Italiano LinguaDue, 2022.
12. Prada M. Non solo parole. Percorsi di didattica della scrittura. Dai testi funzionali a quelli multimodali. Milano: FrancoAngeli, 2021.
13. Kobozeva I. M. Lingvo-pragmaticsii aspekt analiza yazyka SMI // Yazyk sredstv massovoi informatsii: Uchebnoe posobie dlya vuzov / Pod red. M.N. Volodinoi. M.: Akademicheskii Proekt: Al'ma Mater, 2008. 760 s.

Reduplication of figurative and onomatopoeic verbs as a means of expressing multiplicity in the Yakut language (based on the novel by N.E. Mordinov-Amma Achchygya "Springtime")

Samsonova Ekaterina Maksimovna

PhD in Philology

Senior Researcher, Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Indigenous Peoples of the North SB RAS

677027, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Petrovsky str., 1, room 301

✉ samsonova_em@mail.ru

Abstract. The object of research in this article is the reduplicated forms of Yakut figurative words and verbs, and the subject is the functional features of the manifestation in their semantics of various shades of multiplicity and repeatability. Based on the material of the famous novel by the Yakut classic writer N.E. Mordinov – Amma Achchygya "Springtime" (1944), cases of the use of such vocabulary in a literary text are considered. The structure of the article is made in such a way that the analysis of doubled figurative and onomatopoeic verbs is carried out separately; this is quite consistent with the differentiation of these two categories of words accepted in the Yakut linguistic tradition. Special attention is paid to examples of reduplication in analytical constructions formed by combining figurative (onomatopoeic) words with service verbs, and affixal action forms with the meaning of multiplicity. The application of a functional-semantic approach based mainly on the principle of "from meaning", "from means to functions" allowed us to determine the list of multiplicity values expressed by doubled figurative and onomatopoeic verbs. The practical material was extracted by continuous sampling and presented in the text using the method of morphemic glossing. The novelty of this study lies in the consideration of doubled figurative and onomatopoeic words as one of the main representatives of the functional-semantic field of multiplicity. It has been established that these verbs, when used in a reduplicated form, have similar structural and semantic characteristics. If singleness is expressed by analytical formations of the type "onomatopoeic (figurative) root + gin- 'make' (also dee- 'speak' with

onomatopoeic)", then the reduplication of the components of this construction conveys the meaning of multiplicity. In contrast to analytical tools, the semantics of repetition in affixal action forms of figurative and onomatopoeic verbs becomes more frequent and intense during reduplication. The analysis of the text showed that, depending on the object of description, these tools can perform either an artistic and descriptive function or convey an emotional assessment.

Keywords: onomatopoeia, a figurative word, multiplicativity, reduplication, multiplicity, aspectuality, verb, the Yakut language, affixation, analytical form

References (transliterated)

1. Boeskorov G. K. Masterstvo N. E. Mordinova. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1973. 236 s.
2. Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yta: v 15 t. T. IV / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2007. 672 s.
3. Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yta: v 15 t. T. VI / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2009. 518 s.
4. Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yta: v 15 t. T. X / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2013. 576 s.
5. Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yta: v 15 t. T. XIV / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2017. 591 s.
6. Gerasimova L. N. Osobennosti upotrebleniya izobrazitel'nykh glagolov v yakutskom i altaiskom eposakh // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii. 2022. №2(36). 9-21.
7. Grammatika sovremennoj yakutskoj literaturnoj yazyka. Fonetika i morfologiya. M.: Nauka, 1982. 496 s.
8. Efremov N. N. Obraznye glagoly, formiruyushchie prostranstvennye predlozheniya, v yakutskom yazyke (strukturno-semanticeskij analiz) // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2017. №3(20). S. 112-118.
9. Zhirkova E. E. Strukturnye osobennosti obraznoi i onomatopoeticeskoi leksiki yakutskogo i yaponskogo yazykov // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2020. T.6. №4. S. 51-60.
10. Iskhakova Kh. F., Nasilov D. M., Rassadin V. I. Vyrazhenie mnozhestvennosti situatsii v tyurkskikh yazykakh // Tipologiya iterativnykh konstruktsii / Pod red. V. S. Khrakovskogo. L.: Nauka, 1989. S. 110-122.
11. Kanaev N. P. Tvorchestvo N. E. Mordinova. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1964. 175 s.
12. Kategoriya obraznosti v yazyke (na materiale sopostavleniya yakutskogo yazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim yazykami): koll. monografiya / otv. red. S. M. Prokop'eva. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. 196 s.
13. Kryuchkova O. Yu. Reduplikatsiya v aspekte yazykovoi tipologii // Voprosy yazykoznanija. 2000. №4. S. 68-84.
14. Nikolaeva A. M. Sredstva vyrazheniya ekspressivnosti v yakutskom yazyke. Novosibirsk: Nauka, 2014. 132 s.
15. Mordinov N. E.-Amma Achchygyia. Saasky kem (Vesennyya pora). Yakutsk: Bichik, 1994. 368 c.
16. Sivtseva N. A. Affiksal'nye formy zvukopodrazhatel'nykh glagolov kak sredstva

- vyrazheniya kategorii opredelennosti-neopredelennosti v yakutskom yazyke // Voprosy gumanitarnykh nauk. 2015. № 3(78). S. 74-75.
17. Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis / Pod red. A. V. Bondarko. L.: Nauka, 1987. 348 s.
 18. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'yta: v 15 t. T. II / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2005. 910 s.
 19. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'yta: v 15 t. T. III / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2006. 841 s.
 20. Ubryatova E. I. Udvoenie osnovy slova v yakutskom yazyke // Voprosy grammatiki: Sb. st. k 75-letiyu akad. I. I. Meshchaninova. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. S. 211-222.
 21. Kharitonov L. N. Tipy glagol'noi osnovy v yakutskom yazyke. M.; L.: AN SSSR, 1954. 312 s.
 22. Kharitonov L.N. Formy glagol'nogo vida v yakutskom yazyke. M.; L.: AN SSSR, 1960. 179 s.
 23. Shamaeva A. E., Sleptsova O. D. Obraznye glagoly, kharakterizuyushchie figuru cheloveka v yakutskom yazyke v sopostavlenii s ikh parallelyami iz mongol'skogo yazyka // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 6(85). S. 553-555.

Pelevin vs Sorokin: an Attempt of Stylometric Comparison

Zenkov Andrei Viacheslavovich

PhD in Physics and Mathematics

Associate Professor at the Department of Modeling of Controllable Systems, Ural Federal University

620002, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Mra str., 19, office 434

 zenkow@mail.ru

Zenkov Miroslav Andreevich

Master's degree; Institute of Radio Engineering and Information Technology, Ural Federal University

620100, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Kuibyshevstr., 88

 zenkow@mail.ru

Zenkov Nikolai Andreevich

Bachelor's degree; Institute of Digital Technologies of Management and Information Security, Ural State University of Economics

620100, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Kuibyshev str., 88

 zenkow@mail.ru

Abstract. Our study is related to quantitative linguistics and focuses on the application of a new method for analyzing the author's style in literary texts. The method uses computer analysis of numerical data found in texts, including both cardinal and ordinal numerals, expressed both in numbers and verbally. Author used the program which automatically removed phraseological units and fixed combinations accidentally containing numerals. Before analysis, the text must be manually cleaned of numbers that do not contribute to the author's artistic vision, such as page numbers or chapter numbers. The analysis revealed that the use of numerals by an author in his/her texts is unique and individual, forming a characteristic feature that distinguishes texts by different authors. For the first time, a formal quantitative stylometric analysis is performed of the literary works by Victor Pelevin and Vladimir Sorokin – authors whose literary styles share many similarities when viewed through the lens of a

traditional descriptive philological approach. To validate this methodology, we have also included the texts of four "impostor" authors in our analysis. It has been found that Pelevin's and Sorokin's texts differ significantly in their use of numerals. The data on occurrences of numerals in the texts were subjected to hierarchical clustering, which accurately divided the texts into groups based on their authorship. Since the clusterization results can be influenced by the choice of both metrics and clustering method, we tried various reasonable combinations of them to ensure the reliability of our results. Each time, the dendrogram would change only slightly. Thus, the clustering outcomes were found to be reliable. The proposed new method of quantitative linguistics, which is based on the analysis of numerals in literary texts, has the potential to successfully solve the stylometric problems, particularly related to the attribution of texts.

Keywords: hierarchical cluster analysis, Vladimir Sorokin, Victor Pelevin, numerals in texts, text authorship, text attribution, quantitative linguistics, stylometry, dendrogram, Manhattan metrics

References (transliterated)

1. Bogdanova O.V. Literaturnye strategii Viktora Pelevina / O.V. Bogdanova, S.A. Kibal'nik, L.V. Safronova. SPb.: Petropolis, 2008.
2. Polotovskii S. Pelevin i pokolenie pustoty / S.A. Polotovskii, R.V. Kozak. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2012.
3. Shilova N.L. Vizionerskie motivy v postmodernistskoi proze 1960–1990-kh godov (Ven. Erofeev, A. Bitov, T. Tolstaya, V. Pelevin) / N.L. Shilova. Petrozavodsk: Izd-vo Karel'skoi gos. ped. akademii, 2011.
4. Khagi S. Alternative Historical Imagination in Viktor Pelevin // Slavic and Eastern European Journal. 2018. No. 62(3). Pp. 483–502.
5. Khagi S. Pelevin i nesvoboda: Poetika, politika, metafizika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. – 392 s. ISBN: 978-5-4448-1967-8.
6. Lanin B.A. Novaya staraya literaturokritika: Sorokin i Pelevin v bor'be s traditsiyami // Tsennosti i smysly. 2015. № 40(6). S. 110–123.
7. Bogdanova O.V. Kontseptualist, pisatel' i khudozhnik Vladimir Sorokin. SPb.: SPbGU, 2005.
8. Andreeva N.N., Bibergan E.S. Igry i teksty Vladimira Sorokina / N.N. Andreeva, E.S. Bibergan. SPb.: Petropolis, 2012.
9. Marusenkov M.P. Absurdopediya russkoi zhizni Vladimira Sorokina: Zaum', grotesk i absurd / M.P. Marusenkov. SPb.: Aleteiya, 2012.
10. Bibergan E.S. Rytzar' bez strakha i upreka: Khudozhestvennoe svoeobrazie prozy Vladimira Sorokina / E.S. Bibergan. SPb.: Petropolis, 2014.
11. «Eto prosto bukvy na bumage...» Vladimir Sorokin: posle literatury / I.A. Kalinin; M.N. Lipovetskii; E.A. Dobrenko i dr. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.
12. Stamatatos E. A survey of modern authorship attribution methods // J. Amer. Soc. for Information Science and Technology. 2009. No. 60(3). Pp. 538–556.
13. Tempestt N., Kalaivani S., Aneez F., Yiming Y., Yingfei X., and Damon W. Surveying Stylometry Techniques and Applications // ACM Comput. Surv. 2017, No. 50(6), Article 86, 36 pages.
14. La Inteligencia Artificial ayuda a descubrir una obra desconocida de Lope de Vega en los fondos de la BNE, Biblioteca Nacional de España,

<https://www.bne.es/es/noticias/inteligencia-artificial-ayuda-descubrir-obra-desconocida-lope-vega-fondos-bne> (Accessed: June 30, 2024).

15. Zenkov A.V. Novyi metod stilemetrii na osnove statistiki chislitel'nykh, Komp'yuternye issledovaniya i modelirovanie. 2017, T. 9, № 5, S. 837–850.
16. Zenkov A.V. A Method of Text Attribution Based on the Statistics of Numerals // J. of Quantitative Linguistics. 2018. No. 25(3). Pp. 256–270.
17. Zenkov A.V., Místecký M. The Romantic Clash: Influence of Karel Sabina over Macha's Cikani from the Perspective of the Numerals Usage Statistics // Glottometrics. 2019, No. 46, Pp. 12–28.
18. Zenkov A.V. Stylometry and Numerals Usage: Benford's Law and Beyond // Stats 2021. No. 4. Pp. 1051–1068.
19. Zenkov A., Místecký M. Young Vladimír Vašek? – A Numerals Analysis Contribution to the Bezruč–Hrzánský Identity Issue // Naše řeč, 2022. No. 105(3). Pp. 151–161.
20. Zenkov A.V. Literaturnye mistifikatsii i avtorskoe ispol'zovanie chislitel'nykh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. № 16(11). S. 3696–3709. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20230568>.
21. Zenkov A.V. Under a False Flag: Literary Hoaxes and the Use of Numerals // Litera. 2023. № 10. S. 86–109. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.68743 EDN: TYDRFD URL: https://e-notabene.ru/fil/article_68743.html
22. Zenkov A.V., Ermakov N.E. Chislitel'nye v tekstakh kak kharakternaya osobennost' avtorskogo stilya // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 45(9). URL: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.45.28>.
23. Moisl H. Cluster Analysis for Corpus Linguistics. De Gruyter Mouton, 2015.
24. Gan G., Ma C., Wu J., Data Clustering: Theory, Algorithms, and Applications. Society for Industrial and Applied Mathematics, 2007.
25. Koppel M., Winter Y. Determining if two documents are written by the same author // J. of the Association for Information Science and Technology. 2014. No. 65(1). Pp. 178–187.
26. Plekhanova I.I. Vnutriliteraturnaya polemika nachala XXI veka: motivy i soderzhanie («Okolonolya» N. Dubovitskogo i «S.N.U.F.F.» V. Pelevina) // Filologicheskii klass. 2013. № 33(3). S. 26–32.

Logical and linguistic features of conductive arguments in environmental media discourse

Barebina Natalya Sergeevna

Doctor of Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages; Irkutsk State Transport University

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Cheryshevsky str., 15

✉ svirel23@rambler.ru

Zibrov Dmitrii Anatol'evich

PhD in Philology

Independent Researcher

664007, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Karl Liebknecht str., 45a, sq. 17

✉ matou45@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the logical and grammatical structure of conclusions. The object of the study is conductive arguments. The authors of the article consider the implementation of such arguments in an environmental media discourse. Unlike formal logic, natural language argumentation is more often based on examples, analogies and reasoning that do not ensure the full truth of conclusions, since they can only be true with a certain degree of probability. Probabilistic arguments can have different interpretations and lead to different conclusions. A variety of such arguments is the class of conductive arguments. These are arguments that contradict other arguments presented in support of a particular conclusion. The study of conductive arguments is relevant because their role in argumentation has been little studied. In addition, environmental topics in the media give contextual characteristics to the argumentation, which makes it possible to trace the change in logical canons in reasoning. The method of reconstruction of argumentative discourse using the analytical tool "Argumentative Step" was used in the work. The elements of argumentation were analyzed in accordance with the model of argumentative functions. A theoretical analysis of the literature has shown that conductive elements in the process of argumentation do not receive sufficient coverage in Russian argumentology. The analysis of empirical material revealed a significant number of non-deductive conclusions in the argumentation. As a result of the study, the following conclusions were drawn. 1. Conductive arguments are an immanent part of the proof structure. 2. The textual constructions corresponding to the conductive arguments reflect the semantics of the counterthesis, the balance between arguments, reservations, as well as the extension of the thesis, that is, the expansion of the scope of the thesis. In the analyzed texts in English, markers of opposition and limitations were found, such as conjunctions, particles, prepositions "but", "even", "although", "even if", "in spite of", "despite of", "unless". These markers indicate the presence of conductive arguments in the text.

Keywords: restriction, clause, counterthesis, inference, thesis, conclusion, conductive argument, extension, argumentation, balance

References (transliterated)

1. Barebina N.S., Glyzina V.E., Leont'ev A.A., Maksimova N.V. Izuchenie sposobov i sredstv intensivnosti v alarmistskikh diskursakh // Litera. 2023. № 1. S. 69-77. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.1.39578 EDN: HPFKOT URL: https://e-notabene.ru/fil/article_39578.html
2. Bokmel'der D. A. Obosnovanie razumnykh reshenii. Saarbrucken : LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 294 s.
3. Vasil'ev L. G. Argumentatsiya i ee ponimanie: Logiko-lingvisticheskii podkhod. Kaluga: Kaluzhsk. gos. un-t im. K.E. Tsiolkovskogo, 2014. 331 s.
4. Leont'ev A. A. K voprosu o rekonfiguratsii ekologicheskogo diskursa (na primere vzaimodeistviya nauchnogo i ekologicheskogo diskursa v media) // Global'nyi nauchnyi potentsial. 2023. № 5 (146). S. 230-232.
5. Goorden D., Fischer Th. Conductive arguments and the 'inference to the best explanation' // OSSA Conference Archive. 2001. 26. <https://scholar.uwindsor.ca/ossaarchive/OSSA9/papersandcommentaries/26>
6. Hansen H. V. Notes on Balance-of-Considerations Arguments // An Overlooked Type of Defeasible Reasoning. London: College Publications. 2011. Pp. 30-51.
7. Hitchcock D., Wohlraup H. R. The Concept of Argument: A Philosophical Foundation. Logic, Argumentation and Reasoning 4 // Argumentation 30. 2016. Pp. 353-363. URL: <https://doi.org/10.1007/s10503-015-9365-3>

8. Johnson R.H. *Manifest Rationality*. Lawrence Erlbaum Associates, Mahwah, NJ. 2000. 391 p.
9. Laar J. van. Arguments that Take Considerations into Account // *Informal Logic*. 2014. 34(3). Pp. 240–275.
10. Liao Y. The Legitimacy of Conductive Arguments: What Are the Logical Roles of Negative Considerations? // From Argument Schemes to Argumentative Relations in the Wild / F. van Eemeren, B. Garssen (eds). *Argumentation Library*. 2020. Vol. 35. Springer, Cham. Pp. 255–267. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-28367-4_16
11. Lisanyuk E. Hinges, Deep Disagreement and Fixed Points in the Argumentation Logic // *Logiko-filosofskie shtudii*. 2021. T. 19. № 1. S. 112–116. DOI: 10.52119/LPHS.2021.92.34.008.
12. Pandžić S. A Logic of Defeasible Argumentation: Constructing Arguments in Justification Logic // *Argument and Computation*. 2022. T. 13. № 1. S. 3–47.
13. Pinto R. Weighing evidence in the context of conductive reasoning // *Conductive Argumentation* / R. H. Johnson, T. A. Blair (eds). London: College Publications. 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/238714035_Weighing_Evidence_in_the_Context_of_Conductive_Reasoning
14. Plantin C. Conductive Argument // *Dictionnaire de l'argumentation* 2021. URL: <https://icar.cnrs.fr/dicoplantin/conductive-argument-e/>
15. Possin K. Conductive Arguments: Why is This Still a Thing? // *Informal Logic*. 2016. Vol. 36, No. 4. Pp. 563–593.
16. Roberts J. "Political ecology" / *The Open Encyclopedia of Anthropology* / F. Stein (ed.). 2023. URL: <http://doi.org/10.29164/20polieco>
17. Shiyang Yu Sh., Zenker F. A Dialectical View on Conduction: Reasons, Warrants, and Normal Suasory Inclinations // *Informal Logic*. 2019. Vol. 39. No. 1. Pp. 32–69. DOI: 10.22329/il.v39i1.5080
18. Xie Y. Argument by Analogy in Ancient China // *Argumentation*. 2019. Volume 33, Pp. 323–347. DOI: 10.1007/S10503-018-09475-7.
19. Xie Y. Conductive Argument as a Mode of Strategic Maneuvering // *Informal Logic*. 2017. 37(1). Pp. 2–22.
20. Xie Y. On the Logical Reconstruction of Conductive Arguments // From Argument Schemes to Argumentative Relations in the Wild / F. van Eemeren, B. Garssen (eds). *Argumentation Library*. 2020. Vol 35. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-28367-4_15